

В. А. МАСЛОВА

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

*УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ*

Москва
2001

УДК 008(100)(075.8) ББК 81.2–5я73 М31

Рецензент: доктор филологических наук, профессор А. М. Мезенко

Маслова В. А.

М 31 Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 208с.

ISBN 5–7695–0745–4

Учебное пособие посвящено разработке основ новой отрасли знания — лингвокультурологии, возникшей на стыке лингвистики и культурологии и исследующей проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Показано, как культура формирует и организует мышление языковой личности, языковые категории и концепты, каким образом осуществляется одна из фундаментальных функций языка — быть орудием создания, развития, хранения и трансляции культуры.

Книга может быть интересна и полезна аспирантам и преподавателям русского языка, лингвистике, этнолингвистам, психоллингвистам, культурологам.

Оглавление

От автора

ГЛАВА 1.

Язык—культура—человек—этнос

1. *Вопрос о смене парадигм в языкознании. Новая парадигма знаний и место в ней лингвокультурологии*
2. *Статус лингвокультурологии в ряду других лингвистических дисциплин*
3. *Культура: подходы к изучению. Задачи культурологии*
4. *Культура и человек. Культура и цивилизация*

ГЛАВА 2.

История и теоретические основания лингвокультурологии

1. *Из истории возникновения науки*
2. *Задачи и цели лингвокультурологии*
3. *Методология и методы лингвокультурологии*
4. *Объект и предмет исследования в лингвокультурологии*
5. *Базовые понятия лингвокультурологии*
6. *Культурная коннотация как экспонент культуры в языковом знаке*

ГЛАВА 3.

Язык и культура: Проблемы взаимодействия

1. *Взаимосвязь языка и культуры*
2. *Языковая картина мира и эмпирическое обыденное сознание*

ГЛАВА 4.

Лингвокультурный анализ языковых сущностей

1. *Описание языка региона с позиций лингвокультурологии*
2. *Лингвокультурный аспект русской фразеологии*
3. *Метафора как способ представления культуры*
4. *Символ как стереотипизированное явление культуры*
5. *Стереотип как явление культурного пространства*

ГЛАВА 5.

Бытие человека в культуре и языке

1. *Человек — носитель национальной ментальности и языка.*
2. *Языковая личность*
3. *Мужчина и женщина в обществе, культуре и языке*
4. *Образ человека в мифе, фольклоре, фразеологии*

ГЛАВА 6.

Человек в зеркале сравнения

1. *Сравнение: Лингвокультурный аспект*
2. *Экспериментальное исследование сравнений. Практикум*

Заключение

Библиография

От автора

Лингвистика XXI в. активно разрабатывает направление, в котором язык рассматривается как культурный код нации, а не просто орудие коммуникации и познания. Фундаментальные основы такого подхода были заложены трудами В.Гумбольдта, А.А.Потебни и других ученых. Например, В. Гумбольдт утверждал: «Границы языка моей нации означают границы моего мировоззрения».

Язык не только отражает реальность, но интерпретирует ее, создавая особую реальность, в которой живет человек. Именно поэтому философия рубежа тысячелетий развивается на базе использования языка. А. М. Хайдеггер, выдающийся мыслитель нашего времени, назвал язык «домом бытия». Поэтому и лингвистика, наука о языке, занимает авангардные методологические позиции в системе всякого гуманитарного знания и обойтись без ее помощи при изучении культуры невозможно.

Язык рассматривается в данной работе как путь, по которому мы проникаем не только в современную ментальность нации, но и в воззрения древних людей на мир, общество и самих себя. Отзвуки давно минувших лет, пережив века, сохраняются сегодня в пословицах, поговорках, фразеологизмах, метафорах, символах культуры и т.д.

Известно, что человек только тогда становится человеком, когда он с детства усваивает язык и вместе с ним культуру своего народа. Все тонкости культуры народа отражаются в его языке, который специфичен и уникален, так как по-разному фиксирует в себе мир и человека в нем. Например, нельзя перевести на близкородственный нашему языку чешский название известной книги Б.Пастернака «Сестра моя жизнь», так как в чешском языке «жизнь» — мужского рода.

Большая часть информации о мире приходит к человеку по лингвистическому каналу, поэтому человек живет более в мире концептов, созданных им же для интеллектуальных, духовных, социальных потребностей, чем в мире предметов и вещей: огромная доля информации поступает к нему через слово, и успех человека в обществе зависит от того, насколько хорошо он владеет словом, причем не столько даже в плане культуры речи, сколько умения проникнуть в тайны языка. Философы говорят даже, что досконально понимая слово, которое называет какой-либо предмет, явление, можно легче овладеть вещным миром.

Теме становления лингвокультурологии как науки о взаимодействии языка и культуры посвящена данная книга. Ее основная задача — раскрытие ментальное народа и его культуры через язык.

Почему исследуются именно фразеологизмы, метафоры, символы и др.? Дело в том, что они — ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа, в них как бы законсервированы мифы, легенды, обычаи. Известный русский языковед Б. А. Ларин писал: «Фразеологизмы всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи. Отражают — как свет утра отражается в капле росы». То же можно сказать и о метафорах, символах и т.д.

В этой книге утверждается важнейшая, как нам кажется, мысль, что тайна языка — главнейшая из тайн человечества: если ее раскрыть, то раскроются многие сокрытые в веках или утраченные знания. Наша цель — помочь увидеть тот культурный фон, который стоит за единицей языка и который позволяет соотносить поверхностные структуры языка с их глубинной сущностью.

Основной материал, на котором построено данное учебное пособие, — славянские культуры и языки. Наиболее широко представлены русский и белорусский языки, поскольку наблюдение над близкородственными языками позволяет обнаружить

тончайшие нюансы смысла языковых единиц. В случае если требовалось обратить внимание на специфику того или иного лингвокультурного явления, привлекались данные из других, не славянских, языков (и даже языков не индоевропейской семьи), например, киргизского.

ГЛАВА 1.

ЯЗЫК – КУЛЬТУРА – ЧЕЛОВЕК – ЭТНОС

Вопрос о смене парадигм в языкознании. Новая парадигма знаний и место в ней лингвокультурологии.

Идею антропоцентричности языка в настоящее время можно считать общепризнанной: для многих языковых построений представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета.

Данная научная парадигма, сложившаяся на рубеже тысячелетий, поставила новые задачи в исследовании языка, требует новых методик его описания, новых подходов при анализе его единиц, категорий, правил.

Вопрос о парадигме как модели постановки проблем и совокупности приемов их решения встал перед исследователями после выхода в свет в 1962 г. известной книги Т. Куна «Структура научных революций» (русский перевод был сделан в 1977 г.). Т. Кун предлагает рассматривать парадигму как научное сообщество, которое руководствуется в своей исследовательской деятельности определенными совокупностью знаний и подходом к объекту исследования (в нашем случае — языку). Известно, что «в лингвистике (и вообще в гуманитарных науках) парадигмы не сменяют друг друга, но накладываются одна на другую и сосуществуют в одно и то же время, игнорируя друг друга».

Традиционно выделяются три научные парадигмы — сравнительно–историческая, системно–структурная и, наконец, антропоцентрическая.

Сравнительно–историческая парадигма была первой научной парадигмой в лингвистике, ибо сравнительно–исторический метод был первым специальным методом исследования языка. Весь XIX в. прошел под эгидой этой парадигмы.

При системно–структурной парадигме внимание было ориентировано на предмет, вещь, имя, поэтому в центре внимания находилось слово. Даже в третьем тысячелетии можно исследовать язык все еще в рамках системно–структурной парадигмы, ибо эта парадигма продолжает существовать в лингвистике, а число ее последователей довольно велико. В русле этой парадигмы по–прежнему строятся учебники и академические грамматики, пишутся различного рода справочные издания. Фундаментальные исследования, выполненные в рамках этой парадигмы, являются ценнейшим источником сведений не только для современных исследователей, но и для будущих поколений лингвистов, работающих уже в иных парадигмах.

Антропоцентрическая парадигма — это переключение интересов исследователя с объектов познания на субъекта, т.е. анализируется человек в языке и язык в человеке, поскольку, по словам И. А. Бодуэна де Куртэне, «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество».

Идея антропоцентричности языка — ключевая в современной лингвистике. В наше время целью лингвистического анализа уже не может считаться просто выявление различных характеристик языковой системы.

Язык — сложнейшее явление. Э. Бенвенист несколько десятков лет тому назад писал: «Свойства языка настолько своеобразны, что можно, по существу, говорить о наличии у языка не одной, а нескольких структур, каждая из которых могла бы послужить основанием для возникновения целостной лингвистики». Язык — многомерное явление,

возникшее в человеческом обществе: он и система и антисистема, и деятельность и продукт этой деятельности, и дух и материя, и стихийно развивающийся объект и упорядоченное саморегулирующееся явление, он и произволен и произведен и т.д. Характеризуя язык во всей его сложности с противоположных сторон, мы раскрываем самую его сущность.

Чтобы отразить сложнейшую сущность языка, Ю. С. Степанов представил его в виде нескольких образов, ибо ни один из этих образов не способен полностью отразить все стороны языка: 1) язык как язык индивида; 2) язык как член семьи языков; 3) язык как структура; 4) язык как система; 5) язык как тип и характер; 6) язык как компьютер; 7) язык как пространство мысли и как «дом духа» (М.Хайдеггер), т.е. язык как результат сложной когнитивной деятельности человека. Соответственно, с позиций седьмого образа, язык, во-первых, — результат деятельности народа; во-вторых, результат деятельности творческой личности и результат деятельности нормализаторов языка (государства, институтов, вырабатывающих нормы и правила).

К этим образам в самом конце XX в. прибавился еще один: язык как продукт культуры, как ее важная составная часть и условие существования, как фактор формирования культурных кодов.

С позиций антропоцентрической парадигмы, человек познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем. Многочисленные языковые подтверждения тому, что мы видим мир сквозь призму человека, это метафоры типа: метель разыгралась, метель укутала людей, снежинки пляшут, звук уснул, сережки берез, матушка-зима, идут года, ложится тень, объятый тоской. Особенно впечатляют яркие поэтические образы: мир, пробудившись, встрепенулся; лениво дышит полдень; лазурь небесная смеется; свод небесный вяло глядит (Ф.Тютчев).

Никакая абстрактная теория не сможет ответить на вопрос, почему можно думать о чувстве как об огне и говорить о пламени любви, о жаре сердец, о тепле дружбы и т.д. Осознание себя мерой всех вещей придает человеку право творить в своем сознании антропоцентрический порядок вещей, исследовать который можно не на бытовом, а на научном уровне. Этот порядок, существующий в голове, в сознании человека, определяет его духовную сущность, мотивы его поступков, иерархию ценностей. Все это можно понять, исследуя речь человека, те обороты и выражения, которые он наиболее часто употребляет, к которым у него проявляется наивысший уровень эмпатии.

В процессе формирования новой научной парадигмой был провозглашен тезис: «Мир есть совокупность фактов, а не вещей» (Л. Витгенштейн). Язык был постепенно переориентирован на факт, событие, а в центре внимания стала личность носителя языка (языковая личность, по Ю. Н. Караулову). Новая парадигма предполагает новые установки и цели исследования языка, новые ключевые понятия и методики. В антропоцентрической парадигме изменились способы конструирования предмета лингвистического исследования, преобразился сам подход к выбору общих принципов и методов исследования, появилось несколько конкурирующих метаязыков лингвистического описания (Р. М. Фрумкина).

Следовательно, формирование антропоцентрической парадигмы привело к развороту лингвистической проблематики в сторону человека и его места в культуре, ибо в центре внимания культуры и культурной традиции стоит языковая личность во всем ее многообразии: Я-физическое, Я-социальное, Я-интеллектуальное, Я-эмоциональное, Я-речемыслительное. Эти ипостаси Я имеют различные формы манифестации, например, Я-эмоциональное может проявляться в разных социально-психологических ролях. Фраза Сегодня светит яркое солнце содержит следующие мысли: Я-физическое будет испытывать благоприятное воздействие солнечных лучей; это знает мое Я-интеллектуальное и посылает эту информацию собеседнику (Я-социальное), проявляя о

нем заботу (Я–эмоциональное); сообщая ему об этом, действует мое Я–речемыслительное. Воздействуя на любую ипостась личности, можно воздействовать на все остальные стороны личности адресата. Таким образом, языковая личность вступает в коммуникацию как многоаспектная, и это соотносится со стратегиями и тактиками речевого общения, с социальными и психологическими ролями коммуникантов, культурным смыслом информации, включенной в коммуникацию. Человек познает окружающий мир, лишь предварительно выделив себя из этого мира, он как бы противопоставляет «Я» всему, что есть «не–Я». Таково, видимо, само устройство нашего мышления и языка: любой речемыслительный акт всегда априорно предполагает признание существования мира и при этом сообщает о наличии акта отражения мира субъектом.

Учитывая вышеизложенное, нужно помнить, что антропоцентрическая парадигма в лингвистике — это то, с чем нельзя не считаться, даже если исследователь работает в традиционной — системно–структурной — парадигме.

Итак, антропоцентрическая парадигма выводит на первое место человека, а язык считается главной конституирующей характеристикой человека, его важнейшей составляющей. Человеческий интеллект, как и сам человек, немислим вне языка и языковой способности как способности к порождению и восприятию речи. Если бы язык не вторгнулся во все мыслительные процессы, если бы он не был способен создавать новые ментальные пространства, то человек не вышел бы за рамки непосредственно наблюдаемого. Текст, создаваемый человеком, отражает движение человеческой мысли, строит возможные миры, запечатлевая в себе динамику мысли и способы ее представления с помощью средств языка.

Основные направления в современной лингвистике, формирующиеся в рамках данной парадигмы, — это когнитивная лингвистика и лингвокультурология, которая должна быть «ориентирована на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке» (В.Н.Телия). Следовательно, лингвокультурология — продукт антропоцентрической парадигмы в лингвистике, которая развивается в последние десятилетия.

Ключевые понятия когнитивной лингвистики — это понятие информации и ее обработки человеческим разумом, понятия структур знания и их репрезентации в сознании человека и языковых формах. Если когнитивная лингвистика, вкупе с когнитивной психологией и когнитивной социологией, образующие когнитологию, пытаются ответить на вопрос о том, как в принципе организовано сознание человека, как человек познает мир, какие сведения о мире становятся знанием, как создаются ментальные пространства, то все внимание в лингвокультурологии уделяется человеку в культуре и его языку, здесь требуется дать ответы на многие вопросы, в числе которых следующие: каким видит человек мир, какова роль метафоры и символа в культуре, какова роль фразеологизмов, удерживающихся в языке веками, в репрезентации культуры, почему они так нужны человеку?

Лингвокультурология изучает язык как феномен культуры. Это определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности.

Все языкознание пронизано культурно–историческим содержанием, ибо своим предметом имеет язык, который является условием, основой и продуктом культуры.

Среди лингвистических дисциплин наиболее «культуроносны–ми» являются дисциплины лингвоисторические: социальная диалектология, этнолингвистика, стилистика, лексика, фразеология, семантика, теория перевода и др.

Статус лингвокультурологии в ряду других лингвистических дисциплин.

Проблема соотношения и взаимосвязи языка, культуры, этноса есть междисциплинарная проблема, решение которой возможно только усилиями нескольких наук — от философии и социологии до этнолингвистики и лингвокультурологии. Например, вопросы этнического языкового мышления — это прерогатива лингвистической философии; специфику этнического, социального или группового общения в языковом аспекте изучает психоллингвистика и т.д.

Язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее.

На основе этой идеи возникла новая наука — лингвокультурология, которую можно считать самостоятельным направлением лингвистики, оформившимся в 90-е годы XX в. Термин «лингвокультурология» появился в последнее десятилетие в связи с работами фразеологической школы, возглавляемой В.Н.Телия, работами Ю.С.Степанова, А.Д.Арутюновой, В.В.Воробьева, В.Шак-леина, В. А. Масловой и других исследователей. Если культурология исследует самосознание человека по отношению к природе, обществу, истории, искусству и другим сферам его социального и культурного бытия, а языковедение рассматривает мировоззрение, которое отображается и фиксируется в языке в виде ментальных моделей языковой картины мира, то лингвокультурология имеет своим предметом и язык и культуру, находящиеся в диалоге, взаимодействии.

Если традиционный способ осмысления проблемы взаимодействия языка и культуры заключается в попытке решить лингвистические задачи, используя некоторые представления о культуре, то в нашей работе изучаются способы, с помощью которых язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру.

Лингвокультурология — это отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. С ней тесно связана этнолингвистика и социоллингвистика, причем настолько тесно, что это позволяет В.Н.Телия считать лингвокультурологию разделом этнолингвистики. Но тем не менее это принципиально разные науки.

Говоря об этнолингвистическом направлении, следует помнить, что корни его в Европе идут от В.Гумбольдта, в Америке — от Ф.Боаса, Э.Сепира, Б.Уорфа; в России огромное значение имели работы Д.К.Зеленина, Е.Ф.Карского, А.А.Шахматова, А.А.Потебни, А.Н.Афанасьева, А.И.Соболевского и других.

Именно этнолингвистику В.А.Звегинцев охарактеризовал как направление, сосредоточивающее свое внимание на изучении связей языка с культурой, народными обычаями, социальной структурой общества или нации в целом. Этнос — языковая, традиционно-культурная общность людей, связанных общностью представлений о своем происхождении и исторической судьбе, общностью языка, особенностей культуры и психики, самосознанием группового единства. Этническое самосознание — осознание членами этноса своего группового единства и отличия от других аналогичных формирований.

В центре современной этнолингвистики находятся лишь те элементы лексической системы языка, которые соотносимы с определенными материальными или культурно-историческими комплексами. Например, этнолингвисты выявляют полный инвентарь форм культуры, обрядов, ритуалов на материале Белорусского и Украинского Полесья. Эту территорию можно считать одним из тех «узловых» славянских регионов, по

отношению к которым в первую очередь следует ставить задачу комплексного изучения славянских древностей» (Н.И. и С.М.Толстые).

В рамках этого направления можно выделить две самостоятельные ветви, которые обозначились вокруг двух важнейших проблем: 1) реконструкция этнической территории по языку (прежде всего сюда относятся работы Р.А.Агеевой, С.Б.Бернштейна, В.В.Иванова, Т. В. Гамкрелидзе и др.); 2) реконструкция материальной и духовной культуры этноса по данным языка (работы В. В. Иванова, В.Н.Топорова, Т.В.Цивьян, Т.М.Судника, Н.И.Толстого и его школы).

Так, В.В.Иванов и Т.В.Гамкрелидзе соотносят лингвистическую систему с определенной археологической культурой. Семантический анализ реконструируемых слов и их соотнесение с денотатами (объектами внеязыковой действительности, которые имеет в виду говорящий, произнося данный речевой отрезок) позволяют установить культурно–экологические и историко–географические характеристики этих денотатов. Реконструкция славянской, как и любой другой культуры в ее наиболее древнем виде, основана на взаимодействии языкознания, этнографии, фольклористики, археологии, культурологии.

Во второй половине XX в. в СССР возникло несколько научных центров под руководством крупных ученых — В.Н.Топорова, В.В.Иванова, школа этнолингвистики Н.И.Толстого, этнопсихоллингвистики Ю. А. Сорокина, Н.В.Уфимцевой и др. Язык в их исследованиях трактуется как «естественный» субстрат культуры, пронизывающий все его стороны, служащий инструментом ментального упорядочения мира и средством закрепления этнического мировидения. С 70–х годов начинает широко использоваться термин этничность (от греч. *ethnos* — племя, народ). Его определяют как групповой феномен, форму социальной организации культурных различий: «Этническую принадлежность не выбирают, а наследуют» (С.В.Чешко). Культура человечества представляет собой совокупность этнических культур, которые многообразны, потому что действия разных народов, направленные на удовлетворение одних и тех же потребностей, различны. Этническое своеобразие проявляется во всем: в том, как люди работают, отдыхают, едят, как говорят в различных обстоятельствах и т.д. Например, считается, что важнейшая черта русских — коллективизм (соборность), поэтому их отличает чувство принадлежности к определенному обществу, теплота и эмоциональность взаимоотношений. Эти особенности русской культуры отражаются в русском языке. Как считает А. Вежибицкая, «русский язык уделяет эмоциям гораздо больше внимания (чем английский) и имеет значительно более богатый репертуар лексических и грамматических выражений для их разграничения».

Наибольшую известность получила школа этнолингвистики, возглавляемая Н. И.Толстым, выстроившая здание славянской духовной культуры. Основу его концепции составляет постулат об изоморфности культуры и языка и применимости к культурным объектам принципов и методов, применяемых в современной лингвистике.

Цель этнолингвистики, с точки зрения Н.И.Толстого, — историческая ретроспектива, т.е. выявление народных стереотипов, раскрытие фольклорной картины мира народа.

Социоллингвистика — лишь одним из своих аспектов имеет исследование взаимоотношений между языком и обществом (язык и культура, язык и история, язык и этнос, язык и церковь и т.д.), в основном же социоллингвистика занимается изучением особенностей языка разных социальных и возрастных групп (Н. Б. Мечковская).

Таким образом, этнолингвистика и социоллингвистика — это принципиально разные науки. Если этнолингвистика оперирует преимущественно исторически значимыми данными и стремится в современном материале обнаружить исторические

факты того или иного этноса, а социолингвистика рассматривает исключительно материал сегодняшнего дня, то лингвокультурология исследует и исторические, и современные языковые факты сквозь призму духовной культуры. Справедливости ради следует сказать, что по этому вопросу есть и иные мнения. В.Н.Телия, например, считает, что лингвокультурология исследует только синхронные взаимодействия языка и культуры: она исследует живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа.

Язык служит средством накопления и хранения культурно-значимой информации. В некоторых единицах эта информация для современного носителя языка имплицитна, скрыта вековыми трансформациями, может быть извлечена лишь опосредованно. Но она есть и «работает» на уровне подсознания (например, на слово-стимул СОЛНЦЕ испытуемые дают ответы, среди которых есть идущие от семантики мифа — луна, небо, глаз, Бог, голова и др.). Лингвокультуролог должен применить некоторые специальные приемы для извлечения заложенной в языковых знаках культурной информации.

Наша концепция лингвокультурологии отличается также следующим. В. Н.Телия считает, что ее объектом является культурная информация не только сугубо национальная, но и общечеловеческая, например, закодированная в Библии, т.е. универсалии, присущие разным культурам. Нас же интересует только та культурная информация, которая присуща конкретному народу либо близкородственным народам, например православным славянам.

Лингвострановедение и лингвокультурология разнятся тем, что лингвострановедение изучает собственно национальные реалии, нашедшие отражение в языке. Это безэквивалентные языковые единицы (по Е.М.Верещагину и В.Г.Костомарову) — обозначения специфических для данной культуры явлений.

Теснейшим образом с лингвокультурологией связана этнопсихолингвистика, которая устанавливает, как в речевой деятельности проявляются элементы поведения, связанные с определенной традицией, анализирует различия в вербальном и невербальном поведении носителей различных языков, исследует речевой этикет и «цветовую картину мира», лакуны в тексте в ходе межкультурного общения, изучает двуязычие и многоязычие как особенность речевого поведения различных народов и т.д. Основным методом исследования в этнопсихолингвистике является ассоциативный эксперимент, лингвокультурология же пользуется различными лингвистическими методами, не пренебрегая и психолингвистическими методиками. В этом их основное отличие.

Культура: подходы к изучению. Задачи культурологии

Понятие культуры является базовым для лингвокультурологии, поэтому мы считаем необходимым подробно рассмотреть ее онтологию, семиотический характер и другие важные для нашего подхода аспекты.

Слово «культура» в качестве исходного имеет латинское *Colere*, что означает «возделывание, воспитание, развитие, почитание, культ». С XVIII в. под культурой начинают понимать все, что появилось благодаря деятельности человека, его целенаправленным размышлениям. Все эти значения сохранились в позднейших употреблениях слова «культура», но первоначально это слово означало «целенаправленное воздействие человека на природу, изменение природы в интересах человека, т. е. возделывание земли» (ср. сельскохозяйственная культура).

Антропология — одна из первых наук о человеке и его культуре, которая исследовала поведение человека, становление норм, запретов, табу, связанных с включенностью человека в систему социокультурных отношений, влияние культуры на

половой диморфизм, любовь как культурный феномен, мифологию как культурное явление и другие проблемы. Возникла она в англоязычных странах в XIX в. и имела несколько направлений, наиболее интересным из которых в рамках нашей проблемы можно считать когнитивную антропологию.

В основе когнитивной антропологии лежит представление о культуре как системе символов, специфически человеческом способе познания, организации и ментального структурирования мира. В языке, по мнению сторонников когнитивной антропологии, заключены все когнитивные категории, лежащие в основе человеческого мышления и составляющие суть культуры. Эти категории не присущи человеку имманентно, они формируются в процессе приобщения человека к культуре.

В 1960–е годы в нашей стране как самостоятельная наука о культуре сформировалась культурология. Она появилась на стыке философии, истории, антропологии, социологии, психологии, этнологии, этнографии, лингвистики, искусствоведения, семиотики, информатики, синтезируя данные этих наук под единым углом зрения.

Культура — это одно из фундаментальных понятий социально–гуманитарного познания. Это слово стало употребляться в качестве научного термина со второй половины XVIII в. — «века Просвещения». Первоначальное определение культуры в научной литературе принадлежит Э.Тайлору, который понимал культуру как комплекс, включающий знания, верования, искусства, законы, мораль, обычаи и другие способности и привычки, обретенные человеком как членом общества. Сейчас определений, по мнению П. С. Гуревича, уже четырехзначное число, что свидетельствует не столько об интересе к явлению, сколько о методологических трудностях современной культурологии. Но до сих пор в мировой культурологической мысли нет не только единого понимания культуры, но и общего взгляда на пути ее изучения, способного преодолеть этот методологический разнобой.

К настоящему времени культурологи выделяют довольно много подходов в понимании и определении культуры. Назовем некоторые из них.

1. Описательный, в котором перечисляются отдельные элементы и проявления культуры — обычаи, виды деятельности, ценности, идеалы и т.д. При таком подходе культура определяется как совокупность достижений и институтов, отдаливших нашу жизнь от жизни звероподобных предков и служащих двум целям: защите человека от природы и упорядочиванию отношений людей друг с другом (З. Фрейд). Недостаток данного подхода — заведомо неполный перечень проявлений культуры.

2. Ценностный, в котором культура трактуется как совокупность духовных и материальных ценностей, создаваемых людьми. Чтобы объект обладал ценностью, нужно, чтобы человек осознавал наличие в нем таких свойств. Способность устанавливать ценность объектов связана с образованием в уме человека ценностных представлений, но важно также и воображение, с помощью которого создаются совершенные образцы, или идеалы, с которыми сравниваются реально существующие объекты. Так понимает культуру М. Хайдеггер: это реализация верховных ценностей путем культивирования высших человеческих достоинств, — а также М. Вебер, Г.Францев, Н.Чавчавадзе и др.

Недостаток этого — в сужении взгляда на культуру, ибо к ней относят не все многообразие человеческой деятельности, а только ценности, т. е. совокупность лучших творений, оставляя за бортом ее негативные проявления.

3. Деятельностный, в котором культура понимается как свойственный человеку способ удовлетворения потребностей, как особый род деятельности. Этот подход берет свое начало у Б. Малиновского, к нему примыкает марксистская теория культуры:

культура как способ человеческой деятельности (Э. Маркарян, Ю. А. Сорокин, Е.Ф.Тарасов).

4. Функционистский, в котором характеризуют культуру через функции, которые она выполняет в обществе: информационную, адаптивную, коммуникативную, регулятивную, нормативную, оценочную, интегративную, социализации и др. Недостаток этого подхода — в неразработанности теории функций, отсутствие их непротиворечивой классификации.

5. Герменевтический, в котором относятся к культуре как ко множеству текстов. Для них культура — совокупность текстов, точнее — механизм, создающий совокупность текстов (Ю.М.Лотман). Тексты — это плоть и кровь культуры. Они могут рассматриваться и как вместилище информации, которая должна быть извлечена, и как уникальное, порожденное своеобразием личности автора произведение, которое ценно само по себе. Недостаток этого подхода — в невозможности однозначного понимания текста.

6. Нормативный, в русле которого культура — это совокупность норм и правил, регламентирующих жизнь людей, программа образа жизни (В. Н. Сагатовский). Эти концепции развивают также Ю.М.Лотман и Б. А. Успенский, которые понимают под культурой наследственную память коллектива, выражающуюся в определенных системах запретов и предписаний.

7. Духовный. Приверженцы этого подхода определяют культуру как духовную жизнь общества, как поток идей и других продуктов духовного творчества. Духовное бытие общества и есть культура (Л. Кертман). Недостаток этого подхода — в сужении понимания культуры, ибо есть еще материальная культура.

8. Диалогический, в котором культура — «диалог культур» (В. Библ-лер) — форма общения ее субъектов (В.Библер, С.С.Аверинцев, Б. А. Успенский). Выделяются этнические и национальные культуры, создаваемые отдельными народами, нациями. Внутри национальных культур выделяются субкультуры. Это культуры отдельных социальных слоев и групп (молодежная субкультура, субкультура преступного мира и т.д.). Существует также метакультура, которая объединяет разные народы, например христианская культура. Все эти культуры вступают друг с другом в диалог. Чем более развита национальная культура, тем более она тяготеет к диалогу с другими культурами, становясь от этих контактов богаче, ибо впитывает в себя их достижения, но при этом унифицируется и стандартизируется.

9. Информационный. В нем культура представлена как система создания, хранения, использования и передачи информации, это — система знаков, используемых обществом, в которой зашифрована социальная информация, т.е. вложенные людьми содержание, значение, смысл (Ю.М.Лотман). Здесь можно провести аналогию с компьютером, а точнее, с его информационным обеспечением: машинным языком, памятью и программой переработки информации. В культуре тоже есть языки, социальная память и программы человеческого поведения. Следовательно, культура — это информационное обеспечение общества, это социальная информация, которая накапливается в обществе с помощью знаковых систем.

10. Символический подход акцентирует внимание на употреблении символов в культуре. Культура — это «символическая вселенная» (Ю.М.Лотман). Некоторые ее элементы, приобретая особый этнический смысл, становятся символами народов: белоствольная березка, щи да каша, самовар, лапти, сарафан — для русских; овсянка и легенды о привидениях в замках — для англичан; спагетти — для итальянцев; пиво и колбаса — для немцев и т.д.

11. Типологические (М.Мамардашвили, С.С.Аверинцев). Встречаясь с представителями другого народа, люди склонны воспринимать их поведение с позиций своей культуры, т. е. как бы «мерить их на свой аршин». Например, европейцев, вступающих в контакт с японцами, поражает их улыбка, когда они говорят о смерти близких, которую они рассматривают как проявление бездушия и жестокости. С позиций же японской культуры — это изысканная вежливость, нежелание беспокоить собеседника своими проблемами.

То, что у одного народа считается проявлением ума и бережливости, у другого — хитрости и жадности.

Есть и другие взгляды на проблему культуры. Так, современный исследователь Эрик Вольф подвергает сомнению само понятие культуры, утверждая, что каждая культура не есть самостоятельная монада и что все культуры взаимосвязаны и постоянно перетекают одна в другую, при этом некоторые из них сильно видоизменяются, а некоторые прекращают свое существование.

Во всех рассмотренных подходах есть рациональное содержание, каждый из них указывает на какие-то существенные черты понятия «культура». Но какие из них более существенны? Здесь все зависит от позиции исследователя, от того, как он понимает культуру. Нам, например, кажутся более существенными такие черты культуры, как быть наследственной памятью коллектива, которая выражается в определенных системах запретов и предписаний, а также рассмотрение культуры через диалог культур. В культуру входят способы и приемы трудовой деятельности, нравы, обычаи, ритуалы, особенности общения, способы видения, понимания и преобразования мира. Например, лист клена, висящий на дереве, — это часть природы, а тот же лист в гербарии — это уже часть культуры; камень, лежащий на обочине дороги, не культура, а тот же камень, положенный на могилу предка, — культура. Таким образом, культура — это все свойственные данному народу способы жизни и деятельности в мире, а также отношения между людьми (обычаи, ритуалы, особенности общения и т.д.) и способы видения, понимания и преобразования мира.

Что же делает культуру столь сложной для определения и понимания? Важнейшее свойство культуры, которое делает практически невозможной выработку единого и непротиворечивого определения культуры, — это не просто ее сложность и многоаспектность, но ее антиномичность. Антиномия понимается нами как единство двух противоположных, но одинаково хорошо обоснованных суждений в культуре. Например, приобщение к культуре способствует социализации личности и в то же время создает предпосылки для ее индивидуализации, т.е. способствует раскрытию и утверждению личностью своей уникальности. Далее, в определенной степени культура не зависит от общества, но она не существует вне общества, создается только в обществе. Культура облагораживает человека, оказывает положительное влияние на общество в целом, но она может воздействовать и отрицательно, подчиняя человека разного рода сильным воздействиям, как, например, массовая культура. Культура существует как процесс сохранения традиций, но она непрерывно нарушает нормы и традиции, получая жизненную силу в новациях, ее способность к самообновлению, постоянному порождению новых форм чрезвычайно велика.

Усложняет анализ культуры не только множество ее определений, но и тот факт, что многие исследователи (культурологи, антропологи, философы, этнографы и другие ученые) возвращаются к анализу этой сущности по нескольку раз, не только уточняя данное понятие, но и меняя свои взгляды. Так, кроме приведенного выше определения Ю.М.Лотман дает еще и такие: культура — это «...сложная семиотическая система, ее функция — память, ее основная черта — накопление» (1971); «культура есть нечто общее для какого-либо коллектива — группы людей, живущих одновременно и связанных

определенной социальной организацией... Культура есть форма общения между людьми» (1994).

Аналогичная картина складывается и у других авторов. М. С. Каган соотносит такое положение в теории культуры с философским анализом сущности человека и эстетической сущности искусства (сложнейшими областями человеческого духа): «Обращение к итогам изучения культуры приводит к выводу, что здесь происходит нечто, подобное теоретическому исследованию человека и искусства: потому что, если искусство моделирует, иллюзорно воссоздает целостное человеческое бытие, то культура реализует это бытие именно как человеческое во всей полноте исторически выработанных им качеств и способностей. Иначе говоря, все, что есть в человеке как человеке, предстает в виде культуры, и она оказывается столь же разносторонне–богатой и противоречиво–дополнитель–ной, как сам человек — творец культуры и ее главное творение»³ (выделено нами).

Изучая культуру под разными углами зрения, мы каждый раз имеем несколько иные результаты: психолого–деятельностный подход дает одни результаты, социологический — другие и т.д. Лишь поворачивая культуру разными своими гранями, мы можем получить более или менее целостное представление об этом явлении.

Учитывая имеющийся разнобой в определениях, примем рабочее определение этой сущности. Культура — это совокупность всех форм деятельности субъекта в мире, основанная на системе установок и предписаний, ценностей и норм, образцов и идеалов, это наследственная память коллектива, которая «живет» лишь в диалоге с другими культурами. Итак, мы понимаем под культурой свод «правил игры» коллективного существования, набор способов социальной практики, хранимых в социальной памяти коллектива, которые выработаны людьми для социально значимых практических и интеллектуальных действий. Нормы культуры не наследуются генетически, а усваиваются через научение, поэтому овладение национальной культурой требует серьезных интеллектуальных и волевых усилий.

Задачи культурологии, философии и теории культуры, как нам кажется, состоят в том, чтобы осмыслить культуру в ее реальной целостности и полноте различных форм существования, в ее строении, функционировании и развитии, а также ответить на вопросы, в чем жизненность той или иной культуры, какие общечеловеческие ценности содержит каждая из культур, какова национальная специфика культур разных народов, как «ведет себя» культура личности во взаимодействии с культурами других личностей и т.д.

Культура и человек. Культура и цивилизация

Попытаемся в общих чертах охарактеризовать культуру с тех позиций, которые далее развиваются в пособии.

Как уже отмечалось, наиболее перспективными нам кажутся деятельностный, нормативный, диалогический и ценностный подходы к культуре, на которых мы остановимся подробнее.

Культура не существует вне деятельности человека и социальных общностей, ибо именно деятельность человека породила новую «сверхприродную» среду обитания — четвертую форму бытия — культуру (М. С. Каган). Напомним, что три формы бытия — это «природа — общество — человек». Отсюда вытекает, что культура — мир человеческой деятельности, т.е. мир артефактов (от лат. arte — искусственный и factus — сделанный), это преобразование человеком природы по законам общества. Эту искусственную среду иногда называют «второй природой» (А.Я.Гуревич и другие исследователи).

Крупнейший философ XX в. М.Хайдеггер пишет по этому поводу: «... человеческая деятельность понимается и организуется как культура. Культура теперь — реализация верховных ценностей путем культивирования высших человеческих достоинств. Из сущности культуры вытекает, что в качестве такого культивирования она начинает в свою очередь культивировать и себя, становясь таким образом культурной политикой».

Но культура — это не просто совокупность артефактов, т.е. вещного мира, созданного руками человека, это мир смыслов, которые человек вкладывает в продукты своей деятельности и в саму деятельность. Создание новых смыслов само становится смыслом деятельности в духовной культуре — в искусстве, религии, науке.

Мир смыслов — это мир продуктов человеческой мысли, царство человеческого разума, он безграничен и необъятен. Следовательно, культурой, которая образуется человеческой деятельностью, охватывается и сам человек как субъект деятельности, и способы деятельности, и многообразие предметов (материальных и духовных), в которых опредмечивается деятельность, и вторичные способы деятельности, распределенные то, что находится в предметном бытии культуры, и т.д. Поскольку культура производна от деятельности человека, ее строение должно определяться структурой порождающей ее деятельности.

Любая культура является процессом и результатом изменения, вживания в окружающую среду. Из сказанного следует, что культуры различных народов отличаются друг от друга в первую очередь не типом созерцательного освоения мира и даже не способом адаптационного вживания в окружающий мир, а типом его материально–духовного присвоения, т. е. деятельностной, активной поведенческой реакцией на мир. Деятельность субъекта в мире основывается на установках и предписаниях, извлекаемых им из культуры. А сама культура — не только способ присвоения, но и отбор объекта для присвоения и его интерпретации.

В любом акте присвоения мы можем выделить как внешнюю (экстенсивную), так и внутреннюю (интенсивную) стороны. Первая характеризует сферу распространения акта. С течением времени данная сфера расширяется: человек включает в процесс производства все новые и новые материальные ресурсы. Вторая же отражает способ присвоения. На наш взгляд, изменения в сфере присвоения носят всеобщий, интернациональный характер, способ же присвоения всегда имеет специфическую национальную окраску, отражает деятельностно–поведенческую доминанту того или иного народа. Если культуры отличаются тем, что присваиваем (объект присвоения), тем, что получаем в результате присвоения (продукт), тем, каким способом мы осуществляем это присвоение, а также отбором объектов для присвоения и их интерпретации, то для национальной культуры характерен тот же принцип формирования, в ее фундаменте лежат общечеловеческие компоненты, обусловленные биологической и психологической природой человека, инвариантными свойствами человеческих социумов, но отбор объектов, способы их присвоения и интерпретация обладают своей национальной спецификой.

Человечество, будучи единым биологическим видом, не является единым социальным коллективом. Разные сообщества людей живут в различающихся природных и исторических условиях, что позволило им выработать комплексы специфических способов и форм жизнедеятельности, которые в процессе взаимодействия сообществ заимствуются друг у друга. Откуда русская культура? Русская иконопись — из Византии, от греков. Откуда русский балет? Из Франции. Откуда великий русский роман? Из Англии, от Диккенса. Пушкин по–русски писал с ошибками, а по–французски — правильно. А ведь он самый русский из поэтов! Откуда русский театр, русская музыка? С Запада. Но в русской культуре, по сути, совмещены две культуры — одна народная, природно–языческая русская культура, которая, отторгнув все чужеземное, замкнулась в себе и застыла в почти неизменных формах, вторая — освоила плоды европейской науки,

искусства, философии, приобрела формы дворянской, светской культуры. Вкупе они образуют одну из богатейших национальных культур мира.

Таким образом, культуры «вообще» не бывает, ибо каждая культура воплощает специфический набор способов социальной практики конкретного сообщества, нации. Так, например, русская культура оставалась русской на протяжении многих столетий (несмотря на расширение производственной сферы деятельности русского народа за это время), она не превратилась в грузинскую на Кавказе или узбекскую в Средней Азии. В русской культуре идет развитие от древнерусской традиции пансакральности, снимающей оппозицию Неба и Земли, божественного и человеческого, профанного и сакрального, т.е. обыденного и священного (богочеловек в русской религиозной философии).

Пренебрежение человеческой жизнью и неуважение к личности — значимое отличие восточнославянской культуры. Герцен сказал, что никому в Европе в голову бы не пришло высечь Спинозу или отдать в солдаты Паскаля. Для России — это заурядные факты: через десятилетия солдатчины прошел Шевченко, объявлен сумасшедшим Чаадаев и т.д.

Национальная культура вступает в диалог с другими национальными культурами, высвечивая при этом такие вещи, на которых в родной культуре внимание и не останавливалось. М. М. Бахтин писал по этому поводу: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами свои стороны, новые смысловые глубины»¹. Это закономерность межкультурного общения, его неотъемлемая часть, исследование которой представляет особый интерес.

Как отмечал Э. Бенвенист, вся история современной мысли и главные приобретения духовной культуры в западном мире связаны с тем, как люди создают и как они обращаются с несколькими десятками основных слов. К таким словам как раз и относятся, по нашему мнению, слова «культура» и «цивилизация». Термин цивилизация (лат. *civilis* — гражданский, общественный) возник в XVII в. Тогда цивилизованность понималась как противоположность дикости, т.е. фактически была синонимом культуры. Различать эти два термина впервые начали в конце XIX в. в немецкой научной литературе. Под цивилизацией стали понимать совокупность материальных и социальных благ, приобретаемых обществом благодаря развитию общественного производства. Культура же признавалась духовным содержанием цивилизации. Проблемой соотношения этих двух понятий занимались О. Шпенглер, А. Тойнби, Н.А. Бердяев, П. Сорокин и др.

Развивая свою концепцию культуры, немецкий философ О. Шпенглер в своей работе «Закат Европы», изданной в 1918 г. (на русский язык переведена в 1993 г.), пишет, что у каждой культуры есть своя цивилизация, которая является, по сути, смертью культуры. Он пишет: «Культура и цивилизация — это живое тело душевности и ее мумия». Культура творит многообразие, предполагая неравенство и индивидуальную неповторимость личности, цивилизация же стремится к равенству, унификации и стандарту. Культура элитарна и аристократична, цивилизация демократична. Культура возвышается над практическими нуждами людей, ибо нацелена на духовные идеалы, цивилизация же — утилитарна. Культура национальна, цивилизация интернациональна; культура связана с культом, мифом религией, цивилизация атеистична.

О. Шпенглер говорит о европейской цивилизации как о завершающей фазе эволюции Европы, т.е. цивилизация — последняя стадия развития всякого социокультурного мира, эпоха его «заката».

В англо-американской традиции иное понимание цивилизации. Крупнейший историк XX в. А. Тойнби цивилизациями называет различные типы общества, т.е. фактически любой отдельный социокультурный мир. Современный американский

исследователь С.Хантингтон определяет цивилизацию как культурную общность высшего ранга, высший уровень культурной идентичности людей. Он выделяет 8 крупных цивилизаций — западную, конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, православно-славянскую, латиноамериканскую и африканскую.

В русском языке слово «цивилизация», в отличие от французского и английского, куда оно пришло соответственно в 1767 и 1777 гг., появилось поздно. Но суть не в возникновении слова, а в том понятии, которое ему приписывалось.

Наряду с О. Шпенглером цивилизацию как вырождение культуры рассматривает и Г. Шпет. Цивилизация есть завершение и исход культуры, — утверждает он. Сходной точки зрения придерживался Н. А. Бердяев: культура имеет душу; цивилизация же имеет лишь методы и орудие.

Другие исследователи различают культуру и цивилизацию по иным критериям. Например, А. Белый в своей работе «Кризис культуры» писал: «Кризисы современной культуры в смешении цивилизации и культуры; цивилизация — выделка из природного нам данного; то, что некогда оплотнело, что стало, застыло, становится в цивилизации производственным потреблением». Культура — «деятельность сохранения и роста жизненных сил личности и расы путем развития этих сил в творческом преобразовании действительности; начало культуры поэтому коренится в росте индивидуальности; ее продолжение — в индивидуальном росте суммы личностей».

С точки зрения М. К. Мамардашвили, культура — это то, что можно обрести только собственным духовным усилием, цивилизация же — то, чем можно воспользоваться, что можно отнять. Культура создает новое, цивилизация лишь тиражирует известное.

Д.С.Лихачев считал, что культура содержит в себе только вечные, непроходящие ценности, устремление к идеалу; у цивилизации же кроме положительного есть тупики, изгибы, ложные направления, она устремлена к удобному устройству жизни. Культура — это нецелесообразное, лишнее с точки зрения задач выживания и сохранения рода, а цивилизация прагматична. «Дуракава-ляние» — это и есть настоящая культура, по Д.С.Лихачеву.

Подводя итог сказанному, нужно отметить, что культура развивалась в двух направлениях: 1) удовлетворение материальных потребностей человека — это направление развилось в цивилизацию; 2) удовлетворение духовных потребностей, т.е. собственно культура, которая носит символический характер. Причем второе направление нельзя считать дополнительным к первому, это важнейшая самостоятельная ветвь.

Историкам культуры хорошо известно, что наиболее примитивные в хозяйственном отношении племена, иногда находившиеся на грани вымирания, имели очень сложную и разветвленную систему духовной культуры — мифы, обряды, ритуалы, верования и т.д. Основные усилия этих племен, хотя это и кажется нам странным, были направлены не на повышение биологической выживаемости, а на сохранение духовных достижений. Эта закономерность наблюдалась во многих обществах, что не может быть простой случайностью или роковым заблуждением, а потому духовную культуру нельзя считать вторичной по отношению к материальной (ср. тезис «бытие определяет сознание»).

Итак, культура создает средства и способы развития духовного начала в человеке, а цивилизация снабжает его средствами существования, она направлена на удовлетворение практических нужд. Культура облагораживает и возвышает душу человека, а цивилизация обеспечивает комфорт для тела.

Антиномия цивилизация — культура имеет серьезный теоретический смысл, хотя, по образному выражению А.А.Брудного, — это две руки человечества, а потому утверждать, что правая не знает, что делает левая, — самообман. Правая не хочет знать, что творит левая. Самообман — это типическое состояние человечества, причем оно настолько типично, что невольно начинает казаться, будто оно составляет некоторое необходимое условие существования человечества, выступающее в различных формах, причем все они составляют часть культуры.

Разграничение культуры и цивилизации позволяет ответить на следующие вопросы. Как соотносятся человек и человечество? — Посредством культуры и полового отбора. Как соотносятся человек и общество? — Посредством цивилизации.

Для лингвокультурологии большой интерес представляет культура, чем цивилизация, ибо цивилизация материальна, а культура символична. Лингвокультурология изучает прежде всего мифы, обычаи, привычки, обряды, ритуалы, символы культуры и т.д. Эти концепты принадлежат культуре, они закрепляются в формах бытового и ритуального поведения, в языке; наблюдение за ними послужило материалом для данного исследования.

Подведем краткий итог сказанному. По замечанию О.Тоффлера, культура не является чем-то окаменевшим, это то, что мы заново создаем каждый день. Может быть, не так стремительно, как утверждает Тоффлер, но культура трансформируется, развивается. Развиваясь в двух формах — как материальная и как духовная культура, она «раскололась» на две сущности — собственно культуру и цивилизацию.

С начала XX в. в культуре стали видеть специфическую систему ценностей и идей. Культура в таком понимании — это совокупность абсолютных ценностей, создаваемых человеком, это выражение человеческих отношений в предметах, поступках, словах, которым люди придают значение, т.е. система ценностей — это одна из важнейших сторон культуры. Ценности, нормы, образцы, идеалы — важнейшие компоненты аксиологии, учения о ценностях. Система ценностей считается стержнем духовной культуры, доказательством тому являются следующие наиболее ценностно-окрашенные концепты культуры: вера, рай, ад, грех, совесть, закон, порядок, счастье, родина и т.п. Однако ценностно-окрашенным может стать любой фрагмент мира, например пустыня, горы — в христианской картине мира.

Существует концепция «культурологического детерминизма», согласно которой культура страны, культура нации (если страна многонациональная) и религия как важнейшая часть культуры определяют в конечном счете уровень ее экономического развития. Согласно Н. А. Бердяеву, в душе русского человека слиты воедино христианство и язычески-мифологическое представление о мире: «В типе русского человека всегда сталкиваются два элемента — первобытное, природное язычество, и православный, из Византии полученный, аскетизм, устремленность к потустороннему миру». Таким образом, менталитет нации в целом основывается на религии, но немаловажную роль играют история, климат, общее пространство, т.е. «пейзаж русской земли» (по Н.А.Бердяеву), специфика языка.

Известный русский культуролог В. Н. Сагатовский выделяет следующие черты в русском характере: непредсказуемость (важнейшая черта), духовность (религиозность, стремление к поиску высшего смысла), душевность, концентрация сил, которая часто сменяется расслабленностью, желанием посозерцать, перекурить, излить душу, а также максимализм, слабыхарактерность, которые вкуче порождают обломовщину. Совокупность противоречивых свойств в русском характере замечается всеми; именно она позволила А. К.Толстому так выразить размах русской души: Коль любить, так без рассудку, Коль грозить, так не на шутку... Коль просить, так всей душой, Коли пир, так пир горой!

Если природа имеет одно измерение — материальное, ибо она является материей в различных ее формах (физической, химической, биологической), равно как и общество представляется нам одномерным, — это система экономико–правовых отношений, то культура гораздо сложнее: она делится на материальную и духовную, внешнюю и внутреннюю культуру личности и культуру нации. Еще одно измерение культуры — отраслевое: правовая культура, художественная культура, нравственная культура, культура общения. Культура реализуется и дифференцируется в пространственно–временных структурах общества, нации — культура Древней Греции, Египта, культура славян и т.д. Всякая национальная культура многослойна — крестьянская культура, культура «новых русских» и др.

Таким образом, культура—сложное, многогранное явление, которое имеет коммуникативно–деятельностную, ценностную и символическую природу. Она устанавливает место человека в системе общественного производства, распределения и потребления материальных ценностей. Она целостна, имеет индивидуальное своеобразие и общую идею и стиль, т. е. особый вариант борьбы жизни со смертью, духа с материей.

Зафиксированная в языке ранняя культура славян, материал которой использован в данном пособии, была мифологической культурой, но она не исчезла бесследно. Трансформировавшись часто до неузнаваемости, она живет в языковых метафорах, фразеологизмах, пословицах, поговорках, фольклорных песнях и т.д. Поэтому можно говорить о мифоархетипическом начале славянской культуры.

Каждый новый носитель языка формирует свое видение мира не на основе самостоятельной переработки своих мыслей и переживаний, а в рамках закрепленного в понятиях языка опыта его языковых предков, который зафиксирован в мифах и архетипах; усваивая этот опыт, мы лишь пытаемся его применить и слегка усовершенствовать. Но в процессе познания мира создаются и новые понятия, фиксирующиеся в языке, который есть культурное достояние: язык есть «средство открытия до сих пор еще не познанного» (Гумбольдт. О сравнительном изучении языков).

Следовательно, язык не просто называет то, что есть в культуре, не просто выражает ее, формирует культуру, как бы прорастая в нее, но и сам развивается в культуре.

Это взаимодействие языка и культуры как раз и призвана изучать лингвокультурология.

Вопросы и задания

1. Какие парадигмы в лингвистической науке предшествовали новой антропологической парадигме?
2. Что объединяет лингвокультурологию и этнолингвистику, лингвокультурологию и социоллингвистику, лингвокультурологию и лингвострановедение? Что их различает?
3. Дайте рабочее определение культуры. Какие подходы в понимании культуры можно выделить на рубеже тысячелетий? Обоснуйте перспективность ценностного подхода.
4. Культура и цивилизация. В чем их отличие?

ГЛАВА 2.

ИСТОРИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Из истории возникновения науки

Все языкознание пронизано культурно–историческим содержанием, ибо своим предметом имеет язык, который является условием, основой и продуктом культуры. В конце XX в., говоря словами Р.М.Фрумкиной, «открылся своего рода тупик: оказалось, что в науке о человеке нет места главному, что создало человека и его интеллект, — культуре».

Поскольку в большинстве случаев человек имеет дело не с самим миром, а с его репрезентациями, с когнитивными картинками и моделями, то мир предстает сквозь призму культуры и языка народа, который видит этот мир. Вероятно, это и дает основание Ю.С.Степанову сказать, что язык как бы незаметно направляет теоретическую мысль философов и других ученых. Действительно, крупнейшие философы XX в. П.А.Флоренский, Л.Витгенштейн, Н. Бор и другие отводили центральное место в своих концепциях языку. Выдающийся мыслитель нашего времени Х. Г. Гадамер прямо утверждал, что «язык — единственная надежда на освобождение», а М.Хайдеггер считал именно язык, а не природу и окружающий мир, первосущностью, «домом бытия» человека, ибо язык не только отражает, но и создает ту реальность, в которой живет человек. В таком контексте языкознание имеет стратегическое значение для методологии всех общественных наук.

Язык одному ему присущими способами ведет мысль по пути анализа мира, его оценки. В.Даль приводит такую притчу: сидел грек на берегу, что–то тихо напевал и вдруг заплакал. Случившийся там русский попросил перевести песню. Грек перевел: «Сидела птица, не знаю, как ее звать по–русски, сидела она на горе, долго сидела, махнула крылом, полетела далеко, далеко, через лес, далеко полетела». Потом он сказал: «По–русски не выходит ничего, а по–гречески очень жалко!»

Не случайно Г. О. Винокур отмечал: всякий языковед, изучающий язык данной культуры, тем самым становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык.

Проблема взаимоотношения языка, культуры, этноса не нова. Еще в начале XIX в. их пытались решить немецкие ученые — братья Гримм, идеи которых нашли свое развитие в России в 60—70–х годах XIX в. — в трудах Ф. И.Буслаева, А.Н.Афанасьева, А.А. Потебни.

Наиболее широкое распространение в мире получили идеи В. Гумбольдта. По В. Гумбольдту, язык есть «народный дух», он есть «само бытие» народа. Культура являет себя прежде всего в языке. Он есть истинная реальность культуры, он способен ввести человека в культуру. Язык есть фиксированный взгляд культуры на мироздание и себя самое. В гуманитарных науках все чаще говорят о «власти языка» (гипотеза Сепира—Уорфа), однако трактуется это клише в науке по–разному: ранний М. М. Бахтин понимал его как «оковы» чужого слова, Л.С.Выготский — как личностный смысл в соотношении со значением и т.д.

В начале нашего века возникла австрийская школа «WORTER UND SACHEN» («Слова и вещи»), которая направила проблему «Язык и культура» по пути конкретного изучения составных элементов — «кирпичей» языка и культуры, продемонстрировав важность культурологического подхода во многих областях языкознания, и прежде всего — в лексике и этимологии.

На понимании неразрывности и единства языка и культуры в широком смысле этого слова основывалось неогумбольдтианство и как ее ответвление — известная школа Сепира—Уорфа, которые постулировали значительную зависимость мышления от языка. Поздний неогумбольдтианец Л. Вейсгербер утверждал, что язык — это «промежуточный мир» между мышлением и действительностью.

Как заметил К. Леви—Строс, язык есть одновременно и продукт культуры, и ее важная составная часть, и условие существования культуры. Более того, язык — специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов.

В. И. Вернадский в своей концепции утверждал чрезвычайную важность языка в создании новой формы биохимической энергии, которую он называл энергией человеческой культуры.

Культура формирует и организует мысль языковой личности, формирует и языковые категории и концепты. Изучение культуры через язык — идея, которая «носилась в воздухе» в последние годы: о том, что языковой материал является наиболее весомой, часто самодовлеющей, информацией о мире и человеке в нем. Следовательно, изучение культуры через язык — идея не новая; об этом писали А. Брюкнер, В.В.Иванов, В.Н.Топоров, Н.И.Толстой и др. Большой вклад в решение проблемы на рубеже III тысячелетия внес польский антрополог Ежи Бартминьский. Культура в их работах рассматривается не просто как смежная с лингвистикой наука, а как феномен, без глубокого анализа которого нельзя постичь тайны человека, тайны языка и текста.

Таким образом, в лингвистике конца XX в. стало возможным принять следующий постулат, который вытекает из достижений названных ученых — как русских, так и зарубежных: язык не только связан с культурой: он растет из нее и выражает ее. Язык одновременно является и орудием создания, развития, хранения (в виде текстов) культуры, и ее частью, потому что с помощью языка создаются реальные, объективно существующие произведения материальной и духовной культуры. На основе этой идеи на рубеже тысячелетий возникает новая наука — лингвокультурология.

Лингвокультурология — это наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Вместе с тем не следует акцентировать внимание на «стыковом» характере новой науки, ибо это не простое «сложение» возможностей двух контактирующих наук, а именно разработка нового научного направления, способного преодолеть ограниченность «узковедомственного» изучения фактов и тем самым обеспечить новое их видение и объяснение.

Поэтому это не временный союз лингвистики и культурологии, а интердисциплинарная отрасль науки, самостоятельная по своим целям, задачам, методам и объекту исследования.

Итак, как специальная область науки лингвокультурология возникла в 90–е годы XX в. Попытки дать периодизацию ее становления на основе четких и непротиворечивых критериев едва ли увенчаются успехом: во–первых, слишком мало прошло времени, а во–вторых, оценки итогов существования науки за определенный период, по справедливому замечанию Р.М.Фрумкиной, не могут быть объективными, поскольку они отражают субъективное мнение исследователя, занятого в определенной научной области.

Представляется рациональным выделить два периода в развитии лингвокультурологии: первый период — предпосылок развития науки — труды В. Гумбольдта, А. А. Потебни, Э. Сепира и др. и второй период — оформления лингвокультурологии как самостоятельной области исследований. Динамика развития науки позволяет прогнозировать еще один — третий период, на пороге которого мы сейчас находимся, — появление фундаментальной междисциплинарной науки — лингвокультурологии. Построению такой научной дисциплины и посвящено наше исследование.

В лингвокультурологии к сегодняшнему дню оформилось несколько направлений.

1. Лингвокультурология отдельной социальной группы, этноса в какой-то яркий в культурном отношении период, т. е. исследование конкретной лингвокультурной ситуации.

2. Диахроническая лингвокультурология, т.е. изучение изменений лингвокультурного состояния этноса за определенный период времени.

3. Сравнительная лингвокультурология, исследующая лингво-культурные проявления разных, но взаимосвязанных этносов.

4. Сопоставительная лингвокультурология. Она только начинает развиваться. На сегодняшний день она представлена лишь несколькими работами, наиболее интересной из них является работа М. К. Голованивской «Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка», в которой особенности французского менталитета изучаются с позиций носителя русского языка и культуры. Материалом для анализа послужили абстрактные существительные в русском и французском языках — судьба, опасность, удача, душа, ум, совесть, мысль, идея и др.

5. Лингвокультурная лексикография, занимающаяся составлением лингвострановедческих словарей.

Как видим, особенно активно развивается последнее направление. Кратко охарактеризуем один из приведенных лингвострановедческих словарей, например словарь Д. Г. Мальцевой. В нем содержится 25 крупных тематических разделов, расположенных в произвольном порядке. Это языковые единицы, отражающие географические реалии Германии, ее климатические особенности, растительный и животный мир, историю страны, старые народные обычаи, поверья, традиции, приметы; старые легенды, символику чисел, символику цвета; свадьбы, похороны, праздники; религиозные верования, развитие денежной системы, мер длины, веса, объема, площади, историю промышленного развития, торговли, науки, техники, медицины; возникновение почтового сообщения; историю архитектуры и градостроительства. В числе тем, нашедших отражение в словаре, можно перечислить следующие: язык, книгопечатание, письмо, студенты и студенческая жизнь, школа, национально-специфические элементы одежды, традиционная кухня, игры, народные танцы, традиционные приветствия и пожелания, этикетные фразы, национальные жесты, личные имена и фамилии, языковые единицы литературного происхождения, афоризмы, немецкие песни, национальный характер. На основе таких словарей изучение характера взаимодействия языка и культуры становится достаточно продуктивным.

В самом конце XX в. в Москве сложились четыре лингвокульту-рологические школы.

1. Школа лингвокультурологии Ю. С. Степанова, которая по методологии близка концепции Э. Бенвениста, целью ее является описание констант культуры в их диахроническом аспекте. Верификация их содержания проводится с помощью текстов разных эпох, т.е. как бы с позиции внешнего наблюдателя, а не активного носителя языка.

2. Школа Н.Д.Арутюновой исследует универсальные термины культуры, извлекаемые из текстов разных времен и народов. Эти термины культуры также конструируются с позиции внешнего наблюдателя, а не реального носителя языка.

3. Школа В. Н. Телия, известная в России и за рубежом как Московская школа лингвокультурологического анализа фразеологизмов (MSLCFraz)', В. Н.Телия и ее учениками исследуются языковые сущности с позиции рефлексии носителя живого языка, т.е. это взгляд на владение культурной семантикой непосредственно через субъект языка и культуры. Эта концепция близка позиции А. Вежбицкой (Lingua mentalis — ментальной лингвистики), т. е. имитация речедейательностных ментальных состояний говорящего.

4. Школа лингвокультурологии, созданная в Российском университете дружбы народов В. В. Воробьевым, В. М. Шаклеиным и др., развивающими концепцию Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова.

Итак, лингвокультурология — гуманитарная дисциплина, изучающая воплощенную в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру (Опарина). Она позволяет установить и объяснить, каким образом осуществляется одна из фундаментальных функций языка — быть орудием создания, развития, хранения и трансляции культуры. Ее цель — изучение способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру.

Задачи и цели лингвокультурологии

При всем различии в существующих направлениях предметом современной лингвокультурологии является изучение культурной семантики языковых знаков, которая формируется при взаимодействии двух разных кодов — языка и культуры, так как каждая языковая личность одновременно является и культурной личностью. Поэтому языковые знаки способны выполнять функцию «языка» культуры, что выражается в способности языка отображать культурно–национальную ментальность его носителей. В этой связи можно говорить о «культурном барьере», который может возникнуть даже при условии соблюдения всех языковых норм. В качестве примера можно привести описанный А. Вежбицкой случай с английским дирижером, когда его пригласили руководить немецким оркестром. Работа не ладилась. Дирижер решил, что это из–за того, что он говорит по–английски и музыканты не воспринимают его как «своего». Он стал заниматься немецким языком, и первое, что спросил у учителя, как ему сказать по–немецки такую фразу: «Послушайте, мне кажется, было бы лучше, если бы мы играли так». Учитель задумался, потом сказал: «Конечно, можно построить фразу и так, но лучше сказать: "Надо играть так"». Отсюда вывод: культурный барьер связан с различиями в нормах речевого поведения, а еще с различными значениями, которые вкладывают участники общения в, казалось бы, одни и те же слова, с неадекватными фоновыми знаниями и т.д.

Мы всегда различали те ситуации, когда можно привлекать данные языка для того, чтобы узнать нечто о культуре, как и те, когда мы обращаемся к культурным реалиям, чтобы понять факты языка. На рубеже веков изменилось место и вес культурологической аргументации в современной науке о языке — прежде всего в когнитивной семантике. Анализ языковых единиц в контексте культуры привел к постановке ряда новых для лингвистики проблем. Лингвокультурология как самостоятельная отрасль знаний должна решать свои специфические задачи и при этом ответить прежде всего на ряд вопросов, которые в наиболее общем виде можно сформулировать так:

- 1) как культура участвует в образовании языковых концептов;
- 2) к какой части значения языкового знака прикрепляются «культурные смыслы»;

3) осознаются ли эти смыслы говорящим и слушающим и как они влияют на речевые стратегии;

4) существует ли в реальности культурно–языковая компетенция носителя языка, на основании которой воплощаются в текстах и распознаются носителями языка культурные смыслы. В качестве рабочего определения культурно–языковой компетенции принимаем следующее: это естественное владение языковой личностью процессами речепорождения и речевосприятия и, что особенно важно, владение установками культуры; для доказательства этого нужны новые технологии лингвокультурологического анализа языковых единиц;

5) каковы концептосфера (совокупность основных концептов данной культуры), а также дискурсы культуры, ориентированные на репрезентацию носителями одной культуры, множества культур (универсалии); культурная семантика данных языковых знаков, которая формируется на основе взаимодействия двух разных предметных областей — языка и культуры;

6) как систематизировать основные понятия данной науки, т.е. создать понятийный аппарат, который не только позволил бы анализировать проблему взаимодействия языка и культуры в динамике, но обеспечил бы взаимопонимание в пределах данной научной парадигмы — антропологической, или антропоцентрической.

Приведенный перечень задач нельзя считать окончательным, ибо продвижение в их решении породит следующий цикл задач и т.д.

Это так называемые высокие, или общеэпистемологические, задачи, которые Р.М.Фрумкина считает общими для всех наук, но есть еще частные задачи, связанные с проблемой перевода, обучения языку, составления словарей, где была бы учтена культурная информация, и т.д. Думается, что они могут быть решены только после решения «высоких» задач либо хотя бы при некотором опережении решения эпистемологических задач.

При решении данных задач нужно учитывать одну чрезвычайно важную особенность, создающую дополнительную трудность в изучении данной проблемы: культурная информация языковых знаков имеет по преимуществу имплицитный характер, она как бы скрывается за языковыми значениями.

Например, русский фразеологизм выносить сор из избы имеет следующее значение, зафиксированное в словаре: «Разглашать сведения о каких–то неприятностях, касающихся узкого круга лиц» (Словарь образных выражений русского языка. — М., 1995. — С. 211), а культурная информация здесь глубоко запрятана — это славянский архетип: выносить сор из избы нельзя, ибо тем самым мы ослабляем «свое» пространство, делаем его уязвимым и можем причинить вред членам своей семьи, а человеку недостойно заниматься ослаблением ближних. Поэтому маркером культурной информации при фразеологизме становится помета «неодобр.», имеющаяся в большинстве современных фразеологических словарей.

Другой пример: идиома ни кола, ни двора означает: нет ни своего двора, ни хозяйства, а культурным знаком она становится, выражая следующую культурную установку: недостойно человека не иметь своего дома и имущества.

В. Н.Телия предлагает свой способ интерпретации национально–культурных смыслов языковых единиц — с позиции внутреннего наблюдателя, «изнутри» языка. Например, при интерпретации коллокации большая совесть в лингвокультурном аспекте важна не только ценностная модальность (как если бы совесть страдала от болезни), но и то, что это обуславливает психологический дискомфорт, потому что нравственный изъян

вызывает неодобрение, осуждение в обществе, и говорится это в неформальных условиях речи при определенном раскладе социально–культурных статусов и ролей собеседников.

В рамках нашей концепции кроме предлагаемого В.Н.Телия способа интерпретации необходимым следует признать и анализ языковых фактов с позиции внешнего наблюдателя.

Сегодня уже нельзя работать в лингвистике, делая вид, будто лингвокультурологии не существует. Ее игнорирование нарушает этос научного сообщества, где одной из базовых посылок является требование преемственности (даже если оно идет в виде аргументированного отрицания). Нельзя не видеть, что есть многие вещи в жизни и поведении нации, которые объясняются культурными факторами. Например, обязательное присутствие отчества у русского человека — это особый почет и уважение, которые ему оказывают соплеменники. Русские говорят: по имени называют, по отчеству — величают.

Методология и методы лингвокультурологии

Философия определяет методологию как систему принципов и способов организации теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе. Это совокупность наиболее существенных элементов теории, конструктивных для развития самой науки; методология в отличие от теории не приносит нового знания, в отличие от концепции не служит основой для практики, но развивает в науке такие элементы, без которых невозможно развитие самой науки. Методология — это концепция развития науки, а концепция — это методология перехода от теории к практике.

С методологией теснейшим образом связан метод, который представляет собой определенный подход к изучаемому явлению, определенный комплекс приемов, применение которых дает возможность изучить данное явление. Поэтому метод всегда является системой. Его специфика определяется объектом исследования и целью исследования. Каждый метод прямо или косвенно зависит от общепhilosophических теорий.

Методология всякой науки (в том числе и лингвокультурологии) включает в себя три уровня: философскую, общенаучную и частную методологию (учение о методах научного исследования).

Философская методология — самый высокий уровень, для него важны законы, принципы и категории диалектики, сформулированные еще Гераклитом, Платоном, Кантом, Фихте, Шеллингом и др. Это закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количества в качество, закон отрицания отрицания; категории общего, частного и отдельного, необходимости и случайности и т.д.

Общенаучная методология — обобщение методов и принципов изучения явлений разными науками, это наблюдение, эксперимент, моделирование, интерпретация. Общенаучная методология меняется вместе с прогрессом науки, результатом которого становится возникновение новых методов и значительная модификация старых.

Частная методология — это методы конкретной науки, в данном случае — лингвокультурологии.

Однако метод по отношению к теории — явление вторичное. В.А.Звегинцев справедливо подчеркивает, что сам по себе метод может быть лишь средством познания объекта, причем именно в той степени, в какой он обуславливается теорией, поставлен ей на службу и «выдает» факты для проверки и корректировки выдвигаемых гипотез. Поэтому специфика метода определяется теоретическими взглядами на объект исследования и его целью.

Методы лингвокультурологии — это совокупность аналитических приемов, операций и процедур, используемых при анализе взаимосвязи языка и культуры. Поскольку лингвокультурология — интегративная область знания, вбирающая в себя результаты исследования в культурологии и языкознании, этнолингвистике и культурной антропологии, здесь применяется комплекс познавательных методов и установок, группирующихся вокруг смыслового центра «язык и культура». В процессе лингвокультурологического анализа методы культурологии и лингвистики используются выборочно.

Всякий конкретный метод научного исследования имеет свои рамки применения, т.е. аксиомой современной науки является тезис об ограниченности любого метода. Взаимодействующие язык и культура настолько многоаспектны, что познать их природу, функции, генезис при помощи одного метода невозможно — Этим и объясняется наличие целого ряда методов, находящихся между собой в отношениях дополнительности.

В лингвокультурологии можно использовать лингвистические, а также культурологические и социологические методы — методику контент-анализа, фреймовый анализ, нарративный анализ, восходящий к В. Проппу, методы полевой этнографии (описание, классификация, метод пережитков и др.), открытые интервью, применяемые в психологии и социологии, метод лингвистической реконструкции культуры, используемый в школе Н.И.Толстого; можно исследовать материал как традиционными методами этнографии, так и приемами экспериментально-когнитивной лингвистики, где важнейшим источником материала выступают носители языка (информанты). Данные методы вступают в отношение взаимодополнительности, особой сопряженности с разными познавательными принципами, приемами анализа, что позволяет лингвокультурологии исследовать свой сложный объект — взаимодействие языка и культуры.

Аппарат анализа метафоры, предложенный Дж.Лакоффом, обладает большой объяснительной силой и позволяет получить результаты, важные для решения проблемы языка и культуры. Так, когнитивная теория метафоры позволяет объяснить, почему одни иноязычные идиомы легко понимаются и могут даже заимствоваться, а другие не могут. Этот метод позволяет устанавливать когнитивно обусловленные несовпадения между сравниваемыми языками. Такие различия неслучайны и свидетельствуют о специфике осмысления фрагментов мира тем или иным народом.

В.Н.Телия предложила для лингвокультурологического описания макрокомпонентную модель значения. Семимерное пространство этой модели включает в себя такие блоки информации, как сведения о пресуппозиции, денотации, рациональной оценке, мотивационном основании знака, эмоциональной и эмотивной оценках, а также оценке условий употребления знака; каждый такой блок вводится когнитивным оператором, указывающим на процедуру обработки соответствующих ментальных структур.

Кроме макрокомпонентной модели мы предлагаем активно использовать в лингвокультурологическом описании психосоцио-культурологический эксперимент, а также шире задействовать готовые тексты разных типов, потому что культурная информация в языковых единицах имеет преимущественно скрытый за их собственно языковым значением характер. Например, фразеологизм ни кола, ни двора, ни куриного пера имеет значение «не иметь совсем ничего». Культурная информация здесь реализуется через культурную коннотацию на образ фразеологизма — «недостойно человека не иметь ничего». Именно благодаря ей появляется словарная помета — «презр.».

Особая область исследования — лингвокультурологический анализ текстов, которые как раз и являются подлинными хранителями культуры. Приобщение человека к

культуре происходит путем присвоения им «чужих» текстов. Будучи ничтожно малым элементом мира, текст (книга) вбирает в себя мир, становится всем миром, замещает собой весь мир для читающего. Поэтому важен анализ текстов в рамках герменевтической парадигмы (герменевтика — наука о понимании). Здесь применяются самые различные методы и приемы исследования — от интерпретационных до психолингвистических.

Объект и предмет исследования в лингвокультурологии

Мы различаем объект и предмет исследования. Под объектом исследования мы понимаем некоторую область действительности, представляющую собой совокупность взаимосвязанных процессов, явлений. Предмет исследования — это некоторая часть объекта, имеющая специфические характеристики, процессы и параметры. Например, общим объектом для всех гуманитарных наук является человек, предмет исследования у каждой из этих наук свой — определенная сторона человека и его деятельности.

Объектом лингвокультурологии является исследование взаимодействия языка, который есть транслятор культурной информации, культуры с ее установками и предпочтениями и человека, который создает эту культуру, пользуясь языком. Объект размещается на «стыке» нескольких фундаментальных наук — лингвистики и культурологии, этнографии и психолингвистики.

Предметом исследования этой науки являются единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно–метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания — архетипического и прототипического, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и паремиях (поговорах и поговорках) и т.д.

При этом одна лингвокультурологическая единица может одновременно принадлежать нескольким семиотическим системам: стереотип ритуала может войти в поговорку, а потом превратиться во фразеологизм; например, было время, когда клятву ели, т.е. ели землю, изображая породнение с ней, как бы жертвуя собой при этом; данный обычай закрепился в языке во фразеологической единице (ФЕ) есть землю (ср. современное употребление в воровском жаргоне); песня «Лазарь бедный», которую пели нищие и обиженные, усиленная семантикой самого имени Лазарь — «бог помог», подкрепленная библейской легендой о Лазаре, который получил награду за свои мучения на том свете (Евангелие от Луки), трансформировалась во фразеологизм петляларя в значении «пытаться разжалобить, вызвать сочувствие».

Иногда одна и та же лингвокультурологическая единица воплощается и в мифах, и в поговорках и во фразеологизмах: волк содержит в себе представление древних славян о грабителе, убийце, резне, т.е. мифологему «волк–разбойник», которая накладывает отпечаток на метафору волк зарезал. Неизменность разбойничьих привычек волка нашла отражение в поговорке «Волк каждый год линяет, но обычая не меняет», а затем закрепилась во ФЕ волчья хватка и др.

На фоне объекта исследования можно выделить несколько его предметов, каждый из которых также состоит из отдельных линг–вокультурологических единиц. Мы выделили много таких предметов, но их количество может быть еще увеличено. Прежде всего это следующие: 1) предмет лингвострановедения — безэквивалентная лексика и лакуны, а поскольку лингвострановедение является составной частью лингвокультурологии, то они становятся и ее предметом; 2) мифологизированные языковые единицы: архетипы и мифологемы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке; 3) паремиологический фонд языка; 4) фразеологический фонд языка; 5) эталоны, стереотипы, символы; 6) метафоры и образы языка; 7) стилистический

уклад языков; 7) речевое поведение; 9) область речевого этикета. Указанные сущности не представляются нам гомогенной системой, скорее это гетерогенная совокупность, но именно они наиболее «культуроносны», а потому подлежат исследованию в первую очередь.

Рассмотрим подробнее каждый из названных предметов.

1. Предметом исследования в лингвокультурологии должны стать слова и выражения, служащие предметом описания в лингвострановедении (см. лингвострановедческую теорию Е.М.Верещагина и В. Г. Костомарова). Это слова и выражения типа баклуши (бить баклуши), щи, каша, баня (задавать баню), пропал как швед под Полтавой и т.д.

В область страноведчески маркированных источников попадают цитации из русской классики (крылатые слова) — человек в футляре, хлестаковщина, отцы и дети, а также лозунги и политические дискурсы — локомотив истории, трудовая вахта, путевка в жизнь, борьба за урожай, передавать эстафету и т. п. Это собственно национальные выражения, однако наличие во фразеологизмах или метафорах национальной реалии не всегда свидетельствует о наличии культурной коннотации, способной воздействовать на мен-тальность народа (В.Н.Телия).

Безэквивалентные языковые единицы (по Е.М.Верещагину и В.Г.Костомарову, 1980) — обозначения специфических для данной культуры явлений (гармошка, бить челом и др.), которые являются продуктом кумулятивной (накопительной, закрепляющей опыт носителей языка) функции языка и могут рассматриваться как вместилища фоновых знаний, т.е. знаний, имеющих в сознании говорящих. Различия между языками обусловлены различием культур и легче всего они демонстрируются на материале лексических единиц и фразеологизмов, поскольку номинативные средства языка наиболее прямо связаны с внеязыковой действительностью.

Национально-культурное своеобразие номинативных единиц может проявляться не только в наличии безэквивалентных единиц, но и в отсутствии в данном языке слов и значений, выраженных в других языках, т. е. лакунах — белых пятнах на семантической карте языка (Ю.А.Сорокин, И.Ю.Марковина). Часто наличие лакуны в одном из языков объясняется не отсутствием соответствующего денотата, а тем, что культуре как бы не важно такое различие.

Кроме этих единиц языка, в которых сама реалия национальна, и поэтому слово, ее называющее, содержит национально-культурный компонент, мы относим к предмету лингвокультурологии максимально широкий круг языковых явлений. Национально-культурное «присвоение» мира происходит под воздействием родного языка, так как мы можем подумать о мире только в единицах своего языка, пользуясь его концептуальной сетью, т.е. оставаясь в круге, описанным вокруг нас языком (В.Гумбольдт). Поэтому разные нации, пользуясь разными инструментами концептообразования, формируют различные картины мира, являющиеся по сути основанием национальных культур (Л. Вейсгербер).

Необходимо подчеркнуть при этом, что не все межъязыковые различия исследуются лингвокультурологией, ибо они не являются культурно-значимыми, т. е. не все различия в языках имеют культурно обусловленные причины и следствия. Эта мысль базируется на работах А. Вежбицкой.

Таким образом, нужно различать случаи, когда языковые единицы сами играют роль культурных стереотипов, и случаи, когда они называют предметы культуры. Оба они, будучи принципиально разными сторонами отраженной в языке культуры, являются предметами лингвокультурологии, хотя наши интересы связаны с первыми случаями, а вторые уже изучаются лингвострановедением.

2. Предметом лингвокультурологии являются мифологизированные языковые единицы: архетипы и мифологемы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке.

В каждом конкретном фразеологизме отражается не целостный миф, а мифологема. Мифологема — это важный для мифа персонаж или ситуация, это как бы «главный герой» мифа, который может переходить из мифа в миф. В основе мифа, как правило, лежит архетип. Архетип — это устойчивый образ, повсеместно возникающий в индивидуальных сознаниях и имеющий распространение в культуре (С.Сендерович). Понятие архетипа было введено К.Г.Юнгом в 1919 г. в статье «Инстинкт и бессознательное». К. Г. Юнг считал, что все люди обладают врожденной способностью подсознательно образовывать некоторые общие символы — архетипы, которые проявляются в сновидениях, мифах, сказках, легендах. В архетипах, по К. Юнгу, выражается «коллективное бессознательное», т.е. та часть бессознательного, которая не является результатом личного опыта, а унаследована человеком от предков. Архетип — это «психический орган», вырастающий в душе человека «как цветок». Современная наука подтвердила, что архетип — это глубокий уровень бессознательного.

В рамках генетической теории К. Юнг устанавливает тесную связь архетипа с мифологией: мифология — хранилище архетипов. Таким образом, первобытный образ, названный однажды архетипом, всегда коллективен, т.е. он является общим для отдельных народов и эпох. По всей вероятности, наиболее важные мифологические мотивы общи для всех времен и народов. Человек находится во власти архетипов до такой степени, какой он себе и представить не может, т.е. современный человек даже не понимает, насколько он находится во власти иррационального.

Например, в основе фразеологизмов с компонентом хлеб — есть чужой хлеб, жить на хлебах у кого-либо, зарабатывать на хлеб, хлебом не корми — лежит архетип хлеба как символа жизни, благополучия, материального достатка. Хлеб обязательно должен быть «своим», т.е. заработанным собственным трудом (вспомните слова из Библии, обращенные к первым людям Адаму и Еве: «Хлеб будете добывать в поте лица своего»). Если же есть чужой хлеб, то такое поведение осуждается обществом. Основой для осуждения является библейская установка на то, что хлеб должен добываться трудом, а также представление о хлебе (архетип) как о ритуальном предмете, способном оказать влияние на различные стороны жизни человека, — с хлебом связаны весенние обряды, гадания, ворожба, заговоры. Хлеб — символ солнечного Бога, он не просто дар Божий, а сам есть божественное существо. Таким образом, понятие архетипа — важнейшее в феноменологии культуры.

В древности считалось, что если человек ест «твой» хлеб, он может навредить тебе. Есть и прямо противоположная точка зрения: «странник, вкусивший нашего хлеба-соли, уже не может питать к нам неприязненного чувства, становится как бы родственным нам человеком». О святости хлеба есть множество свидетельств у славян. Так, по словацкому обычаю в пеленки новорожденному кладут кусок хлеба, чтобы его никто не сглазил. Чехи и украинцы считают, что хлеб способен защитить от нечистой силы. Отсюда и поговорка, бытующая у русских: «Хлеб-соль не пропустит зла», а одна из функций хлеба-соли, оставляемого в течение 40 дней после смерти человека, — быть оберегом. Эти архетипические представления о хлебе до сих пор живут у славян. Например, на Украине на том месте, где хотят построить дом, сыплют по всем четырем углам зерно. Если место хорошее, то зерно в течение трех дней будет лежать на месте. В России под строящуюся избу закладывают хлеб. В Белоруссии широко распространено употребление каравая — обрядового хлеба как жертвы солнцу.

Обряд. А. Н. Веселовский в своей «Исторической поэтике» отмечал ведущую роль обряда в развитии культуры, а между ритуалом и мифом не видел никакой связи. В современной науке наибольшее распространение получила точка зрения, принимающая семантическое единство мифа и ритуала как теоретической и практической сторон одного и того же явления.

Любое действие может стать обрядом, если оно теряет целесообразность и становится семиотическим знаком. Обряд тесно связан с мифами и ритуалами. Некоторые ученые выводят происхождение мифа из обряда и ритуала (К.Леви–Строс, Е. М.Мелетинский). Обряд в отличие от ритуала имеет более сложную структуру, включает несколько этапов и более длителен во времени. Он сопровождается специальными песнями, драматическими действиями, хороводами, ржанием, гаданием и т.п. Миф может обосновывать происхождение обряда.

В сущности каждый обряд символизирует и воспроизводит творение. Обряды подтверждают основные принципы мирового порядка в русле конкретной традиции. Обряд и есть освященное многовековой традицией условно–символическое действие, он складывается на основе обычая и наглядно выражает устойчивые отношения людей к природе и друг к другу; обряд издревле помогал людям общаться, обобщать и передавать социальный опыт, гармонизировал человеческие переживания, и вообще создавал условия для того, чтобы человек осознал себя членом сообщества себе подобных. Примерами обрядов могут служить родильные обряды, крестины, сватанье, свадьба, похороны, поминки и др. Например, белорусский ФЕ пасадзць на пасад означает «готовить место и сажать невесту и жениха на свадьбе в почетном углу» и «отдавать замуж». Таким образом, данный фразеологизм закрепил в своей семантике обряд сажать молодую на почетное место во время свадьбы, ее сажали на дежу, которая накрывалась тулупом (А. Сержпутоуский).

Ритуал — система действий, совершаемых по строго установленному порядку, традиционным способом и в определенное время. Это форма «превращенного сознания» (термин В.Зомбарта), он является главным механизмом коллективной памяти, который во многом определяет жизнь человека и теперь.

Ритуал появляется у животных, объединенных в крупные сообщества; как утверждает К. Лоренц, все человеческие ритуалы возникли у человека естественным путем, т. е. в своих истоках человеческий ритуал и ритуал животных едины. У ритуала К. Лоренц выделяет три функции: 1) снятие агрессии, 2) обозначение круга «своих», 3) отторжение «чужих». Ритуал столь важен для человека, что существует гипотеза, будто язык возник в русле ритуала.

По В.Тэрнеру, ритуал — важное средство поддержания общих норм и ценностей народа, поскольку сложная система ритуала связана с символом, подражанием и восприятием, т.е. опирается на доминантные стороны человеческой психики. Таким образом, действие становится ритуалом, когда оно теряет целесообразность и становится семиотическим знаком.

В.Тэрнер писал: «...ритуал и символика — не просто эпифеномены или маскировка более глубинных социальных или психологических процессов, ...они обладают онтологической ценностью, имеющей определенное отношение к состоянию человека... Расшифровка ритуальных форм и раскрытие происхождения символических действий, возможно, более полезны для нашего культурного роста, чем мы до сих пор предполагали». Ритуалы на заре истории человечества были невербальными текстами культуры людей, а само знание ритуалов было символом, определяющим уровень овладения культурой и социальную значимость личности. Подражательность ритуального поведения требовала от каждого индивида следовать образцам и исключала творческий

подход. Индивидуальное самосознание в этих условиях развивалось слабо и почти полностью сливалось с коллективным.

Ритуал нельзя сводить к театрализованному действию, иллюстрирующему миф, ибо миф проникал во все формы жизнедеятельности людей. Устная трансляция мифа, как и ритуальные действия, обеспечивала единство взглядов на мир всех членов сообщества, объединяла «своих» и отделяла их от «чужих». Можно предположить, что семантика знаков человеческого языка, которые возникли на базе ритуала, должна отражать прежде всего структуру прототипических ситуаций.

Ритуал магически связывал людей с живыми силами природы, с персонифицированными мифическими существами, богами; древние ритуалы — это своего рода обряд оберега от вреда. Например, сглаз — специфический вид вреда, нанесенного визуальным путем. Отсюда беречься от сглаза — не попадаться на глаза, не смотреть в глаза. Дурной глаз входит в архетипическую модель мира. Око — окно в иной мир. Через окно иной мир врывается в дом в сказках, как, например, вампиры и вурдалаки проникают в дом сквозь окна.

Бережет человека и смех, точнее, ритуальный смех.

Уже на самых ранних стадиях развития культуры рядом с серьезными культурами существовали и смеховые, срамословящие и высмеивающие божество: его ругают, над ним издеваются, чтобы утвердить жизненное начало вслед «умирающему» божеству; смех, сопровождающий эти культы, и назывался ритуальным смехом. Так древний и средневековый человек освобождался от религиозного догматизма, от мистики и благоговения, молитвенного состояния. Так создавался второй, как бы параллельный, мир, в котором жил человек. Это было для него необходимо, ибо официальный праздник не вполне соответствовал человеческой природе, искажал ее, поскольку был абсолютно серьезным.

Смех по своей семантике амбивалентен. В языческом обществе он имел сакральную символику, своеобразный магический жест. В христианской культуре смеются смерть, дьявол и прочая нечисть, отсюда фразеологизм дьявольский смех. Считается, что уже с самого рождения возле человека находится как ангел-хранитель, так и дьявол-искуситель, соблазнитель. И если ангел радуется, умиляясь добрым поступкам человека, то дьявол ослабляется и хохочет при виде злых дел. Христос, его апостолы и святые никогда не смеются, лишь улыбаются, радуясь.

Запрет на смех находит отражение в славянском фольклоре — в тех русских сказках, где живой проникает в царство мертвых: сказки о Бабе Яге, где героя предупреждают: «Придешь в избушку — не смейся!». Отсутствие смеха — признак пребывания в царстве мертвых, ибо мертвые не смеются. Смеясь, мертвый выдает себя за живого. Поэтому смеется, например, русалка в одноименном стихотворении В.Я.Брюсова: Еще нежней, еще коварней, \ Смеялась, зыбля камыши. По славянскому поверью, хохочет в лесу леший, заманивая к себе людей. В стихотворении «Папоротник» В.Брюсов пишет: Все виденья, всех поверий, \ По кустам кругом хохочут.

В тесной связи с запретом на смех формируется значение фразеологизма сардонический смех (смех смерти). Внутреннее содержание этого фразеологизма — существовавший у древнего населения Сардинии обычай убивать стариков и при этом громко смеяться.

Смех не одобряется древними славянами, отсюда выражения типа дурня па смеху пазнаеш; па латках пазнаеш скупого, а па смеху — дурного (бел.), русские фразеологизмы и поговорки смеху подобного смехотворном — неодобр.), смех без причины — признак дурачины и др. Выражение гомерический смех, также имеет негативную окраску: это

громовой смех, подобный тому, каким смеялись на пиршествах олимпийские боги в «Илиаде» Гомера.

К фразеологизмам поведения можно отнести ФЕ с компонентом «смех»: и смех и грех, поднимать на смех (русск.); памграць ад смеху, не на смех, надрываць жываты ад смеху, паехаць ад смеху (бел.) и др., которые кодируют в своей семантике запрет на смех.

Но есть и другая сторона у смеха. А. А. Потебня видит связь смеха со светом и жизнью. В мифах народов мира, в которых повествуется о проглоченных рыбами, смех — возврат к жизни. По украинскому поверью, ворон похищает детей на тот свет, и если мать успеет рассмешить ребенка, он остается с ней, а если не успеет, то он достается ворону. Следы этого аспекта значения у смеха имеют фразеологизмы: смех разбирает, смешинка в рот попала и др.

Эта амбивалентная древняя семантика смеха формирует отношение к нему в современной культуре восточных славян, где смех не только выражение радости, но с ним связаны и такие слова как насмехаться, пересмешник (мифическое существо, источник эхо).

Заговор. Урон, по Т.В.Цивьян, — семантизируется как наговор, т.е. вред, нанесенный словом. Чтобы избавиться от него, нужен заговор. Заговоры и заклинания уходят своими истоками в глубокую древность. Первые сведения о них у восточных славян встречаются в летописных сводах X в., в договорах XI в. русских с греками. Позднее заговоры включаются в древнерусские памятники, а с XVI—XVII вв. о них есть сведения в судебных документах о колдовстве.

Точки зрения на происхождение заговоров и заклинаний различны. Ф.И.Буслаев и А.Н.Афанасьев, например, настаивали на их связи с мифом (Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской на родной словесности и искусства. — СПб., 1861. — Т. 1; Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. — М., 1866. — Т. 1). А. А. Потебня усматривал в заговорах склад древнего поэтического мышления. По его определению, они — «словесное изображение пожелания через сравнение» (Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. — Харьков, 1914. — С. 147). Существуют разные мнения о возникновении заговоров: на основе византийских апокрифов (А. Н. Веселовский), на основе халдейских книг (В.Ф. Миллер), на основе чернокнижия¹.

3. Предмет исследования в лингвокультурологии — паремиологический фонд языка, поскольку большинство пословиц — это стереотипы народного сознания, дающие достаточно широкий простор для выбора. Традиционно пословицы и поговорки изучались в фольклористике как жанровые тексты. Их изучение в лингвистике только начинается. С прагматической точки зрения цель пословиц размыта: одна и та же пословица может быть упреком, утешением, нравоучением, советом, угрозой и т.д., например: Старость не радость.

Не все пословицы, однако, являются предметом исследования лингвокультурологии. Например, библейская пословица Одна ласточка весны не делает, представленная у славян, французов, итальянцев и других народов, хотя и отражает передаваемый из поколения в поколение опыт, но не присуща конкретной культуре, конкретному этносу, поэтому, согласно развиваемой нами концепции, не может считаться предметом лингвокультурологии. Здесь должны изучаться лишь те пословицы и поговорки, происхождение и функционирование которых неразрывно связано с историей конкретного народа или этноса, его культурой, бытом, моралью и т.д. Например: На каждое чихание не наздравствуешься. В основе этой пословицы лежит славянский обычай в ответ на чихание желать здоровья.

4. Фразеологический фонд языка — ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа, в них как бы законсервированы представления народа о мифах,

обычаях, обрядах, ритуалах, привычках, морали, поведении и т.д. Неслучайно Б.А.Ларин отметил, что фразеологизмы всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи. Отражают, как свет утра отражается в капле воды. (См. о фразеологии специальный параграф.)

5. Эталоны, стереотипы, символы Здесь мы затронем лишь вопрос об эталоне, стереотипам и символам посвящены отдельные разделы в гл. 4.

Примерами эталона являются выражения: здоров как бык, глаза красивые, как у коровы (эталон красоты у киргизов); толстый, как бочка. Эти эталоны отражают не только национальное мировоззрение, но и национальное миропонимание, поскольку они являются результатом собственно национально-типического соизмерения явлений мира. Эталоны — это то, в нем образно измеряется мир. Чаще всего эталоны существуют в языке в виде устойчивых сравнений (глуп как валенок, весел как птичка, злой как волк, собака), но в принципе эталоном может быть любое представление о соизмерении мира относительно человека — сыт по горло, влюблен по уши и др.

Анализируя семантику фразеологизма дрожать над каждой копеечкой, В.Н.Телия справедливо отмечает, что здесь фокусируется не вещный образ копейки, а знание о том, что копейка — эталон минимальной денежной единицы. Благодаря такого рода восприятию образного основания фразеологизмов, в которые входят слова-эталоны, фразеологизмы приобщаются к языку культуры. Здесь, говоря словами А. А. Потебни, символ становится образцом (эталонном) и подчиняет себе волю понимающих.

Таким образом, эталон — это сущность, измеряющая свойства и качества предметов, явлений, объектов. Эталон на социально-психологическом уровне выступает как проявление нормативных представлений о явлениях природы, общества, о человеке, о их качествах и свойствах. Эталон содержит в себе в скрытом виде предписания, он влияет на избирательность и оценку.

Стереотип, в отличие от эталона, это тип, существующий в мире, он измеряет деятельность, поведение и т.д. Стереотипы поведения как важнейшие среди стереотипов могут переходить в ритуалы. Разница между ними в том, что при реализации стереотипа человек может не осознавать целей, ради которых действие совершается. Ритуал же всегда предполагает рефлексивность относительно значения его исполнения. Ритуал условен, конвенционален. Он есть способ разрешения социальной драмы.

6. Предметом лингвокультурологии являются метафоры и образы. Рассмотрению метафоры будет посвящен особый раздел в гл. 4.

Образ — это важнейшая языковая сущность, в которой содержится основная информация о связи слова с культурой. Традиционно под образностью понимается способность языковых единиц создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях действительности.

Характеризуя образность как категорию лингвистическую, С. М.Мезенин отмечает, что любая форма образности, как речевой, так и языковой, содержит в своей логической структуре три компонента: 1) референт, коррелирующий с гносеологическим понятием предмета отражения; 2) агент, т.е. предмет в отраженном виде; 3) основание, т.е. общие свойства предмета и его отражения, обязательное наличие которых вытекает из принципа подобия. Языковым образным средством, в котором три перечисленных компонента представлены эксплицитно, является сравнение. Образность — это реальное свойство языковых единиц, проявляющееся в способности вызывать в нашем сознании «картинки». Существуют также мыслеобразы, т.е. обобщенные и абстрагированные представления, которые продолжают оставаться картинкой. Образ метафоры, фразеологизма «считывается» не по словарному толкованию, не по раскодированному их значению, а по

их внутренней форме (ВФ). Внутренняя форма это, по словам И. Бродского, след, оставленный взглядом на вещи.

Понятие ВФ было введено в отечественную лингвистику А. А. Потебней в 1892 г., затем оно получило свое развитие в конце 20—30-х годов в работах Б. А. Ларина и Г. О. Винокура, занимавшихся проблемами поэтической речи.

ВФ слова — это тот буквальный смысл, который складывается из значений морфем, образующих слово (т.е. из значений его корня, приставки и суффикса). Например, слова «конник», «наездник», «всадник» имеют при сходном значении «человек, сидящий на лошади», различные ВФ.

ВФ делает значение слова мотивированным, однако эта обусловленность не является полной, потому что ВФ, к примеру, слова «подснежник» («нечто, находившееся под снегом») могла бы подойти не только к цветку, но и к любому другому предмету, пролежавшему под снегом зиму, — калоше, шапке, пню и т.д. А. А. Потебня назвал ВФ «ближайшим этимологическим значением». Ближайшее значение создается живыми словообразовательными связями производного слова (например, для слова «подоконник» — это «нечто, находящееся под окном»). «Дальнейшее этимологическое значение» — это самая ранняя из доступных для реконструкции мотивация корня слова; как правило, для неспециалистов оно закрыто временем: окно из око, т.е. дальнейшее значение «око в мир», в английском, исландском языках — «глаз ветра».

Таким образом, ВФ — это осознаваемый говорящими способ выражения значения в слове, который в разных языках представлен по-разному: русское слово «смородина» связано с выражением «издавать сильный запах, смород», белорусское соответствие «парэчи» мотивировано обозначением места произрастания — по речке.

А. А. Потебня во ВФ слова видел его образ. По его мнению, слово создается в результате творчества человека — так же, как и пословицы, загадки, поговорки. Поэтому ВФ он сопоставлял с такими явлениями, как прямое (буквальное) значение в метафоре. ВФ для культурологов, изучающих становление народного мировоззрения, представляет исключительный интерес.

Семантическое развитие слова ведет к тому, что ВФ может тускнеть, забываться, либо вступать в противоречие с лексическим значением слова. Так, чернила существуют не только черные, но и красные; белье — не обязательно белое и т.д. И все же внутренняя форма живет в семантике производных слов. Это как бы историческая память языка, доступная творящим, след вчерашнего видения предмета, которое оттеняет его сегодняшнее понимание» (Н.Б.Мечковская). Соотносясь с лексическим значением, ВФ создает особую стереоскопичность словесного представления мира. Ассоциации и смысловые оттенки, коннотации, создаваемые ВФ, обладают большим культурно-национальным своеобразием, чем денотат слова. Отсюда и важная роль ВФ в трансляции культуры.

7. Предметом исследования в лингвокультурологии служит также стилистический уклад разных языков, внимание к тому, в каких формах существования представлен тот или иной язык. Так, есть языки, где существует сильное диалектное расслоение, и языки, где различий между диалектами почти нет; есть языки, стилистическая дифференциация в которых только начинается, и, напротив, языки, где эта дифференциация глубока и многоаспектна.

Взаимоотношение между литературным языком и нелитературными формами его существования определяется всем ходом развития культурной истории общества: историей его письменности, школы, литературы, мировоззрения, его культурно-идеологическими симпатиями и т.д.

Влияние культуры народа на характер нормативно–стилистического уклада носит довольно опосредованный, хотя и глубокий характер, в сравнении с влиянием культуры на словарь, который есть ее зеркало.

8. Предметом специального исследования в лингвокультурологии должно стать речевое поведение, а также всякое другое поведение, закрепленное в номинативных единицах, в единицах грамматических и стилистических. А. А. Леонтьев пишет: «Национально–культурная специфика речевого общения складывается в нашем представлении из системы факторов, обуславливающих отличия в организации, функциях и способе опосредования процессов общения, характерных для данной национально–культурной общности... Эти факторы «прилагаются» к процессам на разном уровне их организации и сами имеют различную природу, но в процессах они взаимосвязаны... прежде всего с факторами собственно языковыми, психолингвистическими и общепсихологическими»¹. Среди этих факторов А. А. Леонтьев выделял следующие: 1) факторы, связанные с культурной традицией (разрешенные и запрещенные типы и разновидности общения, а также стереотипные ситуации общения); (Я— Ты — О«–грамматика»); 2) факторы, связанные с социальной ситуацией и социальными функциями общения (функциональные подязыки и этикетные формы общения); 3) факторы, связанные с этнопсихологией в узком смысле, т.е. с особенностями протекания и опосредования психических процессов и различных видов деятельности; 4) факторы, связанные со спецификой денотации; 5) факторы, определяемые спецификой языка данной общности (стереотипы, образы, сравнения и т.д.). В результате исследований было установлено, что в каждой культуре поведение людей регулируется представлениями о том, как человеку полагается вести себя в типичных ситуациях в соответствии с их социальными ролями (начальник—подчиненный, муж—жена, отец—сын, пассажир—контролер и т.д.).

9. Важным предметом исследования в лингвокультурологии нужно считать область речевого этикета (Формановская), т.е. «культурное притворство вежливости», по О. Мандельштаму.

Речевой этикет — это социально заданные и культурно–специфические правила речевого поведения людей в ситуациях общения в соответствии с их социальными и психологическими ролями, ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановках общения. Речевой этикет — зона «социальных поглаживаний», по Э. Берну, это национально–культурный компонент общения. Этикетные отношения — это универсалия, но проявление их национально–специфичны, а потому должны изучаться лингво–культурологией. Казалось бы, этикетное поведение стандартно и стереотипно, представляет собой замкнутую систему, но нарушение этого поведения может привести к непредсказуемым последствиям для человека и человечества, ибо, по словам Н.И.Форма–новской, коммуникативная истинность выше по ценности для культурной общности людей, чем искренность (истина).

Таким образом, лингвокультурология исследует и живые коммуникативные процессы — связь используемых в них языковых выражений с культурой и менталитетом народа, т.е. его массовым сознанием, традициями, обычаями т.д.

Обозначенный нами список предметов исследования в лингвокультурологии не представляется нам окончательным и неизменным, здесь указаны лишь основные области, где активно взаимодействуют язык и культура. Далее, в следующих частях книги, нами будут скрупулезно рассмотрены отдельные, наиболее «культуроносные» предметы.

Базовые понятия лингвокультурологии

Встает вопрос о необходимости сформировать категориальный аппарат лингвокультурологии, т. е. определить набор основополагающих понятий, которые характеризуют в совокупности модель лингвокультурной реальности. Нужно создать такой понятийный аппарат, который бы позволил анализировать проблему взаимосвязи языка и культуры в их динамике.

Лингвокультурология как специальная область науки породила немало продуктивных в современной лингвистике понятий: лингвокультурема, язык культуры, культурный текст, контекст культуры, субкультура, лингвокультурная парадигма, прецедентные имена культуры, ключевые имена культуры, культурная универсалия, культурная компетенция, культурное наследование, культурные традиции, культурный процесс, культурные установки и другие. В понятийный аппарат науки входят также и такие термины, как менталитет, ментальность, ритуал, обычай, сфера культуры, тип культуры, цивилизация, язычество и некоторые другие.

Наиболее важные для данной коллективной работы понятия — это те, с помощью которых может быть представлена культурная информация в языковых единицах: культурные семы, культурный фон, культурные концепты и культурные коннотации.

Культурные семы — более мелкие и более универсальные, чем слово, семантические единицы, семантические признаки. Например, у слов «самовар», «лапти», «щи» можно выделить такие культурные семы: лапти — крестьянская обувь, плетенная из лыка; самовар — сосуд с топкой внутри, для чаепития русских; щи — кушанье из рубленой капусты, пища русских.

Культурный фон — характеристика номинативных единиц (слов и фразеологизмов), обозначающих явления социальной жизни и исторические события — пропал как швед под Полтавой, красно-коричневые (о национал-патриотах России).

Два вышеохарактеризованных вида культурной информации локализируются в денотате, они сравнительно неплохо изучены лингвострановедением.

Культурные концепты — имена абстрактных понятий, поэтому культурная информация здесь прикрепляется к сигнификату, т.е. понятийному ядру.

Культурное наследование — передача культурных ценностей, информации, значимой для культуры.

Культурные традиции — совокупность наиболее ценных элементов социального и культурного наследия.

Культурный процесс — взаимодействие элементов, принадлежащих к системе культурных явлений.

Культурное пространство — форма существования культуры в сознании ее представителей. Культурное пространство соотносимо с когнитивным пространством (индивидуальным и коллективным), ибо оно формируется совокупностью всех индивидуальных и коллективных пространств всех представителей данной культурно-национальной общности. Например, русское культурное пространство, английское культурное пространство и др.

Лингвокультурная парадигма — это совокупность языковых форм, отражающих этнически, социально, исторически, научно и т.д. детерминированные категории мировоззрения. Лингвокультурная парадигма объединяет концепты, категориальные слова, прецедентные имена культуры и т.д. Языковые формы — это основа парадигмы, которая как бы «прошита» значимыми представлениями.

Ментальность — это мирозерцание в категориях и формах родного языка, которые соединяют в себе интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях. Единицей ментальности признается концепт данной культуры (см. Словарь концептов русской культуры Ю. С. Степанова).

По А. Я. Гуревичу, ментальность — это способ видения мира, она отнюдь не идентична идеологии, имеющей дело с продуманными системами мысли, и во многом, может быть, главным, остается непрорефлектированной и логически не выявленной. Ментальность — не философские, научные или эстетические системы, а тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания. Итак, ментальность — тот незримый минимум духовного единения людей, без которого невозможна организация любого общества. Ментальность народа актуализируется в наиболее важных культурных концептах языка.

Менталитет — категория, которая отражает внутреннюю организацию и дифференциацию ментальности, склад ума, склад души народа; менталитеты представляют собой психо–лингво–интеллект–ты, разномасштабных лингвокультурных общностей. Как показывает анализ научной литературы, под менталитетом понимают некоторую глубинную структуру сознания, зависящую от социокультурных, языковых, географических и других факторов. Особенности национальных менталитетов проявляются только на уровне языковой, наивной, но не концептуальной картины мира (Ю.Д.Апресян, Е.С.Яковлева, О.А.Корнилов). Каждая из них — это уникальное субъективное представление действительности, включающее в себя объекты как непосредственной, так и опосредованной реальности, к которой относятся такие компоненты культуры, как мифы, предания, легенды, религиозные воззрения и т.д.

Культурная традиция — интегральное явление, выражающее социально стереотипизированный групповой опыт, который аккумулируется и воспроизводится в обществе.

Культурный фонд — это комплекс знаний, некоторый кругозор в области национальной и мировой культуры, которыми обладает типичный представитель той или иной культуры. Но это не принадлежность личности, а совокупность тех базовых единиц, которые включаются в данную национальную культуру.

Тип культуры — одна из первых типологий культуры предложена Питиримом Сорокиным, русским ученым, который в 1922 г. был выслан из России, поселился в США и стал выдающимся социологом. Он выделил несколько типов культур: идеационную культуру, которая в своей основе является религиозной; сенсативную культуру — антипод идеационной (начиная с эпохи Возрождения, это доминирующая в Западной Европе культура); идеалистическую культуру, являющуюся культурой смешанного типа, переходной формой от одного типа к другому (это Золотой век античной культуры, европейская культура XII—XIV вв.). Тип культуры в значительной мере (хотя и не всегда) определяет тип личности каждого из ее представителей.

Язык культуры — знаковая сущность, точнее, система знаков и их отношений, посредством которой устанавливается координация ценностно–смысловых форм и организуются существующие или вновь возникающие представления, образы, понятия и другие смысловые конструкции. По отношению к другим этническим культурам ее язык понимается как совокупность всех знаковых способов вербальной и невербальной коммуникации, которые объективируют специфику культуры этноса и отражают ее взаимодействие с культурами других этносов.

Установки культуры — это своего рода идеалы, в соответствии с которыми личность квалифицируется как «достойная/недостойная». Вырабатываются они на протяжении исторического пути, проходимого народом, который откладывает в социальной памяти и формирует установки. Помимо прочего нас отличают от животных правила и установки, о которых мы договорились друг с другом. Именно они отделяют нас от бездны хаоса, упорядочивают нашу жизнь, поэтому их нужно соблюдать.

Попытки выявить важнейшие традиционные установки русских предпринимали многие отечественные ученые. Широкую известность получила концепция Н. О. Лосского — философа XX в. В его книге «Характер русского народа», изданной в 1957 г., он выделяет позитивные и негативные установки русского народа (коллективизм, бескорыстие, духовность, фетишизация государственной власти, патриотизм, максимализм, жалостливость, но вместе с тем и жестокость и т.д.).

Установки культуры, с точки зрения В.Н.Телия, не могут быть столь же обязательны (обязательны), как, например, языковые нормы. К национальной культуре относится все, что интерпретируемо в терминах ценностных установок, «прескрипций (выражений) народной мудрости» (по В.Н.Телия).

Культурные ценности выполняют самые разные функции в механизмах жизни человека: координирующую между человеком и миром природы, стимулирующую, регулирующую и др. В аксиологии существует много классификаций ценностей, среди которых выделяются ценности абсолютные, или вечные, общественные, личностные, ценности биологического выживания и т.д. Человек не только познает мир, но и оценивает его с точки зрения их значимости для удовлетворения своих потребностей. Языковая информация о системе ценностей свидетельствует об особенностях мировосприятия народа.

Субкультура — второстепенная, подчиненная культурная система (например, молодежная субкультура и т. п.).

Ключевыми концептами культуры мы называем обусловленные ею ядерные (базовые) единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом. К ключевым концептам культуры относятся такие абстрактные имена, как совесть, судьба, воля, доля, грех, закон, свобода, интеллигенция, родина и т. п.

Концепты, по замечанию Д.С.Лихачева, возникают в сознании человека не только как намеки на возможные значения, но и как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом — поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический и т. п.

Концепты культуры можно разделить, по А. Я. Гуревичу, на две группы: «космические», философские категории, которые он называет универсальными категориями культуры (время, пространство, причина, изменение, движение), и социальные категории, так называемые культурные категории (свобода, право, справедливость, труд, богатство, собственность). Думается, что целесообразно выделить еще одну группу — категории национальной культуры (для русской культуры это — воля, доля, интеллигентность, соборность и т.п.). При ближайшем анализе концептов выясняется, что культурно-специфичных концептов в любом языке значительно больше, чем кажется на первый взгляд. Например, культурно-специфичным можно считать концепт картошка. Для русских — это эталон скудного питания, отсюда фразеологизм

сидеть на одной картошке; для белорусов — это привычная национальная пища, являющаяся вторым хлебом, который даже важнее первого.

Ключевые концепты культуры занимают важное положение в коллективном языковом сознании, а потому их исследование становится чрезвычайно актуальной проблемой. Доказательством тому служит появление словарей важнейших концептов культуры, одной из первых работ в этом направлении является словарь Ю. С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры» (М., 1997).

Культурная коннотация — это интерпретация денотативного или образно-мотивированного аспектов значения в категориях культуры. Этот термин был введен В. Н. Телия в 1993 г. Этому важнейшему понятию посвящен специальный раздел (следующий).

Лингвокультурема — термин, введенный В. В. Воробьевым. Это комплексная межуровневая единица, которая представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания. В понимании В. В. Воробьева, лингвокультурема есть совокупность формы языкового знака, его содержания и культурного смысла, сопровождающего этот знак. Важное значение для понимания лингвокультурема он придает глубинному смыслу, потенциально присутствующему в значении как элемент его содержания. Данный термин представляется нам весьма туманным, ибо в нем не раскрываются механизмы того, где и как прикрепляется культурная информация в языковом знаке, как она «работает» в языке, а указывается лишь на факт ее наличия в языковом знаке, что известно еще со времен В. Гумбольдта.

Важнейший источник культурной маркированности — вовлеченность языковых единиц в определенный тип дискурса (текста). В этой связи представляют интерес те понятия, которые имеют непосредственное отношение к лингвокультурному анализу текста. Прежде всего это культурные универсалии. Это общие для всех культур элементы (наличие языка, изготовление орудий труда, сексуальные запреты, мифы, танцы и т.д.), которые мы понимаем как важные для культуры и традиции фрагменты действительности, представленные в художественном тексте. Как правило, они составляют основу идеологических штампов эпохи. (Например, в рассказе Е.Замятина «Ловец человеков» культурная универсалия — это состояние типического героя. Оно задается следующей сентенцией: «Самое прекрасное в жизни — бред, и самый прекрасный бред — влюбленность».)

Дело в том, что в лингвистике известны языковые и концептуальные универсалии. А. Вежбицкая выделила целый ряд таких слов, которые она назвала лексическими универсалиями: я, ты, некто, нечто, вещь, люди, тело, этот, один, два, все, много, хороший, плохой и т.д. Концептуальные универсалии, а точнее, их важнейшие комбинации — это и есть культурные универсалии. А. Вежбицкая пишет: «Чтобы помыслить что-то, нам нужно нечто большее, чем "концепты": нам нужны осмысленные комбинации концептов».

Автор вносит коррективы в теорию лингвистической относительности Сепира—Уорфа. Во-первых, подчеркивает она, нельзя утверждать, что системы видения мира, предоставляемые разными языками, несопоставимы; во-вторых, выявленные национально-специфичные концепты сопоставимы в той мере, в какой они переводимы на язык «семантических примитивов». Каждый язык, с ее точки зрения, образует собственную «семантическую вселенную». «Языковые и культурные системы в огромной степени отличаются друг от друга, но существуют семантические и лексические

универсалии, указывающие на общий понятийный базис, на котором основываются человеческий язык, мышление и культура»¹.

Лингвокультурная универсалия может быть представлена как одним словом, так и целыми выражениями, создающими ядро культурного образа.

Культурная универсалия, с одной стороны, обращена к вещному миру, а с другой — к национально-культурным, нравственным проблемам этноса. Такая двусторонность способствует их семантической емкости, способности превращаться в символическое выражение ведущих идей текста, символы нации и эпохи. Это как бы культурные маяки текста. Текст — это истинный стык лингвистики и культурологии, так как он принадлежит языку и является его высшим ярусом, в то же время текст есть форма существования культуры. А лингвокультурология как раз и рассматривает язык как систему воплощения культурных ценностей.

Важное место в лингвокультурологии отводится изучению прецедентных имен и ключевых концептов культуры. Прецедентными именами называются индивидуальные имена, связанные с широко известными текстами (Обломов, Тарас Бульба), с ситуациями, которые известны большинству представителей данной нации (Иван Сусанин, дед Талаш). К прецедентным именам русской культуры относятся имена людей, роль которых чрезвычайно велика не только в русской, но и в общечеловеческой культуре. Так, русские ученые Ломоносов и Менделеев, Тимирязев и Вернадский, Виноградов и Колмогоров способствовали прогрессу всемирной науки. Русские писатели Пушкин, Гоголь, Достоевский, Лев Толстой, Чехов, Горький, Маяковский, Куприн, Шолохов, Солженицын, Бродский оказали неизгладимое влияние на всемирный литературный процесс. Русские художники Рублев и Дионисий, Репин и Васнецов, Серов и Коровин, Малявин и Врубель восхищают любого ценителя живописи. Русские композиторы Глинка и Чайковский, Скрябин и Прокофьев, Шостакович и Шнитке не могут не быть включены в историю мирового музыкального искусства. Россия оказала столь большое воздействие на мировую культуру, что знакомство с русским народом и его языком предполагает знание этого вклада.

Культурная коннотация как экспонент культуры в языковом знаке

Н. Ю. Шведова выделяет в русском языке 20 общих смысловых категорий: одушевленность, действие, состояние, предмет, мера, место, время и др. Эти категории формируют смысловой каркас языка. Это и есть наиболее абстрактный уровень языковой картины мира. Но существуют и наиболее специфические для каждого народа образно-ассоциативные механизмы переосмысления исходных значений во вторичной номинации. Например, собака у русских ассоциируется (наряду с отрицательными явлениями) с верностью, преданностью, неприхотливостью, что нашло отражение во фразеологизмах собачья верность, собачья преданность, собачья жизнь и др.; у белорусов собака коннотирует негативные в большинстве своем признаки — ушыцца у сабачую скуру (в значении «стать негодным, ленивым человеком»), собакам падшыты («плохой человек»); у киргизов ит (собака) — бранное слово, приблизительно равное русскому свинья. Русское свинья является символом а) грязи, б) неблагодарности, в) невоспитанности; для англичан pig означает обжору; для киргизов, казахов, узбеков и других мусульманских народов сюда добавляется коннотация чисто религиозного плана, в результате чего чочко (свинья) становится резко бранным словом; во вьетнамской же картине мира свинья — символ глупости. Таким образом, слова «собака», «свинья» коннотируют у разных народов различные признаки, что свидетельствует о специфичности, индивидуальности образного мышления у этих народов, влияющего на формирование их картин мира.

Из данных примеров видно, что для каждого языка, для каждой культуры характерно возникновение специфических со-зна-чений — коннотаций.

Как именно связаны язык и культура? Вероятно, с помощью некоторого промежуточного образования — идеального, реализуемого в языке как значение: «Такой промежуточный элемент, обеспечивающий онтологическое единство языка и культуры, имеется — это идеальное, входящее в язык в виде значения языковых знаков и существующее в культуре в форме предметов культуры, т.е. в опред-меченной форме, в деятельностной форме, т. е. в форме деятельности, в образе результата деятельности».

Итак, если в языковой единице есть культурная информация, то должна быть и категория, соотносящая две разные семиотические системы (язык и культуру) и позволяющая описать их взаимодействие. По мнению В.Н.Телия, это культурная коннотация. Теперь уже установлено, что культурная информация может быть представлена в номинативных единицах языка четырьмя способами: через культурные семы, культурный фон, культурные концепты и культурные коннотации.

Вопрос о том, как осуществляется связь языка с национальной культурой, решается разными исследователями по-разному: то в виде национально-культурного компонента (Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров), то в виде фоновых знаний (Ю. А. Сорокин) и т.д. Мы, вслед за В.Н.Телия, считаем, что эта связь реализуется через культурную коннотацию. Такая культурно-маркированная коннотация возникает как результат интерпретации ассоциативно-образного основания ФЕ или метафоры посредством соотнесения его с культурно-национальными эталонами и стереотипами. Компоненты с символическим прочтением также во многом обуславливают содержание культурной коннотации. Например, кровь как символ жизненных сил во ФЕ — пить кровь, до последней капли крови; кровь как символ родства — родная кровь, кровь от крови; кровь как символ жертвоприношения — пролить чью-то кровь; кровь как символ здоровья — кровь с молоком; как символ сильных эмоций — кровь бросилась в голову, кровь стынет.

Интерпретируя ФЕ на основе соотнесения их ассоциативно-образных восприятий со стереотипами, отражающими народный менталитет, мы тем самым раскрываем их культурно-национальный смысл и характер, которые и являются содержанием национально-культурной коннотации.

План содержания ФЕ и метафоры, а также закрепленные за ними культурные коннотации сами становятся знанием, т.е. источником когнитивного освоения. Именно поэтому фразеологизмы и образно-мотивированные слова (метафоры) становятся экспонентами культурных знаков.

Почему ФЕ удерживаются в языке веками, хотя они представляют собой явные аномалии языка, его нерегулярности? Почему они вновь и вновь образуются в каждую эпоху? Например, в наш разбалансированный во всех отношениях период реформ возникли фразеологизмы типа шустрый, как веник со свистом (о быстром и шумном человеке); урна привокзальная (о грязном, немывом человеке); уровень ниже табуретки; декольте до колен и др. На эти вопросы можно ответить так. Потому что ФЕ представляют собой сгусток культурной информации, позволяют сказать многое, экономя языковые средства и в то же время добираясь до глубины народного духа, культуры.

Происходят современные трансформации ФЕ, которые, однако, узнаваемы носителями языка, например, ФЕ окно в мир у современного популярного автора получает

неожиданную интерпретацию в следующей фразе: «Мы в Японии производим лучшие телевизоры в мире, но это не мешает нам осознавать, что телевизор — это просто маленькое прозрачное окошко в трубе духовного мусоропровода» (В. Пелевин).

Культура проникает в эти знаки через ассоциативно–образные основания их семантики и интерпретируется через выявление связи образов со стереотипами, эталонами, символами, мифологемами, прототипическими ситуациями и другими знаками национальной культуры. Именно система образов, закрепленных в семантике национального языка, является зоной сосредоточения культурной информации в естественном языке.

Таким образом, соотнесение с тем или иным культурным кодом составляет содержание культурно–национальной коннотации. Именно культурная коннотация придает культурно–значимую маркированность не только значениям ФЕ, символам или метафорам, но и смыслу всего текста, в котором они употребляются.

Механизм возникновения коннотаций связан с усилением отдельных аспектов значения (часто за счет яркой внутренней формы слова, на базе которой возникают наиболее стабильные ассоциации). Ассоциации при этом образуют мотивирующую основу для возникновения коннотаций, прямое значение слова выступает как ВФ по отношению к переносному.

Обычно из денотата вычленяются отдельные признаки, образ которых предстает во ВФ коннотативного слова. Так, если говорят заяц (о трусливом человеке), то это не значит, что у него серая шуба, короткий хвост и длинные уши, а свидетельствует лишь о том, что такой человек, чутко уловив опасность, часто мнимую, вовремя успеет убежать. Закрепление ассоциативных признаков в значении слова, т.е. возникновение коннотаций — процесс культурно–национальный, он не подчиняется логике здравого смысла (почему, например, именно заяц труслив, а не лиса), поэтому у разных народов эталонами трусости могут быть другие животные и птицы.

Как правило, коннотации основаны на ассоциациях, идущих от слова, однако иногда они мотивированы свойствами реалий: ихтиозавр (об отсталом человеке), теленок (о тихом, ласковом человеке), базар (о шумном месте), винегрет (о всякой смеси), хлев (о грязной квартире), баня (о всяком жарком месте), талмуд (об утомительном чтении) и т.д.

Зачастую коннотации воспринимаются как оценочный ореол, при этом также ярко проявляется национальная специфика языка, создающая картину мира. Например, в картине мира русских сочетание старый дом коннотирует негативную оценку, у англичан же это сочетание имеет положительную коннотацию; голубые глаза (к–к–з) для киргизов — самые некрасивые глаза, почти бранное выражение, зато коровьи глаза (о человеческих) — очень красивые, оценка здесь основана на денотате (корове). Коннотации, таким образом, представляют собой форму ценностного освоения мира, фактор внутренней детерминации поведения.

В коннотации реализуются потенциальные ресурсы номинативной системы языка, ибо коннотативное слово обладает способностью не только создавать, но и удерживать глубинный смысл, находящийся в сложных отношениях с семантикой слова, закреплять его в языке, создавая тем самым культурно–национальную языковую картину.

Предмет интереса лингвокультурологов составляет также «культурная память» языковой единицы (слова, фразеологизма). Это те ассоциации, которые задаются

языковой единицей и тянутся из ее прошлого употребления, организуя современное значение. Ведь любое слово нашей речи, прежде чем получить современное значение, прошло сложную семантическую историю, ведущую нас в конечном счете к начальным словотворческим усилиям человека. Из каждого слова, которое мы употребляем, глядят на нас не сорок веков, а по меньшей мере сорок тысячелетий. И сама культура — есть своего рода прошлое, просвечивающее в настоящем. Чем глубже это прошлое, тем выше культура.

Например, слово «риза» в современном употреблении — это верхнее облачение священника либо оклад иконы, но отголоски более широкого значения («одежда») слышатся во фразеологизмах — напиться до положения риз, разодрать на себе ризы и др. Это и есть культурная память слова, которая тоже способна творить коннотации.

Проблемы, которыми занимается лингвокультурология, не новы. Еще в XIX в. их решали В.Гумбольдт и Ф.И.Буслаев, А.А.Потебня и А.Н.Афанасьев, а позже — Э.Сепир и Н.И.Толстой, В.Н.Телия и Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова и В. В. Воробьев. Именно они выдвинули постулат о том, что язык—это и орудие культуры, и ее часть, и условие ее существования. На этом постулате основана лингвокультурология.

Сегодняшняя лингвокультурология разрабатывает несколько направлений. Ее цель — изучение способов, которыми язык воплощает, хранит и транслирует культуру. Эта цель конкретизируется в следующих задачах:

- 1) как культура участвует в образовании языковых концептов;
- 2) к какой части значения языкового знака прикрепляются «культурные смыслы»;
- 3) осознаются ли эти смыслы говорящим и слушающим и как они влияют на речевые стратегии;
- 4) существует ли культурно–языковая компетенция носителя языка, т.е. естественное владение им не только процессами речеорождения и речевосприятия, но и владение установками культуры и т.д.

В лингвокультурологии формируется специфический категориальный аппарат, т.е. совокупность важнейших понятий и терминов: линг–вокультурема, язык культуры, контекст культуры, ключевые имена культур, культурные установки и т. д.

Экспонентом культуры в языковом знаке является культурная коннотация.

Вопросы и задания

1. Какие направления существуют в современной лингвокультурологии?
2. Какие школы лингвокультурологии вы знаете?
3. Назовите основные задачи, которые стоят перед лингвокультурологией.
4. Какие методы исследования используются в лингвокультурологии?
5. Что изучает лингвокультурология? Как различаются объект и предмет исследования?
6. Перечислите базовые понятия лингвокультурологии. Назовите важнейшие из них. Как вы объясните понятие «культурная универсалия», «культурный концепт»?
7. Дайте определение культурной коннотации. Кому оно принадлежит? Что является источником культурной коннотации?

ГЛАВА 3

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Взаимосвязь языка и культуры

Язык — это то, что лежит на поверхности бытия человека в культуре, поэтому начиная с XIX в. (Я.Гримм, Р.Раек, В.Гумбольдт, А. А. Потебня) и по сей день проблема взаимосвязи, взаимодействия языка и культуры является одной из центральных в языкознании. Первые попытки решения этой проблемы усматривают в трудах В.Гумбольдта (1985), основные положения концепции которого можно свести к следующему: 1) материальная и духовная культура воплощаются в языке; 2) всякая культура национальна, ее национальный характер выражен в языке посредством особого видения мира; языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма (ВФ); 3) ВФ языка — это выражение «народного духа», его культуры; 4) язык есть опосредующее звено между человеком и окружающим его миром. Концепция В.Гумбольдта получила своеобразную интерпретацию в работе А. А. Потебни «Мысль и язык», в работах Ш. Балли, Ж. Вандриеза, И. А. Бо-дуэна де Куртэне, Р.О.Якобсона и других исследователей.

Мысль о том, что язык и действительность структурно сходны, высказывал еще Л.Ельмслев, отмечавший, что структура языка может быть приравнена к структуре действительности или взята как более или менее деформированное ее отражение. Как именно связаны язык, действительность, культура?

Е.Ф.Тарасов отмечает, что язык включен в культуру, так как «тело» знака (означающее) является культурным предметом, в форме которого опредмечена языковая и коммуникативная способность человека, значение знака — это также культурное образование, которое возникает только в человеческой деятельности. Также и культура включена в язык, поскольку вся она смоделирована в тексте.

Вместе с тем взаимодействие языка и культуры нужно исследовать крайне осторожно, помня, что это разные семиотические системы. Справедливости ради нужно сказать, что, будучи семиотическими системами, они имеют много общего: 1) культура, равно как и язык, — это формы сознания, отображающие мировоззрение человека; 2) культура и язык существуют в диалоге между собой; 3) субъект культуры и языка — это всегда индивид или социум, личность или общество; 4) нормативность — общая для языка и культуры черта; 5) историзм — одно из сущностных свойств культуры и языка; 6) языку и культуре присуща антиномия «динамика—статика».

Язык и культура взаимосвязаны: 1) в коммуникативных процессах; 2) в онтогенезе (формирование языковых способностей человека); 3) в филогенезе (формирование родового, общественного человека).

Различаются эти две сущности следующим: 1) в языке как феномене преобладает установка на массового адресата, в то время как в культуре ценится элитарность; 2) хотя культура — знаковая система (подобно языку), но она неспособна самоорганизовываться; 3) как уже отмечалось нами, язык и культура — это разные семиотические системы.

Эти рассуждения позволяют сделать вывод о том, что культура не изоморфна (абсолютно соответствует), а гомоморфна языку (структурно подобна).

Картина, которую являет собой соотношение языка и культуры, чрезвычайно сложна и многоаспектна. К сегодняшнему дню в решении этой проблемы наметилось несколько подходов.

Первый подход разрабатывался в основном отечественными философами — С.А.Атановским, Г. А. Брутяном, Е. И. Кукушкиным, Э. С. Маркаряном. Суть этого подхода в следующем: взаимосвязь языка и культуры оказывается движением в одну сторону; так как язык отражает действительность, а культура есть неотъемлемый компонент этой действительности, с которой сталкивается человек, то и язык — простое отражение культуры.

Изменяется действительность, меняются и культурно–национальные стереотипы, изменяется и сам язык. Одна из попыток ответить на вопрос о влиянии отдельных фрагментов (или сфер) культуры на функционирование языка оформилась в функциональную стилистику Пражской школы и современную социолингвистику.

Таким образом, если воздействие культуры на язык вполне очевидно (именно оно изучается в первом подходе), то вопрос об обратном воздействии языка на культуру остается пока открытым. Он составляет сущность второго подхода к проблеме соотношения языка и культуры.

Лучшие умы XIX в. (В. Гумбольдт, А. А. Потебня) понимали язык как духовную силу. Язык — такая окружающая нас среда, вне которой и без участия которой мы жить не можем. Как писал В. Гумбольдт, язык — это «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека». Следовательно, будучи средой нашего обитания, язык не существует вне нас как объективная данность, он находится в нас самих, в нашем сознании, нашей памяти; он меняет свои очертания с каждым движением мысли, с каждой новой социально–культурной ролью.

В рамках второго подхода исследовали эту проблему школа Э. Сепира и Б.Уорфа, различные школы неогумбольдтианцев, разработавшие так называемую гипотезу лингвистической относительности.

В основе этой гипотезы лежит убеждение, что люди видят мир по–разному — сквозь призму своего родного языка. Для ее сторонников реальный мир существует постольку, поскольку он отражается в языке. Но если каждый язык отражает действительность присущим только ему способом, то, следовательно, языки различаются своими «языковыми картинами мира».

В гипотезе Сепира—Уорфа выделяются следующие основные положения: 1. Язык обуславливает способ мышления говорящего на нем народа. 2. Способ познания реального мира зависит от того, на каких языках мыслят познающие субъекты. «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны, напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном — языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе, в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного языкового коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка»¹.

Данная гипотеза получила поддержку и дальнейшую разработку в трудах Л. Вейсгербера, в его концепции языка как «промежуточного мира», стоящего между объективной действительностью и сознанием. «Язык действует во всех областях духовной жизни как созидаящая сила».

В исследованиях некоторых авторов гипотеза лингвистической относительности получила современное актуальное звучание. Прежде всего — в работах Д.Олфррда, Дж.Кэррола, Д.Хаймса и других авторов, в которых концепция Сепира—Уорфа существенным образом дополнена. Так, Д.Хаймс ввел еще один принцип функциональной относительности языков, согласно которому между языками существует различие в характере их коммуникативных функций.

Однако справедливости ради следует заметить, что есть ряд работ, в которых гипотеза лингвистической относительности подвергается резкой критике. Так, Б. А. Серебренников обосновывает свое отношение к этой гипотезе следующими положениями: 1) источником понятий являются предметы и явления окружающего мира. Любой язык в своем генезисе — результат отражения человеком окружающего мира, а не самодовлеющая сила, творящая мир; 2) язык приспособлен в значительной степени к особенностям физиологической организации человека, но эти особенности возникли в результате длительного приспособления живого организма к окружающему миру; 3) неодинаковое членение внеязыково-го континуума возникает в период первичной номинации. Оно объясняется неодинаковостью ассоциаций и различиями языкового материала, сохранившегося от прежних эпох.

Отрицательную оценку гипотезе Сепира—Уорфа дают также Д.Додд, Г.В.Колшанский, Р.М.Уайт, Р.М.Фрумкина, Э.Холлен—штейн.

Таким образом, гипотеза лингвистической относительности оценивается современными учеными далеко не однозначно. Тем не менее к ней обращаются все исследователи, серьезно занимающиеся проблемой взаимоотношения языка и культуры, языка и мышления, так как именно с помощью данной гипотезы могут быть осмыслены такие факты языка, которые трудно объяснить каким-либо другим способом. Примером могут служить этнолингвистические работы школы Н. И. Толстого, лингвоантропологические работы школы Е. Бартминьского и др.

Дальнейшие рассуждения о взаимосвязи языка и культуры мы относим к третьему подходу.

Язык — факт культуры потому что: 1) он составная часть культуры, которую мы наследуем от наших предков; 2) язык — основной инструмент, посредством которого мы усваиваем культуру; 3) язык — важнейшее из всех явлений культурного порядка, ибо если мы хотим понять сущность культуры — науку, религию, литературу, то должны рассматривать эти явления как коды, формируемые подобно языку, ибо естественный язык имеет лучше всего разработанную модель. Поэтому концептуальное осмысление культуры может произойти только посредством естественного языка.

Итак, язык — составная часть культуры и ее орудие, это действительность нашего духа, лик культуры; он выражает в обнаженном виде специфические черты национальной ментальности. Язык есть механизм, открывший перед человеком область сознания (Н.И.Жинкин).

Как заметил К.Леви–Строс, язык есть одновременно и продукт культуры, и ее важная составная часть, и условие существования культуры. Более того, язык — специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов.

Отношения между языком и культурой могут рассматриваться как отношения части и целого. Язык может быть воспринят как компонент культуры и как орудие культуры (что не одно и то же). Однако язык в то же время автономен по отношению к культуре в целом, и он может рассматриваться как независимая, автономная семиотическая система, т.е. отдельно от культуры, что делается в традиционной лингвистике.

Согласно нашей концепции, поскольку каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, то языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры и тем самым служат средством представления основных установок культуры. Именно поэтому язык способен отображать культурно–национальную ментальность его носителей. Культура соотнесена с языком через концепт пространства.

Так, у каждой культуры свои ключевые слова, например, для немцев внимание, порядок, точность. Для того чтобы признать то или иное слово концептом, ключевым словом культуры, нужно, чтобы оно было общеупотребительным, частотным, было в составе фразеологизмов, пословиц, поговорок и т.д.

Языковые нормы соотносимы с установками культуры, которые, правда, не столь же облигаторны (обязательны), как нормы языка: за носителем культуры, распределенным по разным социумам, остается право на более широкий выбор.

Итак, культура живет и развивается в «языковой оболочке». Если примитивные культуры были «вещными», то современные становятся все в большей степени вербальными. Язык обслуживает культуру, но не определяет ее. Язык способен создавать вербальные иллюзии, как бы словесный мираж, который подменяет собой реальность.

Вербальные иллюзии играют большую роль в создании социальных стереотипов, например, национальных стереотипов «немца», «чукчи», «лиц кавказской национальности», которые формируют национальные предрассудки. В умы людей внедряются словесные штампы, которые окрашивают мир в нужный цвет: светлое будущее, великая нерушимая дружба народов, великие свершения и т.д. Неслучайно правители тоталитарных государств проявляют особое внимание к языку: борьба Ленина за «очистку» языка, статья Сталина о языке, борьба Брежнева с «заражением» языка иностранной лексикой и т.д.

Ведь именно благодаря языку человек воспринимает вымысел как реальность, переживает и осмысливает несуществующее, страдает и наслаждается, испытывает катарсис (ср. слова русского поэта — «над вымыслом слезами обольюсь»). Все это возможно лишь благодаря естественному языку, а также другим семиотическим системам (языкам кино, красок, жестов). Ведущее место среди всех языков занимает естественный язык, ибо языковой знак способен стать экспонентом культуры. Язык тесно связан с мифологией, религией, наукой и другими формами познания мира. Х. Г. Гадамер писал, что философия срослась с языком и только в языке имеет свое бытие.

Языковая картина мира и эмпирическое обыденное сознание

Каждый язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой способ его концептуализации. Отсюда заключаем, что каждый язык имеет особую картину мира, и языковая личность обязана организовывать содержание высказывания в соответствии с этой картиной. И в этом проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке.

Язык есть важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой то, что в различных концепциях называется то как «языковой промежуточный мир», то как «языковая репрезентация мира», то как «языковая модель мира», то как «языковая картина мира». В силу большей распространенности мы выбираем последний термин.

Понятие картины мира (в том числе и языковой) строится на изучении представлений человека о мире. Если мир — это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира — результат переработки информации о среде и человеке. Таким образом, представители когнитивной лингвистики справедливо утверждают, что наша концептуальная система, отображенная в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним.

Явления и предметы внешнего мира представлены в человеческом сознании в форме внутреннего образа. По мнению А. Н. Леонтьева, существует особое «пятое квазиизмерение», в котором представлена человеку окружающая его действительность: это — «смысловое поле», система значений. Тогда картина мира — это система образов.

М. Хайдеггер писал, что при слове «картина» мы думаем прежде всего об отображении чего-либо, «картина мира, сущностно понятая, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина». Между картиной мира как отражением реального мира и языковой картиной мира как фиксацией этого отражения существуют сложные отношения. Картина мира может быть представлена с помощью пространственных (верх—низ, правый—левый, восток—запад, далекий—близкий), временных (день—ночь, зима—лето), количественных, этических и других параметров. На ее формирование влияют язык, традиции, природа и ландшафт, воспитание, обучение и другие социальные факторы.

Языковая картина мира не стоит в ряду со специальными картинами мира (химической, физической и др.), она им предшествует и формирует их, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт — как общечеловеческий, так и национальный. Последний и определяет специфические особенности языка на всех его уровнях. В силу специфики языка в сознании его носителей возникает определенная языковая картина мира, сквозь призму которой человек видит мир.

Ю.Д. Апресян подчеркивал донаучный характер языковой картины мира, называя ее наивной картиной. Языковая картина мира как бы дополняет объективные знания о реальности, часто искажая их (см. научное значение и языковое толкование таких слов, как атом, точка, свет, тепло и т.д.). Изучая семантику этих слов, можно выявить специфику когнитивных (мыслительных) моделей, определяющих своеобразие наивной картины мира.

Поскольку познание мира человеком не свободно от ошибок и заблуждений, его концептуальная картина мира постоянно меняется, «перерисовывается», тогда как языковая картина мира еще долгое время хранит следы этих ошибок и заблуждений. Так, довольно часто для обозначения и передачи состояния эмоционального подъема говорящий использует фразеологизм воспарить душой, не осознавая, что это средство языка связано с архаическими представлениями о наличии внутри человека животворящей субстанции — души, которая мыслилась в мифологической картине мира в виде пара и могла покидать тело, перемещаясь к небесам.

По мнению В. Б. Касевича, картина мира, закодированная средствами языковой семантики, со временем может оказываться в той или иной степени пережиточной, реликтовой, лишь традиционно воспроизводящей былые оппозиции в силу естественной недоступности иного языкового инструментария; с помощью последнего создаются новые смыслы, для которых старые служат своего рода строительным материалом. Иначе говоря, возникают расхождения между архаической и семантической системой языка и той актуальной ментальной моделью, которая действительна для данного языкового коллектива и проявляется в порождаемых им текстах, а также в закономерностях его поведения.

Языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира). Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка.

Таким образом, роль языка состоит не только в передаче сообщения, но в первую очередь во внутренней организации того, что подлежит сообщению. Возникает как бы «пространство значений» (в терминологии А.Н.Леонтьева), т.е. закрепленные в языке знания о мире, куда непременно вплетается национально-культурный опыт конкретной языковой общности. Формируется мир говорящих на данном языке, т.е. языковая картина мира как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике.

Термин «языковая картина мира» — это не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа.

Интерес к языковой картине мира обнаруживается еще в работах В. Гумбольдта, который писал, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия». К концу XX в. появилось много работ, посвященных данной проблеме, — работы Г.А.Брутяна, С.А.Васильева, Г.В.Колшанского, Н.И.Сукаленко, М.Блэка, Д.Хаймса, коллективная монография «Человеческий фактор в языке. Язык и картина мира» (М., 1988) и др. Возросший интерес к этой проблеме связан с когнитивными исследованиями последних лет, в рамках которых делаются попытки связать теорию языковых гештальтов с теорией фреймов как структур знания.

Теория языковых гештальтов была выдвинута Дж. Лакоффом, а затем признана другими учеными. Гештальты — это особые глубинные содержательные единицы языка. Помимо реализации в языке гештальты составляют основу восприятия человеком действительности, направляют познавательные процессы, определяют специфику и характер моторных актов и т.д.

Глубинность гештальтов относительно языка проявляется в нескольких аспектах. Так, на поверхностно–языковом уровне один и тот же гештальт может реализовываться как разные смыслы, и только специальные изыскания могут установить их единство. Дж.Лакофф показал, что спор и война описываются в одних и тех же терминах, и значит, одинаково мыслятся, т.е. связываются с одним и тем же гештальтом.

Итак, гештальты суть универсальные представления, принадлежащие глубинам человеческой психики вообще и как целое лежащие вне категориальных рамок естественного языка, т.е. это содержательные величины трансцендентного: гештальты лежат непосредственно за гранью высказываемого и органично с ним связаны. Реконструированные на основе реальных языковых данных, гештальты сами становятся реальными содержательными величинами ближайшего трансцендентного.

Гумбольдтовская идея «языкового мировидения» получила развитие в современном неогумбольдтианстве. Действительно, каждый народ по–своему расчленяет многообразие мира, по–своему называет эти фрагменты мира. Своеобразие «конструируемой» картины мира определяется тем, что в ней опредмечивается индивидуальный, групповой и национальный (этнический) вербальный и невербальный опыт. Национальное своеобразие языковой картины мира рассматривается неогумбольдтианцами не как результат длительного исторического развития, а как изначально данное свойство языков. По их мнению, люди с помощью языка создают свой особый мир, отличный от того, который их окружает. Картина мира говорящего, действительно, существенно отличается от объективного описания свойств, предметов, явлений, от научных представлений о них, ибо она есть «субъективный образ объективного мира». Однако не сам язык создает эту субъективную картину мира.

Картина мира, которую можно назвать знанием о мире, лежит в основе индивидуального и общественного сознания. Язык же выполняет требования познавательного процесса. Концептуальные картины мира у разных людей могут быть различными, например у представителей разных эпох, разных социальных, возрастных групп, разных областей научного знания и т.д. Люди, говорящие на разных языках, могут иметь при определенных условиях близкие концептуальные картины мира, а люди, говорящие на одном языке, — разные. Следовательно, в концептуальной картине мира взаимодействует общечеловеческое, национальное и личностное.

Картина мира не есть простой набор «фотографий» предметов, процессов, свойств и т.д., ибо включает в себя не только отраженные объекты, но и позицию отражающего субъекта, его отношение к этим объектам, причем позиция субъекта — такая же реальность, как и сами объекты. Более того, поскольку отражение мира человеком не пассивное, а деятельностное, отношение к объектам не только порождается этими объектами, но и способно изменить их (через деятельность). Отсюда следует естественность того, что система социально–типичных позиций, отношений, оценок находит знаковое отображение в системе национального языка и принимает участие в конструировании языковой картины мира. Например, русское выражение когда рак на горе свистнет соответствует английскому когда свиньи полетят, киргизскому — когда

хвост ишака коснется земли и т.д. Таким образом, языковая картина мира в целом и главным совпадает с логическим отражением мира в сознании людей. Но при этом сохраняются как бы отдельные участки в языковой картине мира, к которым, по нашему убеждению, относится и фразеология; она своя в каждом языке.

Фразеологизмы играют особую роль в создании языковой картины мира. Они — «зеркало жизни нации». Природа значения ФЕ тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно–историческими традициями народа, говорящего на данном языке. ФЕ приписывают объектам признаки, которые ассоциируются с картиной мира, подразумевают целую дескриптивную ситуацию (текст), оценивают ее, выражают к ней отношение. Своей семантикой ФЕ направлены на характеристику человека и его деятельности¹.

Анализируя языковую картину мира, создаваемую фразеологизмами, можно назвать следующие ее признаки — пейоратив–ность, антропоцентричность. Так, антропоцентричность картины мира выражается в ее ориентации на человека, т. е. человек выступает как мера всех вещей: близко — под носом, под рукой, рукой подать, под боком; много — с головы до пят, полон рот (забот); мало — в один присест; темно — ни зги не видно; быстро — и глазом не моргнул, во мгновение ока, сломя голову, ног под собой не чуя; сильно влюбиться — влюбиться по уши и т.д.

Значение целого ряда базовых слов и ФЕ сформировалось на основе антропоцентрического понимания мира — голова колонны, горлышко бутылки, ножка стола, прибрать к рукам, палец о палец не ударить, на каждом шагу и др. Такие номинативные единицы создают культурно–национальную картину мира, в которой отражаются быт и нравы, обычаи и поведение людей, их отношение к миру и друг к другу.

Языковая картина мира создается разными красками, наиболее яркими, с нашей точки зрения, являются мифологемы, образно–метафоричные слова, коннотативные слова и др. Наше миропонимание частично находится в плену у языковой картины мира. Каждый конкретный язык заключает в себе национальную, самобытную систему, которая определяет мировоззрение носителей данного языка и формирует их картину мира.

Именно в содержательной стороне языка (в меньшей степени в грамматике) явлена картина мира данного этноса, которая становится фундаментом всех культурных стереотипов. Ее анализ помогает понять, чем различаются национальные культуры, как они дополняют друг друга на уровне мировой культуры. При этом если бы значения всех слов были культурноспецифичны, то вообще было бы невозможно исследовать культурные различия. Поэтому занимаясь культурно–национальным аспектом, мы учитываем и универсальные свойства языковых единиц.

В языке отражена наивная картина мира, которая складывается как ответ на, главным образом, практические потребности человека, как необходимая когнитивная основа его адаптации к миру. Прагматический эгоцентризм структурирует деятельность таким образом, чтобы она оптимально выстраивалась в когнитивном поле человека, была максимально удобной. Необозримые пространства, трудовую и интеллектуальную деятельность, бурю своих чувств человек измеряет через себя самого (насколько хватает глаз, каша в голове, не покладая рук, сердце переполняется и т.д.), принимая все в себя и распространяя себя на окружающий мир. Языковая картина мира сохраняет модель такого антропоцентризма и во времена, когда человек обесценивается или избирает другие ценностные приоритеты.

По всей вероятности, совокупность предметных образно–наглядных эталонных представлений о предметах, явлениях, с которыми человек на протяжении жизни встречается чаще, чем с другими, в целом формирует некоторую стабильную языковую картину отражения объективной действительности.

Наивная картина мира отличается значительной прагматичностью. Прагматичность эта особого рода. Претендуя на абсолютную истину, знания данного типа могут сколь угодно отходить от того, что посчитала бы объективной истиной традиционная наука. Их критерием выступает не формально–логическая непротиворечивость, а сама по себе целостность и универсальность модели, ее способность служить объясняющей (чаще — квазиобъясняющей) матрицей для структурирования опыта¹.

Внешнее сходство целостного зрительного образа нередко лежит в основе бытовой классификации, отождествляющей объекты в силу такого сходства в отличие от научной классификации. Например, в русских идиомах: по уши (влюбиться по самые уши), по горло (сыт по горло), с головой (ушел в работу с головой) соматиз–мы, т.е. называющие различные части тела слова с различными жизненно важными функциями, могут быть объединены в одну тематическую группу — «указание на эталон физического предела». Обыденное сознание выделяет типичный для этих частей тела человека признак — «расположение вверху» и объединяет их в одну группу на основе этого признака, что и фиксируется в языковой картине мира.

Общность выполняемой функции в бытовой практической деятельности человека в его сознании может объединять объекты в одну группу, например, общность функции таких органов, как рот и глаза при выражении удивления человека обозначается в языке с помощью идиом раскрыть рот, таращить глаза.

Различие функций разграничивает даже очень близкие в научной классификации объекты, например, в ФЕ встать на ноги — «обрести самостоятельность, независимость» и встать на колени — «выражать свою покорность», колени как часть ног противопоставлены собственно ногам, так как в составе идиомы соматизм колени приобретает квазисимвольное значение «вид недопустимой опоры» в отличие от значения соматизма ноги — «вид необходимой опоры».

В наивной языковой картине мира возможно и расширение понятий по сравнению с научной картиной мира, например, слово сердце в составе идиом обозначает не только орган кровообращения, но и «центр эмоциональных переживаний», «источник чувств» (например, принимать близко к сердцу, с чистым сердцем и т.д.).

В каждой языковой картине мира могут быть и случайные эталонные лакуны, логически не объяснимые: например, в русских представлениях существует эталон размера по вертикали (высокий, как жердь, высокий, как верста коломенская), но слабо сформирован эталон длины по горизонтали (ср. в арабск. длинный, как река; длинный, как змея). При использовании целостных образов в качестве эталонов без указания основания сравнения на первый план, как правило, выдвигается одобрительное или неодобрительное эмоциональное отношение субъекта речи к обозначаемому.

Мир, отраженный сквозь призму механизма вторичных ощущений, запечатленных в метафорах, сравнениях, символах, — это главный фактор, который определяет универсальность и специфику любой конкретной национальной языковой картины мира. При этом важным обстоятельством является разграничение универсального человеческого фактора и национальной специфики в различных языковых картинах мира. Поскольку

генетический механизм оценки телесных ощущений универсален, то, переплетаясь с человеческой деятельностью, одновременно и универсальной, и национально-специфической, он неизменно приводит в результате такого взаимодействия к созданию языковых картин мира как с типологически общими, так и индивидуальными особенностями.

По-видимому, к универсальным особенностям языковой картины мира относится закрепление за определенным органом роли хранителя эмоций. Так, в китайской традиционной медицине и верованиях печень считалась средоточием всего плохого: гнева, злобы, похоти. В русском языке печень в идиоме сидеть в печенке вызывает представление о чем-то очень надоевшем, как бы травмирующем сущность человека: «Ну, Дрон, Дронушка–Дрон, держись, шаркун, танцевальных паркетов натиральщик, крепко же засел ты у меня в печенях» (Ю. Нагибин); в японском и ряде других языков слово «печень» символизирует орган чувств; а в итальянских идиомах слово «печень» выступает с символическим значением «храбрость» (в миланском диалекте также — «зависть, нежность»).

Часто наблюдаемые человеком эмпирические свойства объектов, например, способность руки хватать, держать не просто «фотографируются» в сознании, а преломляются сквозь призму определенных антропоцентрических сценариев и запечатлеваются в идиомах держать в своих руках, т.е. в своей власти, с руками оторвать, т.е. быстро забрать, с пустыми руками, т.е. ничего не приобрести, не принести и т.д.

Интегральный образ реальности в обыденном сознании прежде всего включает повторяющиеся представления как повседневной эмпирической практики, так и символической вселенной. Каждый тип культуры, славянский в том числе, вырабатывает свой символический язык и свой «образ мира», в котором получают значения элементы этого языка. О. Шпенглер даже предложил термин парасимвол для характеристики культуры в пространственной протяженности. Если египетская душа видит себя идущей по предначертанному пути, то ее парасимвол — дорога; парасимвол арабской культуры — мир–пещера, идея такого мировосприятия выразилась в изобретении арки и купола (первое купольное сооружение — Пантеон в Риме — построено архитектором–сирийцем); парасимвол русской культуры — бесконечная равнина. Вероятно, поэтому даже время (век человеческий) у русских представляется пространством: Жизнь прожить — что поле перейти (Б. Пастернак).

Единицы естественного языка приобретают в языке культуры дополнительную, культурную семантику. Так, в языковом сознании представителей славянской культуры слово «голова» является не только выразителем семантики «верхняя часть тела», но и вербальным символом центра разума, интеллекта, высшей ценности. Эта культурная семантика строится на магическом и мифологическом осмыслении таких признаков обозначаемой словом части тела, как «расположение вверху, в области небес, противоположно низу, области перерождения», «руководство действиями, поступками», «хранение и воспроизведение нужной информации» и т.п., которые входят в ядерную дефиницию (определение) лексемы голова. Так, признак «расположение вверху» мифологически переосмыляется при описании ситуаций, названных идиомами, голова горит, голова идет кругом, ходить на голове. В этих идиомах восстанавливается связь с символикой микрокосма славян, в которой все, что относится к верхней части тела, связывается с небом и его главными объектами — солнцем, луной и звездами.

Другой важный признак — «руководство действиями, поступками» позволяет связывать слово голова с целым рядом контекстов традиционной обрядности, верований и ритуалов, следы которых сохранились в идиоме посыпать голову пеплом и др.

Выбор эталонов или символов в наивной картине мира, как правило, мотивирован. Мотивация эта зависит от характеристики всей концептуальной системы и может быть выявлена в некоторых случаях на уровне языковой картины мира. Сами фразеологизмы, рассматриваемые нами, могут, по утверждению В.Н.Телия, «выполнять роль эталонов, стереотипов культурно–национального мировидения, или указывать на их символичный характер и в этом качестве выступают как языковые экспоненты (носители) культурных знаков.

Итак, проблема изучения языковой картины мира тесно связана с проблемой концептуальной картины мира, которая отображает специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, условия его существования, языковая картина мира эксплицирует различные картины мира человека и отображает общую картину мира.

Человеческая деятельность, включающая в качестве составной части и символическую, т. е. культурную, вселенную одновременно и универсальна, и национально–специфична. Эти ее свойства определяют как своеобразие языковой картины мира, так и ее универсальность.

Наивная картина мира обыденного сознания, в котором преобладает предметный способ восприятия, имеет интерпретирующий характер. Язык, фиксируя коллективные стереотипные и эталонные представления, объективирует интерпретирующую деятельность человеческого сознания и делает ее доступной для изучения.

Одна из интереснейших концепций, объясняющих связь языка и культуры, принадлежит В.Гумбольдту, который считает, что национальный характер культуры находит отражение в языке посредством особого видения мира. Язык и культура, будучи относительно самостоятельными феноменами, связаны через значения языковых знаков, которые обеспечивают онтологическое единство языка и культуры.

В конце XX в. мы переживали лингвокультурологический бум, когда проблемы взаимосвязи языка и культуры вышли в число самых актуальных в современной лингвистике: последние пять лет почти в каждой европейской стране прошло по нескольку лингвокультурологических конференций, вышли их материалы, публикуются сборники статей.

Этот взрыв интереса к проблеме — результат когнитивной революции в языке, которая, как утверждает Р. М. Фрумкина, началась тогда, когда открылся своего рода тупик: оказалось, что в науке о человеке нет места главному, что создало человека и его интеллект, — культуре.

У каждой культуры—свои ключевые слова. Полный их список для русской культуры еще не установлен, хотя уже хорошо описан целый ряд таких слов — душа, воля, судьба, тоска, интеллигенция и т.д. Чтобы считаться ключевым словом культуры, слово должно быть общеупотребительным, частотным, должно быть в составе фразеологизмов и пословиц.

Следовательно, каждый конкретный язык представляет собой самобытную систему, которая накладывает свой отпечаток на сознание его носителей и формирует их картину мира.

Вопросы и задания

1. Как связаны язык и культура по мнению В.Гумбольдта?
2. Каковы основные положения гипотезы Семира—Уорфа?
3. Дайте понимание языковой картины мира. В чем различие концептуальной и языковой картин мира?
4. Что понимается под гештальтом в лингвокультурологии?

ГЛАВА 4.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ СУЩНОСТЕЙ

Описание языка региона с позиции лингвокультурологии

Рассмотрим конструктивную роль языка в формировании духовной культуры народа на примере небольшого региона, а именно — белорусского Поозерья (ее Витебской части), ибо именно Витебщина есть своего рода буферная зона между Смоленщиной, Псковщиной (русскими регионами) и белорусскоязычным Западом Белоруссии.

Н. И. Толстой писал, что в славистике до сих пор нет ни одного описания языка, сочетающегося с этнической историей его носителей. Наша работа — одна из первых попыток такого описания.

Что же представляет собой лингвокультурологическое описание языка? Попробуем представить это наглядно.

Предметом исследования в лингвокультурологии служит также стилистический уклад разных языков, то, в каких формах существования представлен тот или иной язык. Так, есть языки, где существует сильное диалектное расслоение, и языки, где различий между диалектами почти нет; есть языки, стилистическая дифференциация в которых только начинается, и, напротив, языки, где эта дифференциация глубока и многоаспектна. И если по первому параметру русский и белорусский языки почти не отличаются, то стилистическое расслоение в русском значительно сильнее, что должно учитываться при описании лингвокультурной ситуации.

Известно, что язык неоднороден: в нем различаются литературный язык и диалекты, просторечие и арго (неполная, редуцированная — сокращенная до словарного состава языковая подсистема). Н. И. Толстой рассматривал культуру также в четырех срезах — элитарном, деревенском, городском, профессиональном. Соответственно, в культуре славянских народов можно выделить четыре сходных элемента, хорошо коррелирующих с языковыми: «культуру образованного слоя, "книжную", или элитарную культуру; культуру народную, крестьянскую; культуру промежуточную, соответствующую просторечию, которую обычно называют "культурой для народа", или "третьей культурой", и... традиционно-профессиональные субкультуры». К последней относятся, например пчеловодческая, инженерная культуры, культура «челноков» и т. д. Это несамостоятельные, фрагментарные культуры, что роднит их с арго.

Таким образом, мы получили следующее параллели:
литературный язык — элитарная культура;
диалекты и говоры — народная культура;
просторечие — «третья культура», т. е. культура для народа;
арго — профессиональные субкультуры.

Мы видим здесь, что структура культуры обнаруживает определенное сходство со структурой языка. А видение мира определенной социальной группой обусловлено ее культурой: одни и те же явления реальности по-разному воспринимаются и интерпретируются различными группами. Проблема, которая стоит перед нами,

заключается в том, чтобы определить, как язык, используемый данной социальной группой, отражает ее представление о мире.

На сегодня неплохо описана духовная жизнь поозерской молодежи. Она определяется рядом негативных факторов:

— молодой представитель нации подвергается массивной обработке со стороны «массовой культуры» и других антигуманных явлений, например, сатанизма и прочих сект, фашизма;

— недостаточно ведется пропаганда традиционной белорусской культуры (не только в народной, но и в классической форме существования);

— наличие инфантильности, выражающейся в потребительской идеологии и морали (государство должно не только кормить, но и развлекать... и т.д.);

— социальная неориентированность, выражающаяся в эклектичности взглядов, размытости критериев, романтизации криминального мира и т.д.

Эти негативные факторы отразились в языке молодежи, основными тенденциями здесь можно назвать следующие:

1) естественное становление нового студенческого социолекта из «сплава» традиционных и профессиональных социолектов (намылиться на булкотряс — сходить на дискотеку, потусоваться в тамбуре — постоять на лестничной клетке, табло начистить — надавать по лицу);

2) осязаемое влияние криминальных социолектов (например, капуста — деньги, гуманизатор, демократизатор — милицейская дубинка);

3) некоторое возрождение белорусского этнолекта в смеси с профессиональными и диалектными словами (засконець — попасть в милицию, в бутылбол пагуляць — устроить пьянку).

Далее опишем лингвокультурную ситуацию белорусского Поозерья по вышеприведенной структурной схеме.

Литературный язык — элитарная культура.

Носителем литературного языка и элитарной культуры является элита общества — творческая и научно-техническая интеллигенция. Ей присуща богатая лексика с логически увязанными синтаксическими конструкциями, безукоризненное произношение и т.д. Причем это не просто свободное владение всеми возможностями языка, но и его творческое, креативное использование. Это искусство речи (устной и письменной), которым не владеет все образованное население, а только элитарные носители языка, коих немного.

Отсюда следует, что далеко не все владеющие литературным языком являются носителями элитарной культуры. В. Е. Гольдин и О. Б. Сиротина разработали понятие среднелитературной культуры, т.е. как бы несостоявшейся элитарной культуры. Ее носителям, образованным горожанам, присуще более свободное обращение с литературной нормой произношения, некоторая стилистическая неряшливость, злоупотребление иностранными словами, частичное нарушение норм. Наблюдения над речью витебской интеллигенции показывают, что можно говорить о заметном падении речевой культуры: даже в речи ученых-экономистов (не говоря уже о речи ведущих местного телевидения) появляется довольно много тавтологий, которые являются речевыми ошибками, типа сервисное обслуживание, рыночный маркетинг и т. п. Витебские журналисты через СМИ распространяют и внедряют в народные массы среднелитературную норму. Например, на первой странице газеты «Витьбичи» (№ 21)

заметка о приглашении на математический турнир заканчивается неожиданно: «Се ля ви», статья в этом же номере газеты содержит несутрацию в названии: «В каждой женщине должна быть интрижка».

До сих пор наблюдается довольно широкое употребление совдеповского языка: уклонисты, невозвращенцы, лишенцы, космополиты, выдвиженцы, отщепенцы, подписанты, тамиздатовцы и т. п.

На литературный язык лавиной обрушивается разговорная речь, которая оказывает активное воздействие не только на публицистическую речь, но и на художественную и даже научную (например, следующую фразу нельзя признать грамотной ни в синтаксическом, ни в стилистическом отношении: Литературные данные свидетельствуют об улучшении физиологического состояния насекомых при ослаблении их кормовых растений. — Вестник ВГУ, 1999, № 1, с. 96).

Чрезвычайно продуктивным для лингвокультурологии является понятие идиолекта, разработанное академиком А. А. Шахматовым. Во второй половине XX в. оно было вытеснено понятием «индивидуальный стиль», но в конце века снова зазвучало; примером могут служить работы Н.Д.Арутюновой по идиостилю Ф. М. Достоевского.

В элитарной культуре носителями идиолекта можно считать известных писателей и поэтов, деятелей науки и культуры Витебщи–ны. В народной культуре — это сказители, частушечники, ворожеи, экстрасенсы. Важно установить место носителя идиолекта в той или иной культуре, ибо, как сказал Э.Сепир, «существует столько же культур, сколько индивидуумов в населении».

Диалекты и говоры — народная культура. Носители литературного языка и носители диалекта пользуются языком по–разному. А. М. Пешковский утверждал, что если сравнивать речь с другими привычными процессами нашего организма, например, с ходьбой или дыханием, то «говорение» интеллигента будет так же отличаться от говорения крестьянина, как ходьба по канату от естественной ходьбы или как дыхание факира от обычного дыхания. Но эта–то неестественность и оказывается как раз условием существования литературного наречия. «Понятно, что при таких условиях народные наречия и говоры не только не могут игнорироваться лингвистом, а, напротив, они для него и составляют главный и наиболее захватывающий, наиболее раскрывающий тайны языковой жизни объект исследования, подобно тому как ботаник всегда предпочтет изучение луга изучению оранжереи»¹.

Однако с 1930–х годов распространился взгляд на территориальные диалекты как на порчу языка. Этот взгляд активно пропагандируется до сих пор и ведет к борьбе с диалектами. Тогда как именно изучение диалектов дает бесценный и неисчерпаемый материал для того, чтобы понять законы развития языка, ибо языковые особенности любого местного диалекта обусловлены не небрежностью речи его носителей, а строгими историческими закономерностями.

Диалект (греч. *dialektos* — разговор, говор) —разновидностьязыка, который является средством общения в коллективе, объединенном на территориальной или социальной основе. Диалект — исходная и важнейшая форма существования языка, средство обиходно–бытового и производственного общения выходцев из крестьян; он создает такой тип языковой личности носителя диалекта, который является первоосновой национальной языковой личности. Человек — субъект социокультурной жизни, языковая же личность фиксирует репрезентативный для данной культуры тип личности, т. е.

комплекс черт и языково–речевых навыков, проявляющихся у индивида чаще всего. Изучение языковой личности носителя диалекта важно для сохранения прошлого, которое предстает как опора для настоящего и будущего языка: «В языковом материале, унаследованном от старших поколений, заложены в виде возможностей и линии речевого поведения будущих поколений, наследников этого сокровища» (Щерба, 1974, с. 136). Именно в этом плане представляет интерес изучение языковой личности носителя диалекта.

По утверждению Н.И.Толстого, вся народная культура диалектна. Народная культура и соответствующие ей говоры и диалекты на территории Витебского региона представлены довольно пестро: это белорусские говоры, говоры смешанные — витебско–смо–ленского и витебско–псковского пограничья, чисто русские говоры, например, старообрядческие. В Витебской области на сегодняшний день около 100 деревень старообрядцев — носителей русских говоров, неплохо сохранившихся до нашего времени. Старообрядцы региона образуют 14 общин, которые не замкнуты, продолжают в Латвии, на Псковщине и в других областях Белоруссии, например, Могилевской.

Народная культура — народный язык и литературный язык — элитарная культура — это две мирно сосуществующие лингвокультуры, влияющие и подпитывающие друг друга.

Фольклор является средоточием образности в диалектной речи, он объединяет различные элементы народной духовной культуры: мифы, верования, народную философию, народную педагогику, эстетические взгляды и представления, художественные вкусы, мораль и идеалы и т.д.

Вопрос о соотношении языка устной поэзии и диалекта решается в науке по-разному. Одни исследователи считают, что диалект не имеет стилевой дифференциации, следовательно, язык фольклора — это наддиалектный язык. Другие видят в языке фольклора литературную форму диалекта. Мы склонны придерживаться второй точки зрения.

Полное лингвокультурологическое исследование витебского Поозерья должно включить в себя также составление ряда словарей: 1. Словарь обрядов Витебщины; 2. Легенды и предания белорусского Поозерья; 3. Областной диалектологический словарь; 4. Словари пограничных с Россией диалектных зон. Материалы для этих словарей частично собраны в ВГУ.

Просторечие — «третья культура», т. е. культура для народа. Выделяют литературное и нелитературное просторечие. Литературное просторечие — термин, предложенный Ю. С. Сорокиным; это нижний пласт языка, частично состоящий из нелитературного просторечия, частично из диалектов и жаргонов (братан, болезный, пузо, хахаль, отчебунить и т.д.; Мне Никита изменил. \ Я не ахнула, \ А «Смирновскую» купила — \ С Ваней трахнула — Витебская частушка).

Думается, что именно влиянием «третьей культуры» и разговорной речи можно объяснить: а) широкое употребление бессубъектных оборотов и пассивных образований (Ваши замечания и предложения будут проанализированы, при необходимости по ним будут приняты соответствующие меры («Витьбичи», № 21); аналогичных фраз только в одной небольшой заметке из 100 слов — 8); б) увеличение употреблений во множественном числе слов *singularia tantum* (Стало жить невмоготу \ Даже Водолеям...); в) увеличение числа несклоняемых существительных (Я одела бело платье. \ Замараю —

вымою. \ Отдаю подругу замуж, \ Самую любимую! — Витебская частушка); г) употребление склоняемых существительных как несклоняемых (Я отправился в турну \ И прошу каюту. \ Чтоб в турне пожить спокойно не одну минуту — Витебская частушка); д) более частое обращение к малопродуктивным словообразовательным моделям (наркота, чернуха, порнуха, групповуха); е) обилие усеченных звательных форм в морфологии (Бань! Петь!); ж) фонетические особенности: хотя набор фонем тот же, что и в литературном языке, однако реализация их иная — возникает стяжение (вапще — вообще), выпадение согласных (кода — когда), тады — тогда) и т.д.

Для «третьей культуры» характерна особая массовость: массовые празднества, фестивали, зрелищные мероприятия. Анализ феномена советских массовых зрелищ и гуляний показывает, что они связаны с традициями карнавала в других европейских странах.

Третья культура очень сильно «размывает» строгую норму, присущую литературному языку, и в результате мы отмечаем проникновение ненормативных вариантов в широкую общественную речевую практику (Полюбила торгаша. На замке его душа — витебская частушка). Наиболее активно на литературный язык влияет воровской жаргон (атас, бабки, беспредел, бухарь, дубарь, кореш, крыша, кусок, легавый, лимон, мусор, наезд, по жизни, разборка, хаза); сегодня мы вынуждены констатировать, что эти слова уже не являются принадлежностью речи лишь представителей криминальных кругов.

Приметой «третьей культуры» является обилие кличек, которые даются не только друг другу, но и крупным политическим деятелям — (Цыган — А. Лукашенко; Элькин, Елкин, Гарант, БЭН, Бень — Б.Ельцин; Ржавый Толик, Рыжий, Ваучер, Железный Дровосек — А.Чубайс; Стаканыч, ЧВС — В.Черномырдин; Примус — Е.Примаков; Береза, БАБ — Б.А.Березовский; Кепка, Колобок — Ю.Лужков и т.д. («АиФ в Беларуси», 1999, № 52). Впрочем, именование — это деятельность, с которой начинается создание языка вообще, в том числе и политизированного языка эпохи, примером чему могут служить имена собственные в советскую эпоху, которых довольно много и на Витебщине (Вилен, Виль, Владлен, Вилор, Ким, Кэм, Ленмарен, Мылена, Октябрина, Ревмира, Сталина и т. п.). В 90-е годы на Витебщине возникли новые тенденции: искусственные имена почти исчезают из обихода, зато появляется много сокращенных имен (Яна от Янина), много народно-разговорных вариантов (Арина от Ирина, Настасья от Анастасия), появились английские имена (Артур, Майкл, Эрнест и др.).

Следовательно, социальные катаклизмы в обществе задели и сферу духовной культуры, они «расшатали» ментальность народа, и вот уже модным стало употребление «полуязыка». Из уст даже пожилого человека можно услышать: Мне так обломно, фиолетово (безразлично). В одном студенческом театре Минска поставили даже пьесу «Ботанику — arnad» («Горе от ума»).

Уже не граница, а пропасть пролегает между литературным языком и языком, на котором говорят отдельные социальные группы. Не за горами ситуация, подобная той, которую столь талантливо изобразил В. Пелевин в своем романе «Чапаев и Пустота» (О Ницше): «Там, сука, витиевато написано, чтоб нормальный человек не понял, но все по уму. Вовчик специально одного профессора голодного нанял, посадил с ним пацана, который по-свойски кумекает, и они вдвоем за месяц ее до ума довели, так, чтоб вся братва прочесть могла. Перевели на нормальный язык».

Огромное количество иностранных слов влилось в разговорный язык, т. е. произошла его американизация: и вот уже наша молодежь (и не только молодежь) говорит: дикий трабл (= неприятности), голда (= золотая цепь), олдовый = старый и т.д.; кайфов и приколен стал русский язык.

Речевая ситуация осложнилась тем, что начался процесс широкого внедрения белорусского языка в те сферы, которые ранее обслуживались только русским языком, — это политика, делопроизводство, частично образование. Такое распространение привело к сильным колебаниям нормы, фактически к тому, что недостаточно образованный слой населения давно перестал понимать, как нужно говорить правильно: доллар или доляр, компьютер или кампутар, горком или горкам. Этот факт и дал право ученым назвать сложившуюся ситуацию «полуязычием», или «трясянкой». «Трасянка» стала модной среди чиновников, она проникла даже на FM-радиостанцию, где на ней ведут целые программы.

Наиболее частой ошибкой говорящих является смешение круга тождественных или частично совпадающих в формальном плане, но обладающих различной семантикой слов: межъязыковых омонимов, межъязыковых паронимов, русско-белорусских паралек-сов: сварка (рус.) и сварка (бел.), соучастник (рус.) и сучастк (бел.), беспечность (рус.) и бяспека (бел.), речь (рус.) и рэч (бел.) и т.д.

Отсюда важнейшая речевая проблема в регионе — повышение культуры использования русского и белорусского языков, более четкая их дифференциация в речи билингвов. Но эту проблему можно решить лишь тогда, когда будет сформирована национальная ментальность.

Арго — профессиональная субкультура.

Даже носители элитарной культуры долго связывали светлые надежды с технизацией жизни, считая, что техника избавит нас от физического труда и тем самым раскрепостит духовно. А оказалось, что путь этот в дегуманизацию жизни. Спасти нас может как раз противоположный ход — в прекрасные образцы языка народного фольклора.

Компьютер широко распространился во многих сферах нашей жизни, а его пользователи создали особый язык, выходящий за рамки профессионального. Для компьютерных пользователей существуют мэны (все, кто обходится без компьютера), чайники (те, кто только начинает им пользоваться), хакеры (взломщики компьютерных программ), программеры (кто только кнопки «топчет») и программисты (составители программ, создатели оригинальной продукции). Возник весьма разветвленный язык, на котором обсуждают возможности писюков, пентюхов, зухелей и т.д. (компьютеров РС, «Пентиумов» и т.д.). А фраза мать грохнулась, мозги еле продал означает, что сломалась материнская плата, а операционную память едва удалось продать. Из профессиональной речи пришло выражение до упора («до конца»), мочить (в значении «убивать») и др.

Конфликт между «землей» и «железом», природой и техническим прогрессом ведет к разрушению связей между человеком и природой.

Русский язык наполнялся сначала «индустриальной» лексикой, а затем (уже в конце тысячелетия) — англицизмами, профессионализмами, упрощался синтаксис, уходила глубина фразы и мысли, т.е. можно констатировать упрощение языка в целом.

Итак, исследование языка Витебщины показало, что он, как и культура региона, гетерогенен, существует в виде четырех взаимодействующих лингвокультурных моделей. Каждый язык отражает культурные реалии того социума, где язык функционирует, и при этом адекватно обслуживает его культуру.

Как отмечает социолингвист Л. Крысин, для большинства современных индустриальных обществ не характерна жесткая дифференциация языка на более или менее замкнутые, самодостаточные подсистемы. Это положение нашло подтверждение и при анализе лингвосоциокультурной ситуации Витебской области, где социально и культурно обусловленные разновидности единого языка уживаются друг с другом, обслуживая потребности общения в разных сферах.

Витебская область на рубеже тысячелетий представляет собой многонациональный регион с преобладающим белорусским населением и преобладанием русского языка в официальных сферах общения и в сфере обучения, делопроизводстве, хотя в средствах массовой информации, в домашнем общении все шире распространяется белорусский язык.

Лингвокультурный аспект русской фразеологии

Фразеологические единицы (ФЕ), отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Фразеологизмы, по Ф. И. Буслаеву, — своеобразные микромиры, они содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам»¹. Это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации.

При рассмотрении русской фразеологии мы выдвинули следующие гипотезы.

1. В большинстве фразеологизмов есть «следы» национальной культуры, которые должны быть выявлены.
2. Культурная информация хранится во внутренней форме ФЕ, которая, являясь образным представлением о мире, придает фразеологизму культурно–национальный колорит.
3. Главное при выявлении культурно–национальной специфики — вскрыть культурно–национальную коннотацию.

Фразеология есть фрагмент языковой картины мира. Фразеологические единицы всегда обращены на субъекта, т.е. возникают они не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение. Именно это отличает фразеологизмы и метафоры от других номинативных единиц.

Казалось бы, поскольку у человека сильны общие видовые признаки, то и превалировать во фразеологизмах должно общечеловеческое, универсальное, а не культурно–национальное. На самом же деле все наоборот. Некоторые ученые даже склонны утверждать, что, например, идиомы изначально наделены некоторой культурно–национальной спецификой. Так ли это? Думается, что это касается не всех фразеологизмов, ибо если бы значения всех ФЕ были бы культурно–специфичны, было бы невозможно исследовать их культурные различия.

В.Н.Телия пишет, что фразеологический состав языка — это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание», именно фразеологизмы как бы навязывают носителям языка особое видение мира, ситуации. Например, сведения о быте русского народа (красный угол, печки–лавочки), об этикетном поведении (садиться не в свои сани, как пить дать, несолоно хлебавши, ломать шапку), о традициях и обычаях (из полы в полу, вывести на чистую воду) и т.д.

Во внутренней форме большинства фразеологизмов содержатся такие смыслы, которые придают им культурно–национальный колорит. Например, фразеологизм сбоку припеку (о чем–то ненужном, необязательном) возник из прототипной (реальной) ситуации печения хлеба, когда сбоку основного каравая возникают наплывы из теста, которые в пищу не употребляются. Семантику таких фразеологизмов можно интерпретировать с позиций ценностных установок и стереотипов, свойственных ментальное™ нации, т.е. в терминах национальной культуры: то, что тесто отделяется от основного каравая, это плохо; кроме того, оно не может быть использовано в пищу, ибо пригорает, покрывается коркой; следовательно, наросты сбоку каравая не нужны.

Не следует забывать при этом, что разные типы фразеологизмов, на что неоднократно указывала В.Н.Телия, по–разному отражают культуру.

Проще всего понять и объяснить культурный аспект тех фразеологизмов, в значении которых большую роль играет денотативный аспект. Для примера проанализируем фразеологизмы, одним или несколькими компонентами которых являются названия предметов национальной культуры: щи лаптем хлебать (об очень простом человеке), как с писаной торбой носиться (уделять много внимания). Эти фразеологизмы в самом своем лексическом составе содержат указание на сферу материальной культуры — щи, лапоть, торба. Их значение и неодобрительная оценка формировались с учетом значений этих лексем. Так, щи — слишком простая народная пища, вместо ложки употребляется простейшая обувь — лапти, кушать которыми недостойно, отсюда неодобрительная оценка; торба — вид сумки, которую раньше носили нищие и прочий простой люд, она не является ценной вещью, ибо хоть и писаная, но все же торба, а отсюда те, кто носится с ней, вызывают неодобрение. Сюда же можно отнести фразеологизмы, в которых отражена история народа, национальные имена собственные — мамаево побоище, коломенская верста, казанская сирота, как швед под Полтавой, показать кузькину мать и др., в которых содержатся страноведческие знания, а их понимание связано со знанием конкретных исторических фактов.

Довольно просто объяснить ФЕ типа аютины глазки, их образное основание не участвует в игре, так как оно отвлекает от собственно идентификации, возникает вопрос, а кто это Анюта? По этой причине образное основание здесь — только способ выделить «некоторый признак». Культурная информация таких ФЕ тесно связана с параметром денотации, именно денотат (Анюта) в них является носителем культурной информации.

Однако в большей части фразеологического массива культурная информация имеет иную прикрепленность. Прежде всего здесь имеются в виду образно–эмотивные по своей сути фразеологизмы, т.е. такие, в значении которых чрезвычайно важно образное основание. Для того чтобы понять, что в таких фразеологизмах является носителем культурной информации, рассмотрим, как вообще возникают эти ФЕ.

Сначала в мире возникает некая прототипная ситуация, т.е. ситуация, соответствующая буквальному значению фразеологизма, например, человек,

поскользнувшись, сел на калошу. За ней закрепляется содержание, которое затем переосмысливается, т.е. формируется образ фразеологической единицы на основе первичных значений слов в прототипной ситуации. Именно эти первичные слова оставляют в образе свой след. Так возникает внутренняя форма (ВФ), в которой и содержится основная информация, связанная с культурой. Культурную информацию можно получить из ВФ фразеологизма, ибо в ней наличествуют «следы» культуры — мифы, архетипы, обычаи и традиции, отраженные исторические события и элементы материальной культуры.

Таким образом, в самом формировании фразеологизмов, т.е. в отборе образов прослеживается их связь с культурно–национальными стереотипами и эталонами. Эта информация затем как бы воскрешается в коннотациях, которые отображают связь ассоциативно–образного основания с культурой (эталонами, символами, стереотипами). Естественно, что наиболее интересными для нас в плане выявления культурно–национальной специфики являются именно эти фразеологизмы, ибо они имеют культурно–обусловленные причины либо культурно–значимые следствия.

Фразеологизмы, отображающие типовые ситуации и представления, начинают выполнять роль символов, эталонов, стереотипов культуры (например, выносить сор из избы — в значении «разглашать сведения о каких–либо неприятностях, касающихся узкого круга людей»).

Однако не все ФЕ могут стать носителями культурно–национальной информации. Много в славянских языках фразеологизмов, которые связаны с общечеловеческим знанием о свойствах реалий, вошедших в образное основание, — смотреть в корень; между двух огней; не вешать нос и др. Отличие их от подобных в других языках объясняется не столько их культурным своеобразием, сколько несовпадением техники вторичной номинации в разных языках. Например, китайские выражения проточная вода не гниет (в значении — бесполезность, бесцельность действий) и в дверной петле червь не заводится (в значении — надежда на благополучный исход, уверенность в нем) по–русски звучат: как мертвому припарки и как дважды два, комар носу не подточит, т.е. имеют иное образное основание в русском языковом сознании. Но если учесть, что и эти фразеологизмы основаны на образно–метафорических смыслах, то и они участвуют в формировании языковой картины мира и различаются в культурно–национальном отношении. Отсюда вывод, что, хотя и с некоторой натяжкой, их можно считать носителями культурной информации.

Общечеловеческие знания о мире также присутствуют во ФЕ типа развязать язык, связать по рукам и ногам, в которых живет семантика узла, связывания как магического действия, т. е. национальная культура в них явлена через связь с мифологией, которая также является достаточно общей, по крайней мере для славянских народов.

Для нас наибольший интерес будут представлять такие ФЕ, национальная культура в которых отражена через связь с культурно–национальными коннотациями, эталонами, символами, стереотипами типа пить кровь, до последней капли крови, где кровь — символ жизненных сил, или ФЕ родная кровь — где кровь — символ родства и т.д.

Как показывает собранный нами материал, многие ФЕ связаны с мифологемами и архетипами. Например: как в воду глядел, как в зеркале; у славян зеркало — граница между земным и потусторонним миром, а потому по функции подобна другим границам — меже, порогу, окну, колодцу и т.д.

Зеркало как реальная вещь появилась в позднее время, но его семантика и символика глубоко архаичны¹. Зеркало — вещь опасная, запретная, созданная дьяволом, это средство контакта с ним; в зеркало нельзя смотреться невестам, одетым под венец, беременным, новорожденным, ибо они находятся в стадии перехода из одного мира в другой; его занавешивают в обрядах, связанных со смертью, якобы для того, чтобы покойник не мог пройти сквозь зеркало с того света. Зазеркалье — это перевернутый мир живых. Гадания на зеркале связаны с тем, что оно якобы способно отражать не только видимый мир, но и мир невидимый и даже потусторонний. Зеркало — как бы «окно в тот свет», поэтому, по славянским поверьям, ночью нельзя смотреться в зеркало, ибо ночь — это время нечистой силы, человек же в это время особенно уязвим. Подолгу смотреться в зеркало вредно, ибо оно способно по частям похищать нашу душу, отправляя ее в мир зазеркалья, где душа гибнет. Зеркало как бы двойник того человека, который отражается в нем. Именно поэтому считается, что разбить зеркало — к беде, поскольку вместе с ним разбивается слепок нашей души.

Современные экстрасенсы рекомендуют почаще мыть и протирать зеркала, ибо они собирают всю информацию из окружающего мира, в том числе и негативную, а потому могут стать аккумуляторами негатива, способными спровоцировать человека на любой неадекватный поступок, одарить мрачным настроением.

Таким образом, зеркало: 1) средство вхождения в контакт с чертом; 2) канал связи с «тем светом»; 3) средство, закрывающее границы мира; 4) средство отражения невидимого и потустороннего мира; 5) оно способно похищать душу человека, делая его пустым, бездушным; 6) аккумулятор информации о мире; 7) это наш двойник. Символика зеркала обнаруживается также в связи с числом «два», понятиями четности, парности. В белорусской поговорке аборабое — в значении «оба одинаково плохие» — негативный смысл формируется и словом «два (обе)» и словом «рябое» — «переменчивое, непостоянное, лживое». Множество запретов мотивировано опасностью сдваивания, повторения действий. Идея двойничества наиболее ярко выражена в близнецных мифах. При этом считалось, что число 1 — это нечто целостное, единое и совершенное, покой Абсолюта, не-жизнь, а такими могут быть лишь Бог и Космос. Число 2 — начало творческого акта, раз-движения и отталкивания друг от друга, уход от не-жизни, не позволяющий забывать о покинутом совершенстве. В «Пире» у Платона Аристофан говорит о перволюдях, которые были округлы, четвероноги и четвероруки, пока Зевс не разрезал их, как режут яйцо волосом. Половинки с тех пор устремлены друг к другу, так возникла любовь, брак, цель которых — возвращение к былому единству, т. е. к исцелению человеческой природы. Любовь не связана с размножением, она имеет духовно-религиозный смысл: любовь — это своеобразный вид работы над самим собой, это путь в бессмертие. В учении В. Соловьева, подхваченном А. Блоком: жизнь — это поиск своей половинки, души обречены на вечные поиски друг друга:

*Душа молчит... И, умащенная, в тиши,
Неустающим слухом ловит Далекий зов
другой души.*

В. Соловьев

Рождение близнецов всегда вызывало у древних страх, смешанный с почтением: в двойне усматривали символ плодородия. Близнецов считали соперниками-союзниками; одного связывали со всем хорошим, благим, добрым, а другого — со всем плохим, несовершенным, лукавым, это было равновесие добра и зла, света и тьмы. Подразумевалось, что близнецы и их мать соприкоснулись со сверхъестественной силой и

стали ее носителями. Иногда их либо отделяли от племени, либо убивали, потому что людей пугало удвоение сущности, идея которого неясна.

Фразеологизм вызвать на ковер означает: начальник вызывает подчиненного к себе в кабинет, чтобы сделать ему порицание. Яркая образность создается компонентом ковер, являющимся лока–лизатором ситуации, описываемой фразеологизмом, и одновременно маркером национальной культуры: ковер в кабинете большого начальника — признак российской (полувогосточной) культуры.

Таким образом, в языке в большинстве своем закрепляются и фразеологизируются те аспекты, которые ассоциируются с культурно–национальными эталонами, стереотипами, мифологемами. Они как раз и формируют значение ФЕ типа как в зеркале в значении «очень хорошо видно» (в основе ее значения лежит мифологема «отражает невидимый и даже потусторонний мир»). При этом ФЕ сами становятся культурными стереотипами. Уяснение национально–культурной специфики фразеологизмов тесно смыкается с проблемами осознания человеком мира («живого» и в исторической памяти) и отражением этого осознания в языке.

Мифологема здесь — то, что забыто человеком, но сохранено в сокровенных глубинах слова и сознания. Мифологема если не полностью контролирует семантику ФЕ, то, несомненно, направляет и корректирует ее современное функционирование.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос, является ли язык хранителем культуры? Несмотря на кумулятивную функцию, т.е. функцию быть средством накопления и хранения информации, язык не становится хранилищем культуры. Единица языка — слово — является лишь сигналом, функция которого — пробудить человеческое сознание, затронуть в нем определенные концепты, готовые откликнуться на этот сигнал (А.А. Потебня, Л.В.Щерба, А.Р.Лу–рия, А. А.Леонтьев).

Язык же является лишь механизмом, способствующим кодированию и трансляции культуры. Истинными хранителями культуры являются тексты. Не язык, а текст отображает духовный мир человека. Именно текст напрямую связан с культурой, ибо он пронизан множеством культурных кодов, именно текст хранит информацию об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, т.е. обо всем, что составляет содержание культуры. Текст — набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, не только непосредственные ассоциации, но и большое количество косвенных. В свою очередь, правила построения текста зависят от контекста культуры, в котором он возникает. Текст создается из языковых единиц низших уровней, которые при соответствующем подборе могут усилить культурный сигнал. Именно такими единицами в первую очередь и являются фразеологизмы.

Всякий фразеологизм, с нашей точки зрения, — это текст, т.е. хранитель культурной информации. Но если мы слышим фразу типа «язык помнит и хранит тайны...», то должны понимать, что это не более чем метафора. Фразеологический компонент языка не только воспроизводит элементы и черты культурно–национального миропонимания, но и формирует их. И каждый фразеологизм, если он содержит культурную коннотацию, вносит свой вклад в общую мозаичную картину национальной культуры.

Итак, фразеологизмы прямо (в денотате) или опосредованно (через соотнесенность ассоциативно–образного основания с эталонами, символами, стереотипами национальной

культуры) несут в себе культурную информацию о мире, социуме. Поэтому ФЕ — своего рода «кладезь премудрости» народа, сохраняющий и воспроизводящий его менталитет, его культуру от поколения к поколению.

Метафора как способ представления культуры

План содержания ФЕ и метафоры, а также закрепленные за ними культурные коннотации сами становятся знанием, т.е. источником когнитивного освоения. Именно поэтому фразеологизмы и образно-мотивированные слова (метафоры) становятся экспонентами культурных знаков. С этих позиций метафора и будет нами рассматриваться.

Метафора в конце XX в. предстает более сложным и важным явлением, чем это казалось ранее. Она пронизывает язык, культуру, науку, жизнь, весь мир.

Было установлено, что метафоры являются универсалиями сознания, метафорическое видение мира современные психологи склонны связывать с генезисом человека и, соответственно, человеческой культуры. Вероятнее всего, протоязык был метафорическим, а сама протокоммуникация осуществлялась именно на метафорическом уровне.

Метафора — универсальное явление в языке, она присуща всем языкам. Ее универсальность проявляется в пространстве и времени, в структуре языка и в его функционировании. Многие лингвисты даже утверждают, что весь наш язык — это кладбище метафор.

Метафора — продуктивное понятие для науки. М. М. Бахтин отмечал, что ввел термин «хронотоп» в науку «почти как метафору». Многие наиболее удачные научные термины — метафоры: «внутренняя форма», «культурная коннотация», «живая вода» и т. п.

Метафора — одно из самых загадочных явлений языка. При всем разнообразии определений метафоры почти все они восходят к аристотелевскому: «Метафора есть перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии».

Хотя проблема метафоры волнует умы на протяжении двух тысяч лет, но рассматривается она чаще всего либо как стилистическое средство, либо как художественный прием. Лишь в последние десятилетия внимание лингвистов и философов переключилось на исследование онтологии метафоры (Н.Д.Арутюнова, В.Н.Телия, Б.Блэк, Дж.Лакофф, М.Джонсон и др.).

Основной поток современных работ связан с осознанием роли метафоры в процессах смыслообразования: вы, века прошлого дряхлеющий посев; «Онегина» воздушная громада как облако стояла предо мной (А. Ахматова); век-волкодав, глубокий обморок сирени, и красок звучные ступени (О. Мандельштам); Она обладала воображением — этой мышцей души (В.Набоков). По М. Минскому, связка двух понятий в речевом или мыслительном акте производится в ходе замещения одного фрейма, сценария (круга понятий) другими значениями, ибо метафора служит средством обозначения того, чему нет названия. Вторая точка зрения: метафора — синтез «образных полей», «духовный, аналогизирующий акт взаимного сцепления двух смысловых регионов» (В.Н.Телия).

Метафора объемлет мир и человечество:

Свети на горестный посев, фонарь сегодняшней печали, и пожимай во тьме плечами, и сокрушайся обо всех.

И. Бродский

Рождение метафоры связано с концептуальной системой носителей языка, с их стандартными представлениями о мире, с системой оценок, которые существуют в мире сами по себе и лишь вербализуются в языке. Отсюда вывод: метафора — модель выводного знания, модель выдвижения гипотез.

Механизм создания метафоры таков: из разных логических классов берутся два разных предмета, которые отождествляются на основе общих признаков и свойств, например — тьма печали (чувство — печаль и состояние мира — тьма, общее для них — радостные чувства светлы, а печаль, грусть, тоска — темные, мрачные).

Метафора образуется из категориальной, таксономической (классификационной) ошибки. Человек (чаще всего поэт), создающий метафору, как бы живет в этом мире качеств и свойств, логических классов и их субституций (заместителей). Он находится в поле целостных смыслов и событий, создающих эти смыслы. По замечанию Н.Д.Арутюновой, метафора не вычленяет абстрактных признаков и качеств, а выявляет смысловой образ самой сущности предмета. Когда О. Мандельштам называет рояль «умным и добрым комнатным зверем», то он не просто берет предметы из разных логических классов. Речь здесь идет не о реальных предметах, а об образах предметов, явленных в сознании. Так создается сущность целого.

Ш.Балли писал: «Мы уподобляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ познать их и ознакомить с ними других. Таково происхождение метафоры; метафора — это не что иное, как сравнение, в котором разум под влиянием тенденции сближать абстрактное понятие и конкретный предмет сочетает их в одном слове».

И действительно, почему человек думает о чувствах как об огне? Свидетельство тому — выражения типа пламень любви, жар сердец, огонь желаний, сгорать от любви, горячая любовь, жгучая ненависть, пламя страсти, тепло дружбы, надежда теплится, испытывать теплые чувства. Этот же образ широко распространен в русской поэзии: Где знойный жар желаний? (И. Анненский); И бессонницы млеющий жар... И очей моих синий пожар (А. Ахматова); О, разум, сколько ты пылал (А. Блок). Почему спина мыслится как защита? (жить за спиной у кого-либо — быть хорошо защищенным, широкая спина — надежная защита, захребетник — человек, который живет за чужой счет, за чьим-то хребтом). Подобные метафоры можно назвать корневыми, т.е. развивающимися в языке в зависимости от некоторого исходного образа, который несет энциклопедическую, культурно-национальную или сугубо личностную информацию.

Создавая свою теорию метафоры, Дж.Лакофф и М.Джонсон отмечали: «Метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, и не только язык, но и мысль, и действие. Наша обычная концептуальная система, в терминах которой мы думаем и действуем, является метафорической по своей природе»². Согласно их теории, люди ищут метафоры для того, чтобы более точно реализовать в своем сознании «абстрактный» концепт, как уже существующий, так и отсутствующий. Ученые называют метафору фундаментальным чувством, помогающим понимать мир, они говорят о метафоре как о средстве оформления реальности. Метафора — мощное средство познания, когда новый концепт постигается

путем сопоставления со старым, уже известным. Механизмы аналогии вводятся через принцип фиктивности. Метафора «начинается» с этого принципа, живет им и умирает, если он перестает осознаваться во внутренней форме наименования» (В.Н.Телия).

О. М. Фрейденберг писала о появлении метафоры: «Переносные смыслы! Кто мог бы додуматься до такого смыслового препятствия, если бы оно не явилось в человеческом сознании в силу объективных гносеологических законов». Есть и другие взгляды на появление метафоры. Так, по М.Мюллеру, метафора появилась вследствие лексической бедности древнего языка: запас слов был небольшим, и человек вынужден был употреблять одно и то же слово для обозначения различных предметов и явлений. По мнению А.Н.Афанасьева и А.А.Потебни, метафора возникла вследствие сближения между предметами, сходными по производимому впечатлению. Она создавалась совершенно свободно, черпая из богатого источника, а не по нужде, не ради бедности языка.

Следовательно, метафора — это такой способ мышления о мире, который использует прежде добытые знания, постигая новые: из некоторого еще не четко «додуманного» понятия формируется новый концепт за счет использования первичного значения слова и многочисленных сопровождающих его ассоциаций. Метафора интересна еще и тем, что, создавая новое знание, она соизмеряет разные сущности, пропуская их через человека, соизмеряя мир с человеческим масштабом знаний и представлений, с системой культурно–национальных ценностей, т.е. человек здесь, как уже отмечалось ранее, мера всех вещей: ручей шепчет, совесть заговорила, надежда проснулась и т.д. Таким образом, метафора по своей природе антропометрична, а сама способность мыслить метафорически есть черта собственно *homo sapiens*, значит, постижение метафоры есть в какой–то мере постижение человеком самого себя. Именно метафора делает абстрактное легче воспринимаемым и понимаемым (основной путь метафорического переноса от конкретного к абстрактному, от материального к духовному).

Итак, метафоре присущи следующие важнейшие характеристики: она есть орудие мышления и познания мира, она отражает фундаментальные культурные ценности, ибо основана на культурно–национальном мировидении. По мнению В.Н.Телия, метафора успешно выполняет роль призмы, через которую человек видит мир, ибо метафоры проявляются национально–специфичным образом во ВФ языка, а также в мифологемах, архетипах и т.д. Многие зарубежные и отечественные исследователи «разводят* образную и концептуальную метафоры (Н.Д.Арутюнова, В.Н.Телия, Е.О.Опарина, М.Аpter, D.Center и др.).

Ученых интригует способность метафоры выражать идеи, далеко отстоящие от прямого значения языкового знака. Этой теме был посвящен специальный симпозиум «Метафора: концептуальный скачок» в феврале 1978 г. в Чикаго. Метафора загадочна и другим: в ней реальность ускользает, как бы прячась от мысли. Тогда–то перед нами начинает возникать вторая, куда более глубокая и насущная, роль метафоры в познании. Мы нуждаемся в ней не просто для того, чтобы, найдя имя, довести наши мысли до сведения других, — нет, она нужна нам для нас самих: без нее невозможно мыслить о некоторых особых, трудных для ума предметах. Она не только средство выражения, но и одно из основных орудий познания. Действительно, метафоры придают идеям, находящимся за порогом строгого логического осознания и формулирования, конкретную форму, тем самым позволяют их осознать.

Разгадать тайны метафоры, как нам кажется, поможет наблюдение за поэтическими, образными метафорами, ибо именно в поэтических текстах наиболее ярко проявляет себя креативная функция языка.

Образная метафора, которую мы называем также поэтической, функционирует в художественных текстах, где она реализует свои креативно–образные потенции.

Например, европейской поэзии свойственны такие метафоры: май покори́л зиму и принес лесам их летнюю одежду; день — сын ночи, и они каждый раз объезжают мир в колеснице; проклятие витает в пространстве, пока не нападет на свою жертву, и т.д. Русской поэзии присуща метафора души–птицы:

Вот я иду, а где–то ты летишь, уже не слышишь сетований наших, вот я живу, а где–то ты кричишь и крыльями взволнованными машешь.

И. Бродский

Метафора в данных примерах не художественное украшение, а органическое выражение способа мышления и познания. Неслучайно еще Дж. Вико подчеркивал, что метафора, участвуя в языковом мифотворчестве, предстает как узел, связывающий язык с мышлением и культурой.

Метафора — основной способ создания новых концептов в языковой картине мира современного русского человека. Если исследователи эзопова языка коммунистического подцензурного времени говорят о сплошной его метафоризации, о возникновении особого, «подмигивающего» языка, то и теперь метафоры создаются в изобилии: неказарменный демократический социализм, динозавры сталинизма, кровавая вакханалия, великодержавное чванство. Причем метафоры возникают не только на общественно–политической ниве, но и в будничной жизни: ломом опоясанный (о странном человеке), огрызок счастья (обращение к младшему, неудачливому, неумелому человеку), лепить горбатого, нести голландию (лгать).

Метафоры лежат в основе только что возникших в языке выражений (словарь В. Н. Белянина) и поговорок: летучий спотыкач (о походке пьяного), мебель двигать (заниматься любовью), не в этом пень (не в этом дело), не пахни рыбой (замолчи), мир тесен, а прослойка тонка (о неожиданно обнаруженных связях), плюнь мне в ухо (о странной прическе) и т.д.

«Подмигивающий» метафорический язык заполонил все социально–языковое пространство, включая художественную литературу.

Нас интересует метафора не сама по себе, а ее роль в культуре, точнее, в создании художественного образа (в поэзии и прозе). Рассмотрим ее в этой функции.

Приведем для примера некоторые специфические особенности языка наимоднейших русских писателей 90–х годов XX в. — Галины Щербаковой, Людмилы Улицкой, Марка Харитоновна и других.

«...Ее впихнули в малину, где уже гнездились какие–то тетки» (Г.Щербакова. Митина любовь). Нейтральное в своем изолированном употреблении слово «гнездиться», благодаря конкретному контексту приобретает дополнительный, эмоционально–оценочный оттенок, означая, что женщины («тетки»), по–видимому, находились в местах

сбора малины, ревностно их оберегая. Такая метафора возникает по аналогии с образом птицы, охраняющей свое гнездо. Причем использование слова со сниженной стилистической окраской (тетки) придает ироничный оттенок всему высказыванию в целом.

«О, бедная Сонечка, светлая ее юность, прошедшая на высокогорьях всемирной литературы! О, о! — фантастику, только фантастику... читала ее гуманитарно–невинная дочь» (Л.Улицкая. Сонечка). Весь метафорический контекст здесь основан на ситуативной метонимии: высокогорья — место недоступное, расположенное высоко — высокогорья всемирной литературы — то, что недоступно, высоко, недостижимо для всех. Гуманитарно–невинная дочь: невинная — чистая, незапятнанная (здесь — не обладающая знаниями), гуманитарно–невинная — не обладающая гуманитарными знаниями. Таким образом, метафоры здесь выстроены при опоре на признаки, мотивированные внеязыковой, социальной реальностью.

«Роберт Викторович улыбался, посверкивая двойным металлом глаз и зубов» (Л.Улицкая. Сонечка). Здесь металл глаз, т.е. холодно–бесцветный их цвет + металл, из которого сделаны коронки для зубов.

«Ледяная крупа шебуршала о жесткий воздух, наполняла его сухой сыпью» (М.Харитонов). Цепь семантических сдвигов в рамках данного микротекста создает ситуацию метафорического сдвига: снег, состоящий из крупинок, — ледяная крупа; сухая сыпь: крупа — сухая — сыпь (от сыпать) — сухая сыпь.

Поэтическому тексту присуще удвоение обозначений одной и той же реалии: в нем сосуществуют прямое и метафорическое значение: Две забудки: два сапфира — Ее очей приветный взгляд (А. Фет); Сосну ужалил яркий змей (А. Фет). Двойственность номинации определяет и двойственный характер смысловых связей, которые исходят то от прямого значения, то от метафоры; а это удваивает в конечном счете смысловую глубину поэтического текста: например, в последнем примере яркий змей — это яркая молния, ужалил яркий змей — возник многоплановый образ.

Метафора стремится подчинить своему влиянию не просто строфу, но целые поэтические тексты: так, например, метафора ящерица вдохновенья становится ключевой для стихотворения Е. Винокурова «Вдохновенье», а почти все остальные слова в нем лишь «работают» на нее, развивая и дополняя образ:

Нет, не гордое паренье!.. Вид у ней нехитр и прост: Ящерица вдохновенья
Ускользнет, оставив хвост... И опять дневной прогулкой Ожидать тебе дано, — Что — и
скользкою, и юркой — Вновь подкрадется оно.

Метафора может накладываться на тропы других типов, осложняя их и усиливая эффект, ими производимый. Чаще других она накладывается на сравнение: Вон месяц, как паяц, ...гримасу корчит мне (А. Блок) — месяц корчит гримасу = месяц — паяц, но может накладываться на перифразу, оксюморон и другие тропы: Месяц, всадник унылый, уронил повода (С. Есенин); нежный лед руки чужой (О.Мандельштам); небо мелкий дождик сеет (А.Ахматова) и т.д.

Существуют устойчивые поэтические метафоры, символы, образы, но, как правило, мы наблюдаем в текстах их многочисленные авторские вариации, которые то приближаются к устойчиво–традиционным, то удаляются от них настолько, что становятся почти неузнаваемы. К устойчивым метафорам относятся, например, такие, как

мир — театр, мир — книга, мир — храм, любовь — огонь, время — вода, человек — растение и др. Их модификации: речной волны писал глаголы я (В. Хлебников) — здесь исходная метафора мир — книга; нежны ветви ног (М. Волошин) — исходная метафора — человек — растение; В отверстый храм земли, небес, морей \ Вновь прихожу с мольбою и тоскою (И. Бунин) — исходная метафора — мир — храм.

Со временем метафоры утрачивают эстетическую ценность, теряют свежесть и неожиданность, «стираются» — ножка стола, горлышко бутылки и т.д. Тогда данные метафоры перестают использоваться как средство создания образности, а взамен им возникают новые, яркие, индивидуальные. И этот процесс бесконечен.

Яркая индивидуально–авторская метафора хороша еще тем, что при ее восприятии возникает целый сонм ассоциаций, которые разнопорядковы и расплывчаты. За семантикой слов, которые создают метафорический смысл в сознании читателя, возникают и чисто субъективные, добавочные ассоциации, связанные со спецификой воспринимающей личности, с ее психическим складом, с характером интеллектуальной жизни.

Использование казалось бы сходных метафор, но в различных текстах, создает тексты разных типов, которые можно классифицировать в зависимости от использования в них метафоры: есть поэтические тексты (но их не так уж много в русской поэзии), где преобладают слова в прямых значениях, на фоне которых выделяются редкие метафоры (например знаменитое «Я помню чудное мгновенье...»); в других текстах, напротив, преобладают метафоры, а на их фоне наблюдаются редкие вкрапления слов в прямых значениях (например, многие стихотворения Б. Пастернака, Б. Гребенщикова и др.). Это два полюса, между которыми располагаются остальные поэтические тексты.

Поэтическая метафора не нуждается в интерпретации, а объяснить ее можно лишь уничтожив поэзию; механизмы ее универсальны, а потому она понятна культурно–национальной личности. Но каждая такая метафора — поэтическое открытие, в котором мир предстает с неожиданной стороны, с эстетических позиций.

Таким образом, метафора в современности предстает более сложным и важным явлением, чем это казалось ранее.

Символ как стереотипизированное явление культуры

Среди множества потребностей человека есть одна, резко отличающая его от животных, — потребность в символизации. Человек живет не просто в физической среде, он живет в символической вселенной. Мир смыслов, в котором он жил на заре своей истории, задавался ритуалами. Ритуальные действия выступали как символы, знание которых определяло уровень овладения культурой и социальную значимость личности. Следовательно, уже с самого начала их появления и до сих пор символы не существуют сами по себе, а являются продуктом человеческого сознания. Человек как микрокосм создает образ, картину, символ макрокосма — мира.

Связь между людьми заложена в самом слове «символ». Первоначально этим греческим словом обозначали черепок, служивший знаком дружеских отношений. Расставаясь с гостем, хозяин вручал ему половинку от разломанного черепка, а вторую его часть оставлял у себя. Через какое бы время этот гость снова ни появился в доме, его узнавали по черепку. «Удостоверение личности» — таков изначальный смысл слова «символ» в античности.

Интерес к символу велик не только в лингвистике, но и в философии, семиотике, психологии, литературоведении, мифо–поэтике, фольклористике, культурологии и т.д., однако мы абсолютно солидарны с мыслью А. А. Потебни, который писал, что только с точки зрения языка можно привести символы в порядок, согласный с воззрениями народа, а не с произволом пишущего. Результатом интереса стало несколько довольно независимых представлений о символе: 1) символ — понятие, тождественное знаку (в искусственных формализованных языках); 2) универсальная категория, отражающая специфику образного освоения жизни искусством (в эстетике и философии искусства); 3) некоторый культурный объект, значение которого является конвенциональным (т.е. закрепленным в словарях) аналогом значения иного объекта (в культурологии, социологии и ряде других гуманитарных наук); 4) символ как знак, который предполагает использование своего первичного содержания в качестве формы для другого содержания (широкое понимание символа, существующее во многих гуманитарных науках — философии, лингвистике, семиотике и т.д.). И.Кант, Ф.В.Шеллинг, Г.В.Ф.Гегель, И.В.Гёте высказывались о символе как о способе познания истинного божественного смысла.

Наиболее для нас интересное понимание символа, к которому мы еще вернемся, существует в философии языка (А.Ф.Лосев, Е. В. Шелестюк).

В результате совместной междисциплинарной работы лингвистов, историков, археологов, искусствоведов, музыковедов, психологов, религиоведов, фольклористов и представителей других областей знаний появились многочисленные словари (Кэрлот Х. Э. Словарь символов. — М., 1994; Бауэр В., Дюмоу И., Головин С. Энциклопедия символов. — М., 1995; Бидерман Г. Энциклопедия символов. — М., 1996; Cirlot J.E. A dictionary of symbols. 2 ed. — N.Y., 1971; Biedermann H. Knaurs Lexikon der Symbole. — Munchen, 1989; Cooper J. C. Lexikon alter Symbole. — Leipzig, 1986 и др.). На сегодняшний день существуют многочисленные институты и центры, где изучают различные аспекты символа: Варбургско–Кортоддский институт в Лондоне, занимающийся иконологией; Институт К. Г. Юнга в Цюрихе; Институт Людвиг Каймера в Базеле и т.д.

Наш интерес к символу ограничивается рамками культуры, с этой точки зрения символ может быть отнесен к стереотипизированным явлениям, характерным для любой культуры. Символ, закодированный в контекст разных культур, имеет в них различный смысл. Мы рассматриваем художественный символ в восточнославянских культурах, поэтому нам более импонирует четвертое понимание символа — символ как знак, в котором первичное содержание выступает формой для вторичного.

Таким образом, для нашего понимания символа принципиальным является соотнесение его с содержанием передаваемой им культурной информации. А. Ф.Лосев писал, что символ заключает в себе обобщенный принцип дальнейшего развертывания свернутого в нем смыслового содержания, т.е. символ может рассматриваться как специфический фактор социокультурного кодирования информации и одновременно — как механизм передачи этой информации. Это же свойство символа подчеркивал Ю. М.Лотман; он отмечал, что культура всегда, с одной стороны, — определенное количество унаследованных текстов, а с другой — унаследованных символов.

Термин «символ» по–разному понимается литературоведами и лингвистами. Ю. С. Степанов, например, утверждает, что символ — понятие не научное, это понятие поэтики; он всякий раз значим лишь в рамках определенной поэтической системы, и в ней он истинен. И действительно, мы знаем много именно таких символов: символ дороги у Н. Гоголя, сада — у А. Чехова, пустыни — у М.Лермонтова, метели — у А. Пушкина и

символистов, дыма — у Тютчева, символ крыла и дома у М.Цветаевой, символы границы, порога и т.д. Как правило, об этих символах можно сказать словами Ю. М. Лотмана, что они — «ген сюжета». Однако наряду с ними есть языковые символы, которые порождаются в процессе эволюции и функционирования языка. Такие символы имеют мифологическую, а точнее, архетипическую природу. Например, радуга для русских — символ надежды, благополучия, мечты, т.е. она имеет резко позитивное значение; отсюда выражения радужные мечты, радужное настроение, радужные надежды и т.д. Этот символ берет свое начало из библейской легенды: после всемирного потопа Бог в знак договора с людьми, что потопа больше не будет, оставил на земле радугу. Таким образом, метафора здесь, осложняясь культурными коннотациями, превращается в символ. Но чаще несколько метафор, переплетаясь, создают символ.

С.С.Аверинцев в «Литературном энциклопедическом словаре» (М., 1987, с. 378) так определяет символ: «Символ в искусстве — универсальная эстетическая категория, раскрывающаяся через сопоставление со смежными категориями — образа художественного, с одной стороны, знака и аллегии — с другой». В «Новейшем философском словаре» (Под ред. Л. Родионовой. — М., 1999) дано следующее довольно широкое понимание символа: это «понятие, фиксирующее способность материальных вещей и событий, чувственных образов выражать идеальное содержание, отличное от их непосредственного чувственно-телесного бытия».

Не касаясь здесь дискуссии о понимании сущности символа, заметим, что роль языкового символа заключена в смене значения языковой сущности на функцию символическую. Символ — это своего рода конгломерат равноценных значений, и этим он отличается от других тропов. Прямое значение в символе равноправно абстрактному: абстрактная идея закодирована в конкретном содержании для того, чтобы выразить абстрактное через конкретное, но и конкретное кодируется абстрактным, чтобы показать его идеальный, отвлеченный смысл. Таким образом, значение и абстрактного и конкретного обогащается: солнце есть символ золота, но и золото есть символ солнца. Но в своем единстве они дают новую амальгамированную сущность (от слова амальгама).

Слово-символ — это своего рода «банк данных», который можно представить себе в виде спирали, т.е. кругов, как бы упрятанных друг в друга и переходящих один в другой. Это семантическая спираль символа, которая включает в себя широкий спектр значений, начиная от имплицитных (скрытых, потенциальных), т.е. никак не выраженных в слове, но являющихся неотъемлемой его частью, и кончая шкалой семантических субститутов (заместителей), т.е. запрограммированной заменой одного значения другим. Например, белорусы говорят: «Што красна, то добра, што солодка, то смачна», т.е. здесь символическое значение сладкого — хорошее, вкусное, любовь, счастье. Путь сближается со смертью, символы злости — змея, оса, крапива, они жгут; огонь — символ гнева, злости у славян. Солнце — символ красоты, любви, веселья. Слово «хорошь» А. А. Потебня считает притяжательным от слова «хрьсь» (солнце).

Ю.М.Лотман писал, что наиболее привычное представление о символе связано с идеей некоторого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного содержания. Поэтому материальным экспонентом (носителем) замещения является не только реалья, но и имя. Например, не реалии рука, крест являются символами в выражениях правая рука, нести свой крест, а имена: рука — это власть, крест — это символ жертвенности, соединение земли и неба, духовная высота креста — это вертикаль, материальный мир — горизонталь; крест во время молитвы — наше согласие с Христом, т.е. символ веры Христовой и т.д. Вероятно, не следует искать наиболее точный смысл символа, надо сосредоточить внимание на

доступных для восприятия и понимания узуальных (общепринятых) значениях и на узловых точках корреляции значений в символе. Например, голубь — это символ Святого Духа, символ мира, но и символ потустороннего мира (у М.Цветаевой в «Переулочках» такие голуби вороны). Таким образом, важнейшее свойство символов — их имманентная (внутренне присущая им) многозначность и расплывчатость границ. Один и тот же символ может иметь несколько смыслов.

В понимании В.Н.Телия, приведенные нами примеры — это квазисимволы. Репертуар квазисимволов, как и символов, возникает в результате культурно-значимого отбора. Примеры: символ — крест на куполе церкви, квазисимвол — слово (имя) «крест».

Можно выделить целый ряд признаков символа: образность (иконичность), мотивированность, комплексность содержания, многозначность, расплывчатость границ значений в символе, архети-пичность символа, его универсальность в отдельно взятой культуре, пересечение символов в разных культурах, национально-культурная специфичность целого ряда символов, встроенность символа в миф и архетип.

Подход к символической через миф основал К. Леви-Строс. Он рассматривал символ как пучок парадигматических отношений с символично-логическими значениями. Мифология предстала одним из семиотических кодов для обозначения универсальных образов и идей. Так, в архаичной славянской картине мира рыбы являлись символом нижней космической зоны, крупные животные — средней, птицы — верхней космической зоны.

Важнейшее свойство символа — его образность, поэтому многие ученые подходят к понятию символа через образ. Во многих дефинициях (определениях) присутствует пучок концептов «образ— символ—знак». Символ и знак, являясь важнейшими словами семиотического лексикона, действительно имеют много общего: оба построены по трехкомпонентной модели (означаемое — означающее и семиотическая связка), конвенциональны и т.д. Но смысл знака, в отличие от символа, должен быть не только конвенционален, но и конкретен, например, знаки дорожного движения в силу своей конкретности помогают избежать аварий. По словам Н.Д.Арутюновой, знаки конвенционализируются, а символы канонизируются: крест становится символом веры христианской, символом страдания, символом объединения пространства и т.д. Символ в отличие от знака не подразумевает прямого указания на денотат. «Знаками регулируют движение по земным, водным и воздушным путям, символы ведут по дорогам жизни»¹.

Если сущность знака — чистое указание (Г. Г. Гадамер), то сущность символа — больше, чем указание: он объединяет разные планы реальности в единое целое в процессе семантической деятельности в той или иной культуре. Примером могут служить фразеологизмы, отдельные компоненты которых становятся символами. Так, нос — символ уязвимого места в человеке, отсюда ФЕ утереть нос, водить за нос, прищемить нос, хоть кровь из носу. Еще один символ носа как прибора реагирования выделяется из следующих ФЕ: не по носу (не нравиться), крутить носом (выражать несогласие), воротить нос (выражать презрение).

В основе символа лежит образ. Всякий символ есть образ, однако образ можно считать символом лишь при определенных условиях. Н. Фрай выделяет следующие критерии «символичности» образа в поэзии: 1) наличие абстрактного символического значения эксплицируется (проявляется) контекстом; 2) образ представлен так, что его буквальное толкование невозможно или недостаточно; 3) образ имплицитно (скрывает) ассоциацию с мифом, легендой, фольклором.

Думается, что знак становится символом тогда, когда его употребление предполагает реакцию не на сам символизируемый объект, а на целый спектр вторичных конвенциональных значений.

Знаки требуют понимания, а символы — интерпретации. Таким образом, символ имеет знаковую природу и ему присущи все свойства знака, кроме которых есть еще и специфические. Еще Ф. де Соссюр противопоставил символы и конвенциональные знаки, указав, что символам присущ иконический элемент. Ф. де Соссюр писал в этой связи, что весы могут быть символом справедливости, поскольку они иконически содержат идею равновесия, а телега — нет. Таким образом, хотя символ и не подразумевает прямого указания на денотат, внешнее либо глубинное внутреннее подобие с символизируемым объектом может сохраняться.

Символ — концепт, родственный образу, поэтому часто говорят о символических образах. Символу сопутствуют высокие смыслы, в то время как образ может ассоциироваться с объектом любого уровня. Если переход от образа к метафоре вызван семантическими и художественными нуждами, то переход к символу (и от образа, и от знака) определяется факторами экстралингвистического характера.

Образ психологичен, метафора семантична, символ функционален, он призван объединить усилия общественных, племенных и национальных коллективов (Арутюнова, 1998, с. 338). С ее точки зрения, символ имеет более высокий семиотический статус, чем образ. Это связано с тем, что символ чаще интерпретируется в терминах культуры (ср.: в русской культуре рука — символ власти и символ помощи — из первых рук, быть правой рукой, иметь свою руку, но также и символ наказания — рука не дрогнет, руки чешутся, поднимать руку).

Символ нужно отличать и от гештальта. Они различаются в первую очередь выполняемой ими функцией.

Как уже говорилось выше, на поверхностно-языковом уровне один и тот же гештальт может реализовываться как разные смыслы, и только специальные изыскания могут установить их единство.

Ю.М.Лотман писал: в основе художественного замысла лежит не рационально формулируемая тема, а символ — «зерно развертывания будущего текста». Говоря о функционировании символа в системе культуры, он утверждает, что символ — это память культуры.

Покажем это на примере. Христианским символом, имеющим распространение в разных культурах, является число семь (в германских культурах девять выполняет функции прототипического числа, которое позже было вытеснено числом семь); в русской культуре семь — символ чего-то чрезмерного: за семью замками (печатами) — очень сильно скрыто, в глубокой тайне; семи пядей во лбу — очень умный; за семь верст киселя хлебать — очень далеко; семь потов сошло — очень устал; семь вест до небес и все лесом — очень много и бессмысленно; семь пятниц на неделе — часто менять свое решение; быть на седьмом небе — быть очень счастливым. Поэтому говорить здесь о национальной специфичности символа «семь» вряд ли возможно — этот символ присутствует и в германских языках. Сорок в значении «много» встречается только в русской культуре, поэтому фразеологизм сорок сороков является культурно специфическим.

Еще одно важное свойство символа — его мотивированность, которая устанавливается между конкретным и абстрактным элементами символического содержания. Именно мотивированностью отличается символ от знака, в котором связь между означаемым и означающим произвольна и конвенциональна. Мотивированность символа объясняется аналогией, которая составляет основу такой семантической транспозиции (переноса), как метафора, метонимия и синекдоха.

Именно мотивированность объединяет символ с метафорой и метонимией. Э. Кассирер одним из первых отметил роль метафоры в символическом конструировании реальности (Cassirer, 1970). Метафора объясняет аналогии в мифах, на основе метафоры связаны конкретный и абстрактный аспекты в содержании символа: богиня — земля — мать; змея, ползающая по земле, — символ земли (метонимия) и символ подземного божества (метафора). Поэтому можно констатировать, что есть символы метафорические и метонимические.

Каждый человек благодаря своим человеческим свойствам способен говорить на языке символов и понимать его; язык символов, как отметил Э.Фромм, не надо учить, его распространение не ограничивается какими-то группами людей, потому что символ имеет архетипическую природу и передается нам на бессознательном уровне.

Архетип понимается нами, вслед за К.Г.Юнгом, как генетически фиксированные древние образы и социально-культурные идеи, которые являются достоянием «коллективного бессознательного» и лежат в основе творчества. Для Юнга архетипы — гипотетическая модель, бессознательное устремление, по проявлениям которого можно судить о его существовании. Но архетип это также и изначальные образы бессознательного, повторяющиеся на протяжении всей истории мотивами. Эти первичные образы и идеи воплощаются в виде символов в мифах и верованиях, в произведениях литературы и искусства. Вся поэзия пронизана архетипами, которые есть первичные образы прежде всего природы: лес, поле, море, рождение, брак, смерть и др. Чистейшие архетипы встречаются в мифологии и фольклоре. Поэтому когда мы ведем речь о мифологемах во фразеологизмах или других языковых феноменах, то чаще всего термин «мифологема» оказывается синонимом к «архетипу».

Основные черты архетипов К. Юнга: произвольность, бессознательность, автономность, генетическая обусловленность (Юнг, 1991). Основные выделенные им архетипы: тень, герой, дурак, мудрый старик (старуха), Прометей и др.

Архетипы воплощаются в большом количестве символов, поэтому можно говорить об архетипических символах, таких, как Мировое дерево, Мировое яйцо, Мировая гора и т.д.

Архетипичность символа — это его важное свойство, которое носит двойной характер. С одной стороны, в символе отражаются образы бессознательного, большую часть которого составляют архетипы. С другой стороны, архетип осознан, он входит в нашу реальность, часто сильно трансформируясь.

Целый ряд символов являются национально-специфичными. Так, китайцы вписывают в изображение луны жабу и зайца (символы бессмертия), а в солнце — ворона (символ сыновней почтительности). В славянской культуре эти символы имеют иное значение: заяц — символ трусости, ворон — вещая птица, которая, подлетая к жилью, приносит несчастья, и т.д.

Итак, проанализировав разные концепции символа, мы пришли к выводу, что символ — это вещь, награжденная смыслом. Например, крест, хлеб, меч, кровь, круг и др. Так, хлеб вещен и зрим, он имеет форму, цвет, вес, вкус и т.д. Но когда мы произносим Хлеб наш насущный даждь нам днесь или читаем слова Христа Я семь хлеб жизни... (Иоанн, 6:35), хлеб становится символом жизни, точнее, пищи, необходимой для духовной жизни. По Ю. М.Лот–ману, символы образуют ядро культуры. Они, как правило, приходят из глубины веков, например: всякое витье, завиванье воспринимается нами как символ счастья, радости (ср. поговорку Вейся, у сок, завивайся, усок: будет мяса кусок). Но есть и такие, которые возникли сравнительно недавно: голубь — символ мира («отцом» этого символа является П. Пикассо), пожатие цветных рук — символ дружбы между народами и т.д.

Что является причиной появления символов в культуре? А. А. Потебня считает, что это потребность восстанавливать забываемое собственное значение слов: калина стала символом девицы потому же, почему девица названа красною, по единству основного представления огня — света в словах: девица, красный, калина. А. А. Потебня считает, что есть три типа отношений между исходным словом и символом: сравнение, противоположение и причинное отношение, или отношение каузальности (причинности). До сих пор в народе рожистое воспаление лечат прикладыванием красной тряпки, потому что рожа сближается в языке с красным цветом и огнем.

Символ не имеет адресата: он обращен ко всем носителям языка. Он выполняет функцию сохранения в свернутом виде целых текстов. Например, гнездо — символ семейства, дома. В названии романа И.С.Тургенева «Дворянское гнездо» — целый пласт русской культуры.

Поэтический язык, наряду с метафорой и другими образными средствами, широко использует символ. Справедливости ради мы должны привести мнение В. Брюсова, который утверждал, что первобытное искусство было реалистичным, а не символическим: «Уклонения к символическому и к условности вызывается в нем не силой, а бессилием мастера. Первобытный художник изображает, например, царя или вождя размерами больше других людей не потому, что такая фигура красивее по своим очертаниям, а по неумению достичь экспрессии «царского» лица»¹. Но здесь же, исследуя древние культуры, стоящие на высокой ступени культурного развития, В.Брюсов констатирует высокую символичность, например, культуры эгейцев, майя и др. Поэтическая символика, как и поэтическая метафора, индивидуальна, меняется от времени к времени и от поэта к поэту. В поэтических текстах эти два явления достаточно близки. Любой элемент стихотворения — графема, фонема, лексема, — попав в силовое поле материи текста, обрастает многочисленными коннотациями, способными стать содержанием поэтического символа.

Особый интерес в этом плане представляет поэзия символистов, в которой поэт рисует ряд образов, еще не сложившихся в полную картину. Именно поэтому теоретики символизма называли такую поэзию «поэзией намеков». Читатель таких произведений должен обладать чуткой душой и тонким воображением, чтобы воссоздать только намеченный автором мыслеобраз.

Есть произведения, постичь которые можно только проникнув в глубинный смысл символических образов, занимающих главенствующее положение в художественном тексте. Например, в «Знаке беды» В. Быкова мы сталкиваемся с несколькими важнейшими символами, которые, как узлы, связывают нити всего произведения: это символы Голгофа и пепелище (разрушенного и заброшенного хутора). Они частично накладываются друг на друга: Голгофа — это гора, но не в Палестине, а в оккупированной гитлеровцами

Белоруссии. Голгофа у В.Быкова символизирует страдания людей, вызываемые различными бедами, в которых они не виноваты. Этот символ возникает в тексте раньше (при описании довоенного периода), но начинается война, разрушается нормальная человеческая жизнь, и начинает формироваться пепелище. Голгофа живет и умирает вместе со своими героями. Пепелище пережило их, и теперь оно сообщает о событии, напоминая об испытаниях, через которые прошли герои, жизнь которых — путь к бессмертию.

Художественный текст воплотил в себе ту особенность мировосприятия человека, которая позволила Э. Кассиреру назвать человека символическим существом.

К. Г. Юнг писал: «Природе символа свойственно соединять противоположное; так он соединяет противоположность реально-ирреального, будучи, с одной стороны, психологической реальностью... он, с другой стороны, не соответствует физической реальности. Символ есть факт и все-таки видимость»². Литература, являясь, по определению Ф.Шиллера, искусством, создающим видимость, избирает символические основания для воссоздания собственной фиктивной реальности. Бюньозелевские символы темны, их нельзя пересказать словами. А. Блок тоже считал, что символ должен быть темен в своей последней глубине.

Символическое употребление слова может быть сформировано в конкретном тексте (или многих текстах одного автора), а может привноситься в текст из культуры. Символ как бы наращивается на прямом значении соответствующего слова, не заменяя и не видоизменяя его, но включаясь при этом в широкий культурный контекст. Любой троп может вступать в контакты с символом, участвуя в формировании затекстовых смыслов, потому что символ — универсальный троп, который может сочетаться с любым набором художественных средств, формирующих образную структуру текста.

Символы глубоко национальны. Вот шуточный пример из романа В. Пелевина «Чапаев и Пустота», саркастически усиливающий национальный характер символа-архетипа: на бандитских машинах и машинах «новых русских» на носу помещается огромная лебедка: «Антропологи, занимающиеся исследованием "новых русских?", считают, что на разборках такими лебедками пользуются как тараном, а некоторые ученые даже усматривают в их широком распространении косвенное свидетельство давно чаемого возрождения национальной духовности — с их точки зрения, лебедки выполняют мистическую функцию носовых фигур, украшавших когда-то славянские ладьи».

Рассмотрим несколько символов (универсальных и национальных) на материале русской поэзии. Один из важных символов, широко используемый в поэзии, — сон. Сон с позиции язычества — это всегда перемещение в иномирие, к «чужим». И в этом смысле сны для язычества не менее реальны, чем явь. Для христианства иномирия зла не существует, зло — это духовная пустота, зона отсутствия Света и Добра. У зла нет и не может быть своего, законного, постоянного места в мире: оно коренится в мире духовном, в душе человека. А сон — это естественное явление для человека, которое выводит вовне внутреннее зло человека, его состояние. Вот как, например, интерпретирует эту мысль А. Тарковский:

Мне снится какое-то море, Какой-то чужой пароход, И горе, какое-то горе; Мне темное сердце гнетет.

В конкретном поэтическом тексте конкретного автора символом может стать любое слово. Так, в поэзии С. Есенина слово голубой стало символом родной, близкой,

дорогой сердцу поэта Родины, аналогичное значение приобрело в его поэзии и слово синий:

Предрассветное, синее, нежное...

Я покинул родимый дом, Голубую оставил Русь.

Символами могут быть не только единицы языка. В 20-е годы П. А. Флоренский хотел создать «Словарь символов» (Symbolarium), который бы состоял из геометрических фигур. Действительно, известно, что, например, точка, ничтожно малая количественно, есть Принцип, посредством которого произведено все пространство; она символизирует Центр, первопричину, место, откуда все происходит и куда все возвращается. Точка, из которой исходит луч, есть Бог-творец, который творит Мирозданье, что и дает Единицу, и т.д.

Довольно часто символами могут стать цветообозначения. Как говорил Л. Витгенштейн: «Цвет побуждает нас философствовать». Во все времена ученые бились над разгадкой проблемы цвета. Последние исследования в этой области показывают, что за цвет отвечает у человека 10 пигментных генов, составляющих определенный набор — у каждого свой, поэтому два человека могут смотреть на один и тот же предмет, но воспринимать его цвет по-разному. А наблюдения над людьми со стойкими поражениями головного мозга обнаружили, что понятия о цветах, слова, выражающие эти понятия, и связь между понятиями и словами зависят от разных его систем (головного мозга). Это и объясняет, почему существуют различия в реакциях на цвет в разных культурах (например, «зеленое» в США — безопасность, а во Франции — преступление; белый цвет у китайцев — символ траура, печали, а у европейцев эти функции выполняет черный цвет). Следовательно, цветовой язык человека ментален по своей природе. За цветом люди видят смыслы.

Многие названия цветов имеют прямое отношение к свету. А. А. Потебня, ссылаясь на Зизания, пишет, что слово «багряница» толкуется через слово «белый», а потому белка так названа не потому, что в северных районах цвет ее приближается к белому, а потому, что цвета рыжий и белый тождественны по основному представлению. День имеет два устойчивых эпитета в народной культуре — красный и белый, и оба, оказывается, вначале были равны, ибо оба восходят к богу Яриле, покровителю солнца, огня. Белый и красный — символы красоты, но белый еще и символ любви — мыть бело значит «любить». Красный — не только красивый, но и яркий, связанный с огнем.

Черный цвет, исходя от огня, символизирует безобразие, ненависть, печаль, смерть, т. е. противоположную свету символику. Ночь тоже символ горя, потому что она черна, темна. Зеленый цвет тоже состоит в родстве со светом, но символизирует молодость (молодо-зелено).

Рассмотрим символическое значение цветов, присутствующих в характеристике березы у С. Есенина, где присутствуют два цвета — зеленый и белый. Здесь следует обратить внимание на цветовую символику, в отношении которой еще не сложилось устойчивого мнения. Традиционно зеленый цвет связывается с жизнью, процветанием, белый — со светом. Йоланда Якоби утверждает в своих исследованиях по юнгианской психологии, что зеленый, цвет земного, осязаемого, доступного непосредственному восприятию растительного мира, соответствует функции восприятия. А. Вежбицкая выдвигает интересную теорию, в основе которой лежит мысль о том, что цветовые концепты связаны с определенными «универсальными элементами человеческого опыта».

Цветовое восприятие возникает тогда, когда мы связываем наши зрительные категории с определенными, доступными человеку, универсальными образцами или моделями, в число которых А. Вежбицкая предлагает включить огонь, солнце, растительный мир, небо, землю (так же, как день и ночь). Таким образом, чтобы говорить о цвете, мы должны спроектировать свое восприятие на то, что нас окружает. Эта мысль, как нам кажется, прослеживается в следующем примере. Зеленый цвет, часто употребляемый при характеристике березы, — это цвет растительности. Но он может символизировать и молодость (это видно в словоупотреблении зеленый в значении «молодой»). Эту связь представлений можно рассматривать как начальную в образовании другой связи: девушка — береза, где отправной точкой для сопоставления невесты с березой является связь понятий «молодо — зелено». Вероятно, это объясняет тот факт, что береза у русских не только символ родины, России, но береза символизирует также девушку–невесту, молодую и непорочную. Вот строки из стихотворения С. Есенина «Мой путь»:

*Зеленокосая,
В юбчонке белой
Стоит береза над прудом.*

Зеленый цвет символизирует также и красоту, веселье (весна называется светлой, блестящей и веселой; кстати, слова веселый и весна созвучны, а возможно даже, состоят в родстве). Вывод А. А. Потебни о том, что зеленый значит веселый подтверждается и на материале германских языков. Таким образом, мы видим, что прилагательное, обозначающее цвет, из изобразительного эпитета переходит в оценочный. Исследователями замечено также и то, что оценочное значение очень устойчиво. Следовательно, можно говорить о том, что цветовая символика архетипична по своей структуре.

Белизна также символизирует красоту, так как слово белый используется как оценочное определение «хорошее, красивое» и находится в одном ряду со словами яркий, яркий, а они, в свою очередь, идут от имени бога света и огня славянской мифологии — Ярилы. По родству со светом (золото и гореть) белый должен был бы иметь те же значения, что и свет. Все, связанное с солнцем, светом, воспринималось как положительное, красивое. Кроме того, белый цвет, как уже было сказано выше, являлся и символом любви. Отсюда метафора у Есенина — «березки–белолицушки». Таким образом, через цветовую символику береза предстает тоже как символ грациозной красоты и чистоты.

Береза становится символом России, символом русской природы. Следует обратить внимание на есенинскую метафору: белый ствол березы = молоко (стихотворения «Пойду в скуфье смиренным иноком...», «Хулиган»). Если смотреть издали на березовую рощу, то можно увидеть сплошное бело–молочное пятно. Но есть и более глубокий подтекст у данного символа, в основе которого лежит метафора. Молоко, как правило, связывается с коровой. И, как известно, у славян это животное необычайно почиталось, так как корова давала человеку и пропитание, и одежду, укрывавшую его от холода; теми же дарами наделяла его и мать сыра земля, об этом свидетельствует и то, что творческие силы природы и стада овец, коров назывались тождественными именами. Корова считалась символом земного плодородия, что находит свое отражение в аналогичных сопоставлениях, представляющих дождевые облака дойными коровами (молоко — метафора дождя). Таким образом, молоко — это связующее звено между человеком и землей, человеком и небом. В корове воплощается идея жизни и круговорота в природе. Молоко — это близость к матери. С. Есенин, отталкиваясь от этой метафоры, находит более широкие аналогии: молоко берез — это то, чем он привязан к земле, это Родина,

старая Русь, которая и есть ему мать. Следовательно, родина у С. Есенина сближается со словами, связанными с понятиями «мать» и «земля». В народной традиции такая связь темы родины с культом рода и культом земли является устойчивой, архетипичной.

Серый цвет — это символ воскрешения из мертвых, символ Вселенского Бессознательного. Человек идентифицировался с серым цветом как с исконным цветом Вселенной (младенец живет в сером цвете, животный мир тоже). Серый — цвет траура, поэтому древние евреи посыпали себя пеплом (выражение скорби, траура).

Известны и народно-поэтические символы: осень — это старость, цветущая калина — девушка, тучи — несчастья, ветры — враги, соловей — влюбленный, орел степной — казак лихой, дожди — слезы, весна — начало любви, зима — ее умирание и т.д.

Выявить состав слов-символов в поэзии XX в., составить словарь таких поэтических символов, в котором можно было бы найти сведения не только о содержании конкретного символа, но и о его употреблении и происхождении, — задача филологической науки на ближайшее время.

Только человек, овладевший культурными ценностями нации, хорошо знающий поэзию своего народа, вознаграждается способностью пользоваться поэтическими символами и образами.

Стереотип как явление культурного пространства

Сам феномен «стереотип» рассматривается не только в работах лингвистов, но и социологов, этнографов, когнитологов, психологов, этнопсихолингвистов (У.Липпман, И. С. Кон, Ж.Коллен, Ю.Д.Апресян, Ю.А.Сорокин, В.А.Рыжков, Ю.Е.Прохоров, В. В. Красных, П. Н. Шихирев, А. В. Михеев, С. М.Толстая, Е. Барт-минский, А. К. Байбурин, Г.С.Батыгин, С.В.Силинский и др.).

Представители каждой из названных наук выделяют в стереотипе те его свойства, которые они замечают с позиций своей области исследования, а потому выделяются социальные стереотипы, стереотипы общения, ментальные стереотипы, культурные стереотипы, этнокультурные стереотипы и т.д. Например, социальные стереотипы проявляют себя как стереотипы мышления и поведения личности. Этнокультурные стереотипы — это обобщенное представление о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ. Немецкая аккуратность, русский «авось», китайские церемонии, африканский темперамент, вспыльчивость итальянцев, упрямство финнов, медлительность эстонцев, польская галантность — стереотипные представления о целом народе, которые распространяются на каждого его представителя. На учете стереотипных представлений основано большинство анекдотов о национальном характере. Приведем пример: «Послали представителям разных национальностей фильм следующего содержания: раскаленная пустыня и палящее солнце. С трудом идут мужчина и женщина. И вдруг мужчина достает сочный апельсин и отдает женщине. Зрителям задают вопрос: какой он национальности?»

Француз-зритель отвечает: «Только француз мог так галантно отнестись к даме!» Русский: «Нет. Это русский: надо же быть таким дураком! Сам бы съел». Еврей: «Нет, это еврей: кто бы мог еще достать в пустыне апельсин?» Здесь стереотипы — галантность французов, бесшабашность русских, изворотливость евреев.

Существуют автостереотипы, отражающие то, что думают люди сами о себе, и гетеростереотипы, относящиеся к другому народу, и как раз они более критичны. Например, то, что у своего народа считается проявлением расчетливости, у другого народа — проявлением жадности. Люди воспринимают этнокультурные стереотипы как образцы, которым надо соответствовать, чтобы «люди не смеялись». Поэтому стереотипы оказывают довольно сильное влияние на людей, стимулируя у них формирование таких черт характера, которые отражены в стереотипе.

Специалисты по этнической психологии, изучающие этнокультурные стереотипы, отмечают, что нации, находящиеся на высоком уровне экономического развития, подчеркивают у себя такие качества, как ум, деловитость, предприимчивость, а нации с более отсталой экономикой — доброту, сердечность, гостеприимство. Подтверждением сказанному может служить исследование С.Г.Тер–Минасовой, согласно ее результатам, в английском обществе более ценятся профессионализм, трудолюбие, ответственность и т.д., а в русском — гостеприимство, общительность, справедливость (Тер–Минасова, 2000, с. 255).

Н. В.Уфимцева дифференцирует этнические стереотипы и культурные стереотипы: этнические стереотипы недоступны саморефлексии «наивного» члена этноса и являются фактами поведения и коллективного бессознательного, им невозможно специально обучать, а культурные стереотипы доступны саморефлексии и являются фактами поведения, индивидуального бессознательного и сознания, им уже можно обучать.

Впервые понятие стереотипа использовал У.Липпман еще в 1922 г., который считал, что это упорядоченные, схематичные детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных объектов мира. При таком понимании стереотипа выделяются две его важные черты — детерминированность культурой и быть средством экономии трудовых усилий, и соответственно, языковых средств. Если алгоритмы решения математических задач экономят мышление человека, то стереотипы «экономят» саму личность.

В когнитивной лингвистике и этнолингвистике термин стереотип относится к содержательной стороне языка и культуры, т.е. понимается как ментальный (мыслительный) стереотип, который коррелирует с «наивной картиной мира». Такое понимание стереотипа встречаем в работах Е. Бартминского и его школы; языковая картина мира и языковой стереотип соотносятся у него как часть и целое, при этом языковой стереотип понимается как суждение или несколько суждений, относящихся к определенному объекту (внеязыковой) мира, субъективно детерминированное представление предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности в рамках социально выработанных познавательных моделей. Мы же считаем языковым стереотипом не только суждение или несколько суждений, но и любое устойчивое выражение, состоящее из нескольких слов, например, устойчивое сравнение, клише и т.д.: лицо кавказской национальности, седой как лунь, новый русский. Использование таких стереотипов облегчают и упрощают общение, экономя силы коммуникантов.

Ю. А. Сорокин определяет стереотип как некоторый процесс и результат общения (поведения) согласно определенным семиотическим моделям, список которых является закрытым в силу тех или иных семиотико–технологических принципов, принятых в некотором социуме. При этом семиотическая модель реализуется на социальном, социально–психологическом уровнях (стандарт) или на языковом, психологическом уровнях (норма). Стандарт и норма существуют в двух видах: как штамп (избыточно

эксплицированный сложный знак) или как клише (недостаточно эксплицированный сложный знак).

В. В. Красных делит стереотипы на два вида — стереотипы–образы и стереотипы–ситуации. Примеры стереотипов–образов: пчела — труженица, баран — упрямый, а стереотипов–ситуаций: билет — компостер, аист — капуста.

Стереотипы всегда национальны, а если встречаются аналоги в других культурах, то это квазистереотипы, ибо, совпадая в целом, они различаются нюансами, деталями, имеющими принципиальное значение. Например, феномены и ситуация очереди в разных культурах различны, а следовательно, различным будет и стереотипное поведение: в России спрашивают «Кто последний?» или просто встают в очередь, в ряде европейских стран отрывают квиток в специальном аппарате и после этого следят за цифрами, загорающими над окошком, например, на почте.

Итак, стереотип — это некоторый фрагмент концептуальной картины мира, ментальная «картинка», устойчивое культурно–национальное представление (по Ю. Е. Прохорову, «суперустойчивое» и «суперфиксированное») о предмете или ситуации. Он являет собой некоторое культурно–детерминированное представление о предмете, явлении, ситуации. Но это не только ментальный образ, но и его вербальная оболочка. Принадлежность к конкретной культуре определяется именно наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессе социализации личности в данном обществе, поэтому стереотипы считаются преценетными (важными, представительными) именами в культуре. Стереотип — это такое явление языка и речи, такой стабилизирующий фактор, который позволяет, с одной стороны, хранить и трансформировать некоторые доминантные составляющие данной культуры, а с другой — проявить себя среди «своих» и одновременно опознать «своего».

В основе формирования этнического сознания и культуры в качестве регуляторов поведения человека лежат как врожденные, так и приобретаемые в процессе социализации факторы — культурные стереотипы, которые усваиваются с того момента, как только человек начинает идентифицировать себя с определенным этносом, определенной культурой и осознавать себя их элементом.

Механизмом формирования стереотипов являются многие когнитивные процессы, потому что стереотипы выполняют ряд когнитивных функций — функцию схематизации и упрощения, функцию формирования и хранения групповой идеологии и т.д.

Мы живем в мире стереотипов, навязанных нам культурой. Совокупность ментальных стереотипов этноса известна каждому его представителю. Стереотипами являются, например, выражения, в которых представитель сельской, крестьянской культуры скажет о светлой лунной ночи: светло так, что можно шить, в то время как городской житель в этой типовой ситуации скажет: светло так, что можно читать. Подобные стереотипы используются носителями языка в стандартных ситуациях общения. Причем доминирующим в стереотипе может стать практически любой, а не только логически главный признак.

Культуросфера определенного этноса содержит ряд элементов стереотипного характера, которые, как правило, не воспринимаются носителями другой культуры; эти элементы Ю. А. Сорокин и И.Ю.Марковина называют лакунами: все, что в инокультурном тексте реципиент заметил, но не понимает, что кажется ему странным и

требующим интерпретации, служит сигналом присутствия в тексте национально-специфических элементов культуры, в которой создан текст, а именно лакун.

Устойчивость культуры, ее жизнеспособность обусловлены тем, насколько развиты структуры, определяющие ее единство, целостность. Целостность культуры предполагает выработку стереотипов культуры — стереотипов целеполагания, поведения, восприятия, понимания, общения и др., т.е. стереотипов общей картины мира. Важную роль в формировании стереотипов играет частота встречаемости определенных объектов, явлений в жизни людей, нередко выражающаяся в более продолжительных человеческих контактах именно с данными объектами по сравнению с другими, что и приводит к стереотипизации подобных объектов.

Стереотип поведения — важнейший среди стереотипов, он может переходить в ритуал. И вообще стереотипы имеют много общего с традициями, обычаями, мифами, ритуалами, но от последних отличаются тем, что традиции и обычаи характеризует их объективированная значимость, открытость для других, а стереотипы остаются на уровне скрытых умонастроений, которые существуют в среде «своих».

Итак, стереотип характерен для сознания и языка представителя культуры, он своего рода стержень культуры, ее яркий представитель, а потому опора личности в диалоге культур.

Мы используем для описания языка конкретного региона в свете лингвокультурологии схему, предложенную Н. И. Толстым в этнолингвистике: литературный язык соответствует элитарной культуре, диалекты и говоры — народной культуре и т.д.

Данная схема может быть использована при лингвокультурологи-ческом описании любого другого региона.

Наиболее яркой языковой особенностью, в которой отражена культура народа, являются фразеологизмы и паремии, метафоры и символы. Например, в языке закрепляются мифологемы, архетипы, эталоны, стереотипы, обычаи, ритуалы, верования.

Национально-культурное своеобразие ФЕ, метафор, символов формируется посредством культурной коннотации. И тем не менее мы утверждаем, что язык не является хранилищем культуры.

Единица языка — слово — является лишь сигналом, функция которого — пробудить человеческое сознание, затронуть в нем определенные концепты, готовые откликнуться на этот сигнал.

Язык же является лишь механизмом, способствующим кодированию и трансляции культуры. Истинным хранителем культуры являются тексты. Не язык, а текст отображает духовный мир человека. Именно текст напрямую связан с культурой, ибо он пронизан множеством культурных кодов, именно текст хранит информацию об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, т.е. обо всем, что составляет содержание культуры. В свою очередь, правила построения текста зависят от контекста культуры, в котором он возникает.

Текст создается из языковых единиц низших уровней, которые при соответствующем подборе могут усилить культурный сигнал. Именно такими единицами в первую очередь и являются фразеологизмы.

Вопросы и задания

1. Как соотносятся реальные язык и культура? Дополните схему:

Литературный язык —культура;

Диалекты и говоры —культура;

..... — «третья культура», т.е. культура для народа;

..... — профессиональные субкультуры.

2. Назовите несколько кличек (прозвищ), которые известны вам (клички товарищей, однокурсников, политических деятелей). К какому типу культуры относится само это явление?

3. Приведите 5 русских фразеологизмов и 5 фразеологизмов из изучаемого вами иностранного языка, в которых была бы отражена национальная специфика.

4. Найдите в поэтических текстах Б.Л.Пастернака 10 метафор, которые описывали бы: а) мир; б) природу; в) чувства человека; г) его эмоциональные состояния.

5. Какие понимания символа вам известны? Приведите примеры символов–чисел и цветосимволов. Какие из них являются национальными символами, а какие универсальными?

6. Какую роль играют стереотипы в культуре? Каковы их функции?

ГЛАВА 5

БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА В КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКЕ

Человек — носитель национальной ментальности и языка

Наша эпоха — конец XX — начало XXI в. — характеризуется неравномерным развитием наук: наблюдается резкий скачок технической цивилизации и слишком медленное развитие гуманитарных наук, основным предметом которых является человек в его делах и поступках, мыслях и устремлениях, фантазиях и эмоциях.

Цивилизация позволила создать мощные силы уничтожения самого человека, его порабощения, а гуманитарные науки пока не способны его спасти, ибо не обладают достаточными познаниями, чтобы понять человека и сделать совершенным его поведение. Активно развивается сейчас лишь одна из многих гуманитарных областей — средства пропаганды и воздействия на массы. Доказательством слабости интеллекта человека может считаться тот факт, что с каждым новым правителем у нас возникают иллюзии, что к власти приходит более умная, волевая, добрая личность.

Современный стиль мышления техногенной цивилизации породил новый язык — язык примитивно–уродливого, чрезмерно прагматичного технического мышления, когда о жизни говорят в военных или медицинских терминах: битва за урожай, операция в Чечне и т. п.

В последнее время в философии, культурологии, лингвистике, лингвокультурологии наметилась тенденция к более полному изучению человека: его природы, внешности, внутреннего мира, менталитета и т.д. Причем крепнет убежденность в том, что путь к осмыслению феномена человека лежит не через естественные науки, а через естественные языки.

Наша цель — показать, как узнать больше о человеке, исходя из его языка. Ведь язык — не просто средство коммуникации, передачи и выражения мысли. Такой подход ставит во главу угла использование языка, а не его сущностное начало, которое определяется его основной функцией: в языке оформляется концептуальный образ мира.

Человек понимается нами как носитель определенной национальной ментальности и языка, участвующий в совместной деятельности (и что особенно важно — речевой деятельности) с другими представителями национальной общности.

Для современной науки интерес представляет уже не просто человек, а личность, т.е. конкретный человек, носитель сознания, языка, обладающий сложным внутренним миром и определенным отношением к судьбе, миру вещей и себе подобным. Он занимает особое положение во Вселенной и на Земле, он постоянно вступает в диалог с миром, самим собой и себе подобными. Созданный по образу и подобию Божьему, он обладает свободой воли. Человек — существо социальное по своей природе, «человеческое в человеке порождается его жизнью в условиях общества, в условиях созданной человечеством культуры» (А. А. Леонтьев).

Нас интересует не человек вообще, а человек в языке. Дело в том, что язык — единственное средство, способное помочь нам проникнуть в скрытую от нас сферу

ментальное™, ибо он определяет способ членения мира в той или иной культуре. Он рассказывает нам о человеке такие вещи, о которых сам человек и не догадывается.

И.А.Гончаров в письме к Е.Н.Нарышкиной писал: «Язык не есть только говор, речь: язык есть образ всего внутреннего человека: его ума, того, что называется сердцем, он выразитель воспитания, всех сил умственных и нравственных».

Может быть, потому, что мир и мы порождены Словом, оно нам так интересно. В. Гумбольдт писал: «Изучение языка не включает в себе конечной цели, а вместе со всеми прочими областями служит высшей и общей цели познания человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя»¹. Но чтобы понять до конца эту мысль великого лингвиста, потребовалась не одна сотня лет.

Философия второй половины XX в. развивается благодаря скрупулезному анализу языка. Язык для философа — не только средство выражения философских концепций, но и средство познания мира и человека. Итак, если вначале было Слово, то именно оно — важнейший источник знаний, именно в нем заложена вся информация о мире и о человеке.

Целью философской мысли стал человек, который познается через семиотическую деятельность, предполагающую существование «другого». Вероятно, поэтому М. Бубер, известный еврейский философ, открыл новый объект исследования: Я— Ты—отношения, в которых живет человек. Фактически это диалогические отношения, при которых без Ты невозможно Я, а путь человека — это всегда путь вместе с другим человеком, это жизнь в общности. Человек, познающий мир, — это человек—с—человеком. Еще Л.Фейербах писал, что человеческая сущность налицо только в общении, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся лишь на реальность различия между Я и Ты. В этом универсальном диалогическом отношении заключено учение о человеке, о его месте в мире, о его отношении к Богу, природе, другим людям. Сущностным является отношение человека к другому. М. Бубер указывает на тройственное жизненное отношение человека: к миру, к человеку, к Богу. Сущностное отношение к миру завершается в искусстве, отношение к человеку — в любви, а отношение к Богу — в религиозном откровении. Отношение Я— Ты между человеком и человеком раскрывается в диалоге, оформлено в речи. Наше Ты, обращенное к Богу, — это наш ответ на зов, который мы не слышим, но чувствуем. Подлинный диалог с Богом безмолвен, но он порождает речь.

М. Бубер пишет: «Мы приблизимся к ответу на вопрос "Что есть человек?" после того, как научимся видеть в нем существо, в чьей динамической природе и органической способности быть вдвоем совершается и опознается встреча Одного и Другого»¹. В работе «Проблема человека» он отмечает, что предметом исследования должна стать целостная и конкретная человеческая личность, для исследования которой должны привлекаться данные из других наук — психологии, этнографии, биологии и т.д. Не последнее место в этом ряду должна занять лингвистика.

Человек — основной объект исследования в целом ряде литературных жанров: жизнеописаниях, хрониках, летописях, автобиографиях, произведениях эпистолярного жанра, некрологах и проповедях.

Э. Бенвенист в статьях, написанных в 60–е годы и вышедших в русском переводе в 1974 г., пишет, что язык заключен в самой природе человека, поэтому он не может быть искусственным изобретением: «В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому

определению человека... Именно в языке и благодаря языку человек конструируется как субъект, ибо только язык придает реальность, свою реальность, которая есть свойство быть...».

На рубеже тысячелетий интерес к изучению человека возрос: с 1990 г. стал выходить журнал «Человек», в конце 1991 г. в РАН был создан Институт человека; в 1990 г. вышел сборник «Человек и культура», а в 1991 — сборник «О человеческом в человеке». Большой вклад в исследование проблемы «Человек в языке» внесла Н.Д.Арутюнова, в 1998 г., выпустившая книгу «Язык и мир человека», а в 1999 г. под ее редакцией вышла книга «Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке».

Большой интерес для культурологии в свете проблемы взаимосвязи национальной ментальности и языка представляют работы Н.В.Уфимцевой и Ю.А. Сорокина, где представители одной нации показаны сквозь призму видения представителей другой нации, например, русские глазами американцев, японцев и т.д. Сами русские дают себе такие характеристики (даны в порядке от большей к меньшей частотности): гостеприимные (5 ответов), радушные (5 ответов), добрые (4), душевные (4), терпеливые (4), щедрые (3), открытые (2), доверчивые (2), талантливые (2), изобретательные (2), отзывчивые (1), интеллигентные (1), невоспитанные (1), задумчивые (1), начитанные (1), искренние (1), лицемеры (1), умные (1), ограниченные (1), лихие (1), сдержанные (1), оптимистичные (1), отчаявшиеся (1), веселые (1), несчастные (1), усталые (1), издерганные (1), серые (1), мрачные (1), жадные (1), злые (1), безынициативные (1), остроумные (1), великие (1), ленивые (1), бунтари (1) и т.д.

Американцы видят русских такими: материалисты (7), дружелюбные (4), расточительные (3), громко говорят (2), любят развлечения (2), свободные (2), гордые (2), индивидуалисты (2), преданные делу (2), ориентированные на конкурентов (2), много работают (1), целеустремленные (1), мотивированные (1), честолюбивые (1), агрессивные (1), жадные (1), противные (1), высокомерные (1), грубые (1), ленивые (1), изобретательные (1), добрые (1), счастливые (1) и т.д. Набор качеств, характеризующий портреты и автопортреты русских, представляет собой противоречивое, но целостное образование, в котором авторы выделяют ядро и периферию.

По методике, предложенной Ю. А. Сорокиным, мы провели эксперимент, в котором попытались установить национальную идентификацию белорусов с точки зрения русских и украинцев. Были получены следующие результаты.

Белорусы глазами русских (120 испытуемых, посетивших следующие страны: Армению, Англию, Белоруссию, Венгрию, Германию, Голландию, Канаду, Китай, Латвию, Польшу, Узбекистан, Чехию, Эстонию): трудолюбивые (27), добрые (16), бережливые (11), гостеприимные (11), едят бульбу (7), добродушные (6), миролюбивые (6), неактивные (6), общительные (6), открытые (6), себе на уме (6), веселые (5), любят Россию (5), прижимистые (4), говорят по-русски (3), жадные (3), замкнутые (3), порядочные (3), сельскохозяйственные (3), экономные (3), говорливые (2), мягкие (2), наивные (2), националисты (2), негостеприимные (2), приветливые (2), работающие (2), «серые» (2), симпатичные (2), скрытные (2), спокойные (2), терпеливые (2), аккуратные (1), вежливые (1), дисциплинированные (1), домоседы (1), ленивые (1), не вредные (1), немногословные (1), собранные (1), сплоченные (1), справедливые (1), умные (1), хитрые (1), хлебосольные (1), чистоплотные (1).

Белорусы глазами украинцев (110 испытуемых, посетивших следующие страны: Белоруссию, Венгрию, Киргизию, Латвию, Литву, Молдову, Польшу, Россию, Турцию,

Чехию, Эстонию, Югославию): скупые (12), терпеливые (11), трудолюбивые (11), покладистые (10), добродушные (9), жадные (9), экономные (8), работоспособные (4), мягкие (3), спокойные (3), любят застолья и песни (2), иногда «серенькие» (2), болтливы (2), похожи на нас (2), скромные (2), вежливые (2), националисты (2), обаятельные (2), покорные (2), доброжелательные (2), простые (2), человечные (1), вредные (1), отзывчивые (1), радушные (1), упрямые (1).

Следовательно, если с точки зрения русских белорусы трудолюбивые, добрые, бережливые, гостеприимные (четыре наиболее частотные реакции), то украинцы считают их скупыми, терпеливыми, трудолюбивыми, покладистыми. Небольшой пилотажный эксперимент позволяет установить также лидеров нации не путем аутонаблюдений и мнений, а через восприятие другими народами, которые менее обработаны в этом направлении СМИ. Конечно же, самопонимание важно для установление истинного положения вещей, но еще важнее, как тебя понимают соседние народы. Подобные знания помогают предвидеть многие этнические конфликты и в какой-то мере предупреждать их. Таким образом, в языке отражена национальная ментальность, которая может быть исследована с помощью простого психолингвистического эксперимента.

Язык является одним из важнейших средств идентификации человека. Поэтому резкое обновление языка можно считать насилием над языковой личностью: в этой ситуации человек лишается привычного средства самореализации и самопонимания. Хотя язык и порождается жизнью, в своем функционировании он отрывается от нее (ибо слова наполняются иным смыслом) и сам начинает ее творить.

Языковая личность

Как известно, творит культуру и живет в ней человек, личность. Именно в личности на передний план выходит социальная природа человека, а сам человек выступает как субъект социокультурной жизни.

Есть и иные концепции личности. Так, известный американский психолог А.Маслоу видит человека как бытие внутренней природы, которая почти независима от внешнего мира и которая есть исходная предпосылка всякой психологии, а жизнь в согласии с внутренней природой рассматривается как причина психического здоровья. Становление личности, с точки зрения А. Мас-лоу, — это движение к идеалу, в качестве которого выступает личность, всесторонне реализовавшая себя. Он пишет: «Человеческому существу, чтобы жить... необходимы система координат, философия жизни, религия (или заменитель религии), причем они нужны ему почти в той же мере, что и солнечный свет, кальций или любовь»¹.

Личность должна рассматриваться в перспективе культурной традиции народа, этноса (Пископпель, 1997), ибо для рождения человека в человеке необходим культурно-антропологический прототип, который формируется в рамках культуры.

Категории культуры — это пространство, время, судьба, право, богатство, труд, совесть, смерть и т.д. Они отражают специфику существующей системы ценностей и задают образцы социального поведения и восприятия мира. Это своеобразная система координат, которая формирует языковую личность.

Первое обращение к языковой личности связано с именем немецкого ученого И. Вейсгербера. В русской лингвистике первые шаги в этой области сделал В.В.Виноградов, который выработал два пути изучения языковой личности — личность автора и личность

персонажа. О говорящей личности писал А. А. Леонтьев. Само понятие языковой личности начал разрабатывать Г. И. Богин, он создал модель языковой личности, в которой человек рассматривается с точки зрения его «готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи». Ввел же это понятие в широкий научный оборот Ю. Н. Караулов, который считает, что языковая личность — это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью».

Ю. Н. Караулов разработал уровневую модель языковой личности с опорой на художественный текст (Караулов, 1987). Языковая личность, по его мнению, имеет три структурных уровня. Первый уровень — вербально-семантический (семантико-строевой, инвариантный), отражающий степень владения обыденным языком. Второй уровень — когнитивный, на котором происходит актуализация и идентификация релевантных знаний и представлений, присущих социуму (языковой личности) и создающих коллективное и (или) индивидуальное когнитивное пространство. Этот уровень предполагает отражение языковой модели мира личности, ее тезауруса, культуры. И третий — высший уровень — прагматический. Он включает в себя выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности.

Следовательно, кодирование и декодирование информации происходит при взаимодействии трех уровней «коммуникативного пространства личности» — вербально-семантического, когнитивного и прагматического.

Концепция трехуровневого устройства языковой личности определенным образом коррелирует с тремя типами коммуникативных потребностей — контактоустанавливающей, информационной и воздействующей, а также с тремя сторонами процесса общения — коммуникативной, интерактивной и перцептивной.

Уровневая модель языковой личности отражает обобщенный тип личности. Конкретных же языковых личностей в данной культуре может быть множество, они отличаются вариациями значимости каждого уровня в составе личности. Таким образом, языковая личность — это многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей. При этом речевая личность — это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности. Именно на уровне речевой личности проявляются как национально-культурная специфика языковой личности, так и национально-культурная специфика самого общения.

В содержание языковой личности обычно включаются такие компоненты:

- 1) ценностный, мировоззренческий, компонент содержания воспитания, т.е. система ценностей, или жизненных смыслов. Язык обеспечивает первоначальный и глубинный взгляд на мир, образует тот языковой образ мира и иерархию духовных представлений, которые лежат в основе формирования национального характера и реализуются в процессе языкового диалогового общения;
- 2) культурологический компонент, т.е. уровень освоения культуры как эффективного средства повышения интереса к языку. Привлечение фактов культуры изучаемого языка, связанных с правилами речевого и неречевого поведения, способствует формированию навыков адекватного употребления и эффективного воздействия на партнера по коммуникации;

3) личностный компонент, т.е. то индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке.

Параметры языковой личности только начинают разрабатываться. Она характеризуется определенным запасом слов, имеющих тот или иной ранг частотности употребления, которые заполняют абстрактные синтаксические модели. Если модели достаточно типичны для представителя данного языкового коллектива, то лексикон и манера говорения могут указывать на его принадлежность к определенному социуму, свидетельствовать об уровне образованности, типе характера, указывать на пол и возраст и т.д. Языковой репертуар такой личности, деятельность которой связана с выполнением десятка социальных ролей, должен быть усвоен с учетом речевого этикета, принятого в социуме.

Языковая личность существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях (научном, бытовом и др.), в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры и т.д. Определяющая роль в культуре принадлежит ценностям нации, которые являются концептами смыслов.

Культурные ценности представляют собой систему, в которой можно выделить универсальные и индивидуальные, доминантные и дополнительные смыслы. Они находят отражение в языке, точнее, в значениях слов и синтаксических единиц, во фразеологизмах, в паремиологическом фонде и прецедентных текстах (по Ю.Н.Караулову). Например, во всех культурах осуждаются такие человеческие пороки, как жадность, трусость, неуважение к старшим, лень и др., но в каждой культуре эти пороки имеют разную комбинаторику признаков.

Для каждой культуры можно разработать параметры, которые будут своеобразными ее координатами. Такие параметры будут считаться исходными ценностными признаками.

На сегодняшний день известны различные подходы к изучению языковой личности, определяющие статус ее существования в лингвистике: полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) личности (В.П.Нерознак), этносемантическая личность (С. Г. Воркачев), элитарная языковая личность (О.Б.Сиротинина, Т.В.Кочеткова), семиологическая личность (А. Г. Баранов), русская языковая личность (Ю. Н. Караулов), языковая и речевая личность (Ю.Е.Прохоров, Л.П.Клобукова), языковая личность западной и восточной культур (Т. Н. Снитко), словарная языковая личность (В. И. Карасик), эмоциональная языковая личность (В.И.Шаховский) и т.д.

Есть и другие концепции языковой личности. Так, В. В. Красных выделяет в ней следующие компоненты: 1) человек говорящий — личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность; 2) собственно языковая личность — личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая совокупностью знаний и представлений; 3) речевая личность — это личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, репертуар средств; 4) коммуникативная личность — конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации.

В данном пособии мы будем оперировать лишь двумя составляющими языковой личности — собственно языковой и коммуникативной.

Итак, языковая личность — социальное явление, но в ней есть и индивидуальный аспект. Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов; но при этом не следует забывать, что языковая личность оказывает влияние на становление языковых традиций. Каждая языковая личность формируется на основе присвоения конкретным человеком всего языкового богатства, созданного предшественниками. Язык конкретной личности состоит в большей степени из общего языка и в меньшей — из индивидуальных языковых особенностей.

Личность вообще, по образному определению Н.Ф.Алефирен-ко, рождается как своеобразный «узелок», завязывающийся в сети взаимных отношений между членами конкретного этнокультурного сообщества в процессе их совместной деятельности. Иными словами, основным средством превращения индивида в языковую личность выступает его социализация, предполагающая три аспекта: а) процесс включения человека в определенные социальные отношения, в результате которого языковая личность оказывается своего рода реализацией культурно-исторического знания всего общества; б) активная речемыслительная деятельность по нормам и эталонам, заданным той или иной этноязыковой культурой и в) процесс усвоения законов социальной психологии народа. Для становления языковой личности особая роль принадлежит второму и третьему аспектам, поскольку процесс присвоения той или иной национальной культуры и формирование социальной психологии возможны только посредством языка, являющегося для культуры, по выражению С.Лема, тем же, что центральная нервная система для жизнедеятельности человека. Лингвокультурная личность — закрепленный в языке (преимущественно в лексике и синтаксисе) базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляющий вневременную и инвариантную часть структуры личности.

Мужчина и женщина в обществе, культуре и языке

Человек предстает в двух ипостасях — мужчина и женщина. Оппозиция «мужской—женский» — фундаментальная для человеческой культуры. Этому есть многочисленные доказательства. Одно из них коренится в древних представлениях о мире: Слово, дух — отец всего сущего, а материя — мать. Результат их слияния — Вселенная и все, что в ней есть.

В антропоморфной модели Вселенной женщина приравнивалась к Бездне, которая, по представлениям язычников, тем не менее считалась первоисточником всего живого в Мироздании. Женщина — олицетворение судьбы, и в языках сохранилось это представление — древнерусское «кобь» — судьба (ср. польское kobieta — женщина).

С другой стороны, женщина — символ нижнего мира, греховности, зла, всего земного, тленного.

В архаических обществах, где условия выживания и труда были предельно сложными, особых тендерных (половых) различий историки не фиксируют. Когда женщины доверили мужчинам пасти скот, те превратились в кормильцев. Последующее «половое» разделение труда позволило мужчине утвердиться в истории в качестве абсолютного субъекта. Именно мужская деятельность покорила природу и женщину. Женщина была признана мужчиной хотя и половиной, но второй, как бы дополнительной, его «другим Я». Следовательно, тендерное неравенство вошло в культуру вместе с социальным прогрессом.

В классической культуре и философии женщина также противопоставлялась мужчине: женщина — хранительница генофонда, она обладает самым ценным в природе качеством — способностью воспроизводить жизнь, продолжать род, т.е. воспроизводит традиционные ценности, обеспечивая функции сохранения жизни сообщества. Несмотря на это, она ассоциируется в обществе с иррациональностью (Аристотель), аморальностью (Шопенгауэр), чувственностью (Кант), существом с массой недостатков (Фрейд) и т.д.

Итак, в нашей культуре женщина — это хаос, которому придает порядок мужчина. Пифагор считал, что существует положительный принцип, который создал порядок, свет и мужчину, и отрицательный, который создал хаос, сумерки и женщину. В Евангелии Иисус ни словом не унижил женщину, а апостол Павел в своих посланиях и проповедях низвел женщину в подчиненное положение, и эти взгляды стали основой в христианстве. Ева возникла из ребра Адама как его подруга и помощница, и в этом цель ее бытия. Утренняя молитва Ветхозаветного человека гласит: «Благословен Господь, не сотворивший меня женщиной». На этом постулате были выстроены история и философия, язык и религия и т.д.

Восточнославянские языки, как и немецкий, французский и ряд других, в отличие от английского, где различается «sex» (биологический пол) и «gender» (пол как социокультурная категория), не дифференцируют эти понятия. Однако рассмотрение пола только как биологического явления обедняет и упрощает это категориальное понятие, ибо маскулинность (мужественность) и фемининность (женственность) — это, с одной стороны, филогенетически обусловленные свойства психики, а с другой — социокультурные образования, складывающиеся в онтогенезе. Современные социологи и философы рассматривают понятия «пол» и «гендер» как противоположные. Гендер — это социокультурная категория, не предполагающая традиционного рассмотрения половых ролей.

Первоначально маскулинность и фемининность были зафиксированы в мифологии как основная бинарная дихотомия, посредством которой интерпретировался весь мир — и славянские представления о Земле–матери и Небе–отце, и древнекитайская концепция Инь и Янь, и древнегреческий миф об андрогинах тому подтверждение.

Научный интерес к данным феноменам был отмечен еще в конце XVIII в., когда бурное развитие естественных наук заставило посмотреть на маскулинность и фемининность с точки зрения законов природы. Так, Ч.Дарвин утверждал, что мужская агрессивность и интеллектуальность имеют физиологический субстрат, т. е. являются доминирующими, или мужскими, признаками. Его современные последователи рассматривают маскулинность — фемининность как генетически предопределенные формы поведения — «биограммы».

«Женский вопрос» — это вопрос об участии женщин в политике, он возник в 1791 г. во время Французской революции. Французская писательница Олимпия де Гуж воскликнула: «Если женщина имеет право взойти на эшафот, она должна иметь право подняться и на трибуну». Последователи де Гуж, ратовавшие за то, что femme (женщина) — тоже человек, получили название феминисток. Родоначальницей современного феминизма стала французская писательница и философ Симона де Бовуар, которая в своей классической работе «Второй пол» показала, что мужчина — творец истории, а женщина — лишь объект его власти. XIX век стал для женщины веком попытки установить социальное и политическое равенство. Но если достичь социальное равенство было проще, то политическое равенство достигалось с трудом. Впервые в мире — в Дании

в 1915 г., в России в 1917 г., в Германии в 1919 г., во Франции в 1944 г. — женщины получили право избираться и быть избранными. Первые декреты советской власти дали российской женщине и социальные, и политические права.

С конца XIX в. феномен маскулинности — фемининности начинает рассматриваться как явление социального порядка, когда социальная дифференциация общества представляется как результат естественного разделения функций в обществе по признаку пола. Если в начале XX в. фемининность была представлена двумя противопоставленными полюсами — роль добропорядочной женщины и роль проститутки, то в начале XXI в. роли сменились (роль домохозяйки и роль женщины, стремящейся к продвижению в карьере). Другие женские роли — женщина-вамп, страж сексуальной морали, мать, жертва, хозяйка в доме и т.д. Если раньше женщине навязывалась роль домашней хозяйки и роль матери, то теперь вмещается совмещение семейных и производственных ролей при полном исключении ее из процесса принятия решений, т.е. вместо эмансипации постсоветская женщина получила двойную и непосильную нагрузку.

В общей социологии выделяется социальная феминология, или просто феминология, — наука о положении и функциональных ролях женщины в обществе. Термин же «феминистка» негативно оценивается современным социумом, в народном сознании — это нечто среднее между «лесбиянкой» и «нимфоманкой»; доказательством тому является и следующая дистрибуция (окружение) термина: оголтелые, взбесившиеся феминистки, а все феминистские теории называются не иначе как специфическая теория, женская теория и т.д.

Рождение мальчиков в семье всегда было более предпочтительным. Причина тому — патриархальность семейных отношений, где глава семьи и ее кормилец — мужчина. Здесь уместно привести следующую притчу. Веет крестьянин рожь и приговаривает: «Одну часть на ветер брошу (= уплачу налоги), другую в воду брошу (— отдам дочери, которая уплывает в другую семью), третью съем сам, четвертой долги отдам (дам родителям), а пятую в долг дам (= дам сыну, который будет кормить в старости)».

Культурой навязываются такие социально-половые роли и формы поведения, складываются такие ролевые ожидания, которые усугубляют дифференциацию полов. Поляризация полов стала рассматриваться как проявление «естественных» качеств мужчины и женщины. Следовательно, дихотомия полов смоделирована обществом и культурой, и абсолютно права Симон де Бовуар, утверждение которой стало крылатым: «Женщиной не рождаются, женщиной становятся». Немецкая исследовательница Карин Хаузен также объясняет образование стереотипов половых ролей разделением семейной жизни и трудовой деятельности. Действительно, «предписанных природой» социальных ролей не существует, а быть на вторых ролях женщин вынуждает общество.

Тендер — это большой комплекс социальных и психологических процессов, а также культурных установок, порожденных обществом и воздействующих на поведение национальной языковой личности. Таким образом, в гендере происходит сложнейшее переплетение культурных, психологических и социальных аспектов. Поэтому он представляет интерес не только для философов и социологов, но и для представителей целого ряда наук, в том числе лингвистов. Так, существует гендерная психология, формируются тендерная лингвистика, гендерная поэтика.

В нашей работе категория гендера рассматривается как явление культуры и языка, т.е. в аспекте лингвокультурологии. Наша задача — увидеть невидимое в обыденном

языке и языке поэзии. Попытаемся показать, как в языке преломляется эта категория. Вся традиционная западная (и не только) культура является гетеросексуальной и маскулиноцентричной. И это сказывается в первую очередь на языке: у целого ряда народов само понятие «человек» ассоциируется только с мужчиной, немецкое *das Man*, английское *a man*, французское — ип *homme* — мужчина и человек.

Даже само слово женщина имеет негативное происхождение: все слова, кончающиеся на –щина в русском языке имеют негативную коннотацию (презрение или пренебрежение) — деревенщина, казенщина, групповщина, чертовщина. Слово женщина вышло из славянского жено и несло на себе коннотацию пренебрежения. По мере развития цивилизации словом был утрачен этот ореол.

Мужская культура учит акцентировать внимание на действии, а не на состоянии, на результате, а не на его процессе. Даже различные сентенции структурированы с маскулиных позиций: «Пришел, увидел, победил!», «Пан или пропал» и т.д. Вместе с тем с фемининных позиций утверждение конструируется через вопрос, «усомнение».

В середине 60–х годов наблюдался всплеск интереса к гендерной теме в лингвистике, вылившийся в три основные направления исследований:

- 1) социальная природа мужских и женских языков;
- 2) особенности речевого поведения;
- 3) когнитивный аспект различий.

Наибольший интерес для нас представляет второе и третье направления исследований.

Одной из первых работ, касающихся гендерной лингвистики, была работа О. Есперсена «The Language». В ней есть глава «The Woman» (женщина), а глава «The Man» отсутствует, ибо женский язык считается маркированным, а мужской — соответствующим литературной норме. В английских словарях слова о женщинах в основном негативно-оценочные. Так, в словаре Роже в рубрике «untidy» (неопрятный) все слова относятся к женщине: *slut*, *frump*, *bitch* и др. В рубрике же образованность — все слова о мужчинах, кроме двух, выражающих претензию на образованность: *pedantess*, *bluestocking*.

Немецкая исследовательница Трёмль–Плётц в 1987 г. опубликовала книгу «Язык женщин», в которой утверждает, что дискриминация женщин по языку выражается не только в речевом поведении, где мужчина — всегда ведущий партнер диалога, но и в употреблении слов мужского рода для обозначения женщин (автор, пассажир, врач), употреблении местоимений мужского рода в обобщенном значении (всякий, каждый) и т.д.

Поскольку речевое поведение тендеров строится на базе исторически сложившихся стереотипов, зафиксированных в языке, то можно сказать, что тендерные стереотипы — это система представлений о том, как должны вести себя мужчина и женщина. Было установлено, что у мужчин и женщин различны и стратегии поведения, и стратегии речевой коммуникации. Еще Ф.Ницше заметил, что счастье мужчины зовется «Я хочу!», а счастье женщины — «Он хочет!» Как бы под этим девизом строятся речевые стратегии мужчин и женщин.

Под речевым поведением мы, вслед за А.Е.Супруном (1996), понимаем весь комплекс отношений, включенных в коммуникативный акт, т.е. вербальную и невербальную информацию, пара-лингвистические факторы, а также место и время

речевого акта, обстановку, в которой этот факт происходит и т.д. Следовательно, речевое поведение — это речевые поступки индивидуумов в типовых ситуациях коммуникации, отражающих специфику языкового сознания данного социума.

Поскольку мужчина и женщина принадлежат к различным социальным группам и выполняют различные социальные роли, то общество ждет от них определенных моделей речевого поведения. И действительно, существует гендерная дихотомия в речевом поведении. Мужской тип коммуникации — это менее гибкая, но более динамичная и менее ориентированная на собеседника коммуникация. Наиболее распространенный жанр коммуникации у мужчин — беседа–информация, а у женщин — частная беседа. Женщины чаще используют обратную связь, поддерживая ее словом «да», которое еще не означает согласие. Как раз это «да» сбивает мужчин, которые часто жалуются, что женщина в процессе беседы все время соглашалась и вдруг в конце заявила противоположное.

Женский тип коммуникации более ориентирован на собеседника, на диалог, на подчиненную роль в общении, где мужчина выбирает и меняет тему разговора.

С одной стороны, общество выработало такие стереотипы поведения, согласно которым женщина играет подчиненную роль при мужчине, она должна быть хорошей хозяйкой, способной выполнять любую работу, должна быть доброй, терпеливой, послушной, нежной, верной, красивой, всегда желанной. Отсутствие мужа в этой модели рассматривается как отход от нормы, а уход от мужа — как бунт. Норма же — семья с мужчиной во главе и с разделением ролей. С другой стороны, женщина при этом всегда негативно оценивается мужским обществом, свидетельством чему являются философские, исторические, литературные дискурсы, политические события.

Для исследования гендерного речевого поведения мы провели ассоциативный эксперимент, где в качестве слов–стимулов были выбраны слова женственность, мужественность, красота, сила, слабость, нежность, надежность, измена, блуд. Было взято 400 испытуемых — 200 девушек и 200 юношей в возрасте от 16 и до 20 лет (учащиеся X—XI классов школ г. Витебска и студенты I и II курсов ВГУ). В качестве рабочей гипотезы была выдвинута мысль о том, что язык, выполняя кумулятивную функцию, фиксирует в ассоциациях определенные гендерные стереотипы. Цель эксперимента — выявление специфики образов языкового сознания мужчин и женщин — носителей русского языка.

В результате эксперимента нами было установлено, что в русском языковом сознании лиц обоего пола женственность ассоциируется прежде всего с красотой, нежностью, обаянием, изяществом, грацией.

Женщины, оценивая себя, делают акцент на внутренних, личностных качествах (уточненность, шарм, ум, изысканность, мягкость, мудрость, уравновешенность, неповторимость, вежливость, тактичность и т.п.), в то время как мужчины в большинстве своем оценивают женщин по внешним данным (красота, волосы, ноги, любовь, кровать, секс, глаза, модель, фигура, вуаль).

Женщины более критичны к мужчинам, чем сами они. Мужественность для них не только сила, храбрость, отвага, надежность, бесстрашие, благородство, но и жестокость, война, ложь. Подобные резкие оценки мужественности не характерны для представлений мужчин, в ответах которых не было ни одного слова с негативной окраской, а только такие, как сила, достоинство, выносливость, решительность, уверенность и подобные. Визуальные образы сознания более разнообразны и оригинальны у женщин.

Красота тоже по-разному оценивается мужчиной и женщиной. Если в оценках женщин (привлекательность, женщина, природа, молодость, девушка, женственность и др.) затронут сравнительно широкий спектр объектов, оцениваемых с этой точки зрения, то мужчина чаще всего оценивает конкретную женщину (женщина, девушка, волосы, лицо, тело, формы, индивидуальность).

Силу мужчины оценивают более подробно и тщательно, чем женщины: у них 92 варианта ответов, а у женщин всего 61, большая часть из которых синонимы силы: мощь, мощность, стойкость, здоровье и др.

Разное отношение у мужчин и женщин к измене и блуду, если для женщины это прежде всего предательство, ложь, подлость, обман, обида, месть (все слова, кроме одного позитивного — любовь и двух нейтральных — брак и загадка, обладают ярко выраженной негативной коннотацией), то у мужчин позитивных и нейтральных слов значительно больше: любовь, Родина, верность, дом, семья, друг и т.п.

Таким образом, в эксперименте выявлены значительные различия образов языкового сознания мужчин и женщин.

В русской культуре многие, даже нравственные, понятия ориентированы на пол. Так, понятие стыда больше ассоциируется со слабым полом: девичий стыд; потерять стыд (чаще говорят о женщине). Порядочность — также в основном имеет отношение к женщине, ибо женская порядочность для русского человека — это покорность мужу, скромность, верность.

Наши наблюдения позволяют констатировать, что не только женский язык считается маркированным, но и в самой паре противопоставленных слов «мужчина—женщина» слово «женщина» — маркировано. В аналогичных парах при кажущемся равноправии один член всегда воспринимается как более значимый, а второй как производный и маркированный: свет—тьма, день—ночь, мужчина—женщина. Немаркированный член всегда возглавляет пару: жених и невеста, дед и баба. Конечно же, лингвистическая маркированность не может быть признана единственным и решающим аргументом в вопросе отражения тендерных отношений в языке, но мы не можем не видеть в этом культурную традицию, нашедшую отражение в языке.

То, что фактор пола находит отражение в языке, подтверждают и следующие наблюдения: в семьях с мальчиками чаще говорят на диалекте, а с девочками — на литературном языке; у женщин и мужчин разное отношение к юмору: у первых смех и шутки направлены на интеграцию в группе, у вторых — на индивидуальную конфронтацию (Дж.Лакофф).

Нас интересуют также сравнения, которые есть самый древний вид интеллектуальной деятельности, предшествующий счету. На основе сравнения и других интеллектуальных приемов у каждого народа вырабатываются свои стереотипы и символы. Так, у русских женщина сравнивается с березой, цветком, рябиной; у белорусов — с калиной; литовцы не могут сравнивать женщину с березой, ибо род существительного влияет на формирование символа, а у литовцев береза — мужского рода. Ч.Айтматов сравнивает женщину с кобылицей.

Язык зафиксировал патриархальную установку: в нем прочно закрепились стереотипы, согласно которым женщине присущи многие пороки, поэтому сравнение с

ней мужчины — всегда несет негативную окраску: болтлив, любопытен, кокетлив, самовлюблен, капризен, истеричен как женщина, женская логика; женщину же сравнение с мужчиной только украшает: мужской ум, мужская хватка, мужской характер. Женщине приписывается неумение дружить и хранить тайны, глупость, алогичность: бабе дорога от печи до порога, бабьи умы разоряют дома; дзе баба панам, там чорт камкарам. В многочисленных пословицах вдюговорках о женщинах сквозит пренебрежение и покровительственный тон: мое дело сторона, а муж мой прав; мужнин грех за порогом остается, а жена все домой несет; женщина льстит — лихое норовит.

Женщина даже в роли жены и матери несет негативные коннотации: показать кузькину мать; вино пей, жену бей, ничего не бойся! ажатуся, як за хмару закащуся; женишься раз, а плачешь весь век.

Все хорошее в женщине — от мужчины, таков стереотип русского человека, поэтому мужской ум (об умной женщине), мужская хватка (об удачливой женщине), мужской характер (о женщине с твердым характером) и т.д. Некрасовское Коня на скаку остановит, \ В горящую избу войдет — это не просто мужское поведение, фраза усиливается архетипом — причастностью к огню, мужской стихии.

Это языковые и народные стереотипы. Каково же речевое поведение женщины?

Исследующая речевые стратегии Дебора Таннен в своей книге «Это не то, что я имела в виду! Как стили общения создают или разрушают хорошие отношения» показала, что мужчина и женщина используют язык в различных целях: женщина относится к разговору как к важной части межличностных отношений; мужчина же, напротив, использует разговор, чтобы показать, что он контролирует ситуацию, разговор помогает ему сохранить независимость и обогатить свой статус. Причины этого, по мнению автора, лежат в коммуникативных стилях. Она выделяет две важнейшие их характеристики — вовлеченность и независимость. Мужчины независимы, а женщины вовлечены в коммуникацию, вторичны в ней.

Наши наблюдения и наблюдения других исследователей позволяют установить, что мужчины восприимчивее к новому в языке, в их речи больше неологизмов, терминов. Речь женщины более нейтральна, статична, в ее лексике чаще встречаются устаревшие слова и обороты. Женская речь гораздо более эмоциональна, что выражается в более частом употреблении междометий, метафор, сравнений, эпитетов, образных слов. В ее лексиконе больше слов, описывающих чувства, эмоции, психофизиологические состояния. Женщины склонны к употреблению эвфемизмов. Они стараются избегать элементов панибратства, кличек, прозвищ, инвективной лексики.

В ходе изучения частоты употребления отдельных частей речи было установлено, что в речи женщины больше сложных прилагательных, наречий и союзов. Женщина в своей речи чаще используют конкретные существительные, а мужчины — абстрактные; мужчины чаще пользуются глаголами активного залога, женщины — пассивного. Это объясняется более активной жизненной позицией мужчин. При этом было установлено, что с повышением уровня образования различия в речи стираются.

Тендерные различия отражаются и в художественной литературе, где гендер представлен в двух аспектах: 1) женская тема; 2) женская литература. Так, к концу XIX в. в интимной лирике резко увеличивается частота обращений от женского лица: женская поэзия удаляется от проблем социального характера. Примером здесь могут служить творчество Марины Цветаевой и ее предшественницы Мирры (Марии) Лохвицкой (1869—

1905), которую в начале века называли «русской Сафо», позже этого титула удостоилась и М. Цветаева. Основные их темы — воспевание любви, но не абстрактной, романтической, а роковой, страстной, плотской, чувственной:

Я жажду знойных наслаждений, Нездешних ласк, бессмертных слов, Неопикуемых видений, Неповторяемых часов.

Она поет о раскрепощенной любви, о любви–страдании:

И если на тебе избрания печать, Но суждено тебе влачить ярмо рабыни, Неси свой крест с величием богини, — Умей страдать!

Поэзия такого типа — это своего рода протест против традиционных взглядов на круг тем женской поэзии (тема христианской и романтической любви, семейного счастья, материнства). И если поэзия для М.Цветаевой «растет» из жизни, то жизнь М.Лохвицкой резко отличается от жизни ее лирических героинь: это здравомыслящая хозяйка дома и мать троих детей. В. Брюсов заметил, что «поэт влечется к греху, но не как к должной цели, а именно как к нарушению правды, и этим создается поэзия истинного демонизма» (Брюсов, 1912).

В поэтической картине мира образ женщины представлен чрезвычайно разнообразно; женщина — это цветок:

Мне вспомнилась она, Подснежник увлечений

И. Северянин

Дж.Лакофф обнаружила несходства цветообозначений мужчин и женщин: у мужчин их значительно меньше. Наши наблюдения позволили дополнить эту мысль следующим: у женщины не только шире цветовой спектр, но употребляется больше обозначений экзотических названий цвета: «муар», «лазорь». Цветообозначения у женщин–поэтов гораздо чаще, чем у мужчин, превращаются в символы. Мужские Цветообозначения конкретнее, заземленнее: цвет давленной клубники (Герцен «Записки одного молодого человека»; глаза, дерзкие и пестрые, цвета пчелы; шея цвета мумии; юбка цвета куропатки (Бунин); фрак на Собакевиче был совершенно медвежьего цвета (Гоголь). Думается, что все Цветообозначения типа пепельный, медовый, изумрудный, сиреневый, вишневый, молочный, фисташковый, кофе с молоком, слоновой кости и т. п. придуманы мужчинами. А вошедшие в начале XIX в. в салонную речь названия типа цвет змеиной кожи, шляпка цвета потупленных глаз, чепчик цвета верных побед, косынка цвета новоприбывших особ — типично женские обозначения.

Конечно же, и у мужчин–писателей встречаются весьма разнообразные Цветообозначения, но в большинстве своем они все же заземлены: «Продаются мужские костюмы. Фасон один... А цвета какие? О, огромный выбор цветов! Черный, черно–серый, серо–черный, черновато–серый, серовато–черный, грифельный, аспидный, наждачный, цвет передельного чугуна, коксовый цвет, торфяной, земляной, мусорный, цвет жмыха и тот цвет, который в старину называли "сон разбойника"» (Ильф и Петров); «Он был в несколько эстрадном пиджаке цвета кофе о–лэ, и брюках цвета шоколада о–лэ, и ботинках цвета крем–брюле при винно–крас–ных носках» (В. Катаев. Святой колодец).

А вот как использует цвет М. Цветаева.

Ярко–желтый цвет в народе назывался лазоревым цветом. В поэме «Переулочки» лазорь символизирует райский, небесный соблазн:

Лазорь, лазорь, Крутая гора! Лазорь, лазорь, Вторая земля! Зорь–Лазоревна, Синь–Ладановна, Лазорь–лазорь, Прохлада моя! Ла–зорь!

М. Цветаева как бы играет лазорью, поворачивая слово разными своими гранями, не боясь, экспериментирует с цветом, превращая его то в символ крутой горы, то в символ земли, то в символ прохлады. В подражание фольклору возникают сложные названия типа Зорь–Лазоревна, Синь–Ладановна.

В речевом поведении женщина ориентируется на «открытый социальный престиж», т.е. на общепризнанные нормы социального и речевого поведения, в то время как мужчина тяготеет к так называемому скрытому престижу — к отклонению от установленных норм и правил общения. Поэтому в целом речь женщины является более мягкой, бесконфликтной. Женщины менее категоричны в выражении и отстаивании мнений. Это делает их более подходящими для выполнения целого ряда функций в обществе. Осознание этого факта обществом ведет к тому, что начинается переоценка явно заниженного социального статуса женщины. Женщина становится наконец полноправным партнером во всех делах, в жизни общества. Некоторые современные исследователи развитие государства ставят в зависимость от того, насколько было сохранено равновесие в нем мужского и женского начал.

Влечение мужского и женского начал друг к другу — закон жизни Космоса. Неслучайно в апокрифах Климента Александрийского, ученика апостола Иоанна, на вопрос о том, когда придет Царствие небесное, Иисус отвечает: «Когда два будут одно и мужское будет женским и не будет ни мужского, ни женского» (Мережковский Д. Тайна трех). Поэтому вопрос о взаимоотношении полов должен стать важнейшим в культуре, его оборотная сторона — это падение нравов, с которого начинается гибель народов и цивилизаций (Содом и Гоморра).

Образ человека в мифе, фольклоре, фразеологии

В центре мира стоит человек как личность, имеющая тело, душу, речь, т.е. человек с его чувствами и состояниями, мыслями и словами, поступками и эмоциями, человек добрый, злой, грешный, святой, глупый, гениальный и т.д.

В мифологическом сознании человек — центр мироздания, древние видели в нем антропоморфное воплощение Вселенной: занимаемое им вертикальное положение — это его устремленность к небу, с чем связаны его «высокие» помыслы, горизонтальное в человеке — это все земное, тленное («горнее» и «дольнее» в Библии).

Внешний облик человека, запечатленный в мифе и языке

Внешний облик человека складывается из трех составляющих: 1) голова и ее части; 2) тело и 3) ноги. Как же они представлены в мифологии и языке?

Если в современном представлении голова — это центр переработки информации, то у древнего человека все, что связано с головой, соотносилось с небом и его главными объектами — солнцем, луной, звездами. Мифологема головы — «солнце» — легла в основу таких фразеологических единиц, как голова идет кругом, голова горит, голова закружилась.

Еще одна мифологема головы — «Бог, главное, важное» — нашла отражение во фразеологизмах всему голова (о важном), золотая голова (об умном человеке).

Основная масса русских фразеологизмов с компонентом «голова» сформировалась позднее и почти утратила связь с указанными мифологемами. Теперь эти ФЕ обозначают прежде всего интеллектуальные способности человека, его качества, физические состояния и т.д. Например, голова на плечах, голова на месте, голова варит — об умном человеке; без царя в голове, зеленая голова, курья голова, голова дубовая, голова садовая — о глупом, недалеком человеке.

Обозначая важнейшую часть человека, слово «голова» образует ФЕ, характеризующие человека с самых разных сторон: как снег на голову (неожиданно), хоть кол на голове теши (об упрямом человеке), непоклонная голова (о непокорном человеке), голова пухнет (состояние человека), отпетая голова (об отчаянном человеке), горячая голова (о пылком человеке), бесталанная голова (о несчастном человеке) и т.д. Большинство фразеологизмов с компонентом «голова» имеют позитивную коннотацию, что объясняется наличием в менталитете русских архетипа «голова = солнце, божество».

Части головы человека — это глаза, нос, рот, язык, уши, зубы и др., это органы, имеющие свой внешний вид и весьма широкие, но четкие, функции — смотреть, нюхать, почувствовать вкус, говорить и т.д.

Глаза — важнейшая часть головы и лица человека. Древнейшая мифологема, давшая жизнь нескольким метафорам, сохранившимся до наших дней, «глаз = божество». В ряду квазисинонимов «глаза», «очи», «зенки» лишь стилистически нейтральное слово «глаза» обозначает орган зрения любого живого существа. Очи — это глаза человека, причем красивые, большие, выразительные. Именно очи характеризуют не только физические, но и духовные способности человека к постижению явлений, т.е. внутреннее зрение, они — орган интуиции: увидеть мысленными очами, видеть внутренним оком, очи души, очи сердца, духовные очи. Это как бы человек созерцающий: «И самого меня являешь ты \ Очам души моей» (Ф.Тютчев).

Язык точно отмечает необычную способность глаз — их зрачки находятся в движении, отсюда сочетаемость большого круга глаголов движения со словом «глаза»: окинуть глазами, обвести глазами, отвести глаза, скользить глазами, смерить глазами, обшарить глазами, провожать глазами, приковать глаза и т.д. Глаза — это орган-инструмент, орган «смотрения». Поэтому мы тарашим глаза от удивления и неожиданности, глаза широко раскрываются, когда мы бессознательно стремимся получить через них максимум информации, мы прищуриваем глаза во время пристального наблюдения или при высокой концентрации мысли, отводим глаза под чьим-то осуждающим взглядом, защищая тем самым свой мозг от отрицательного воздействия собеседника, и т.д.

Солнце и луна в мифологиях многих народов считались глазами могущественного божества. С этой мифологемой связаны фразеологизмы хозяйский глаз (надежный присмотр за чем-либо), без глаза (без присмотра).

Еще одна мифологема — «глаз = человек», породившая множество фразеологизмов: глаз наметан (об опытном человеке), глаз отдыхает (о приятном зрительном впечатлении), глаз радуется (о радостном событии, которое можно видеть), глаза обманывают (о сомневающемся в достоверности увиденного), глаза загорелись (о сильном желании у человека); метафоры типа глаза говорят, глаза забежали, глазам

стыдно; поговорки глаза завидуши, руки загребуши (о ненасытности человеческой натуры) и т.д.

Поскольку 80 % информации о мире приходит через глаза, они считаются важнейшим из органов, им приписывается таинственная магическая сила. На Руси «дурным» считался косо́й глаз. Вера в дурной глаз родилась тогда, когда мир, по представлениям древних, был населен духами. Но до сих пор при плохом самочувствии мы говорим: это сглазу, кто-то сглазил, недобрый глаз поглядел.

Во фразеологизмах с компонентом «глаз» закрепились и сохранились до наших дней древние стереотипы поведения — глаз не отвести (так нужно было общаться с собеседником), для отвода глаз и др.

Обманывать кого-либо — это мешать адекватно воспринимать мир, т. е. прежде всего мешать ему смотреть, отсюда фразеологизмы замазать глаза, пускать пыль в глаза (русск.); замыльваць вочы, сляпць вочы, жвІр у вочы сыпаць (бел.).

Издавна от сглаза заводили обереги-амулеты, которые изготавливали из драгоценных металлов и камней и делали их в форме глаза, отсюда фразеологизмы типа глаз-алмаз (об умении видеть важное, основное), беречь как глаз (очень беречь), возьми глаза в руки (будь внимателен), вооруженным глазом (современная форма этого фразеологизма невооруженным глазом) и др.

К волосам у разных народов было особое отношение. В старину им на Руси придавали огромное значение: женщинам, особенно беременным, запрещалось стричь волосы, ибо они имели охранную функцию. Это подтверждается народной традицией, сохранившейся до сих пор, — не стричь волосы ребенку до года. В народной поэзии отрезанная коса позорит девушку, которая поэтому не может выйти замуж без косы. Лишь в последние годы в научно-популярной литературе стали появляться объяснения этому.

Язык сохранил в себе довольно много ФЕ, в основе семантики которых лежали следующие архетипические представления о волосах: 1) ониместилище силы, опыта — до седых волос, до корней волос, 2)местилище памяти, воли — волосы стали дыбом (о сильном испуге, при котором парализуется воля).

На подсознательном уровне эти архетипы и сейчас руководят нашими поступками: подсудимых остригают, как бы парализуя при этом их волю; «работает» здесь и еще один архетип: «стрижка волос = изменение жизни». В древности у славян при переходе в юношеский возраст мальчики принимали постриг, до сих пор постригают в монахи, хотя реально волосы у монахов остаются, а призываемых в армию стригут действительно.

Раньше на Руси остриженные волосы сжигались. Бросание волос в огонь — это своего рода жертва домовому. Существовал и еще один обычай: остриженные или оставшиеся на расческе волосы нельзя было выбрасывать. Считалось, что если они будут использованы птицами для своих гнезд или окажутся вблизи с работающими механизмами, то это отразится на самочувствии человека. До сих пор туземцы Тихого океана, чтобы навредить врагу, прикрепляют раздобытые пряди его волос к водяным растениям, подвергаясь ударам прибоя, они разрушают здоровье недруга. Чтобы волосы не попали в руки врагов, местные жители часто и коротко стригут их.

Фразеологизм волос с головы не упадет — калька с церковнославянского языка, означает, что человеку не принесут никакого вреда. Здесь живет архетип «волос =

здоровье человека». Архетипу «волос = человек» соответствует белорусский фразеологизм *волас у волас* (о похожих людях).

Нос — тоже важная часть лица. Слово «нос» стало компонентом довольно большого количества метафор, фразеологизмов, в значении которых хорошо просматривается архетип «нос = человек» (например, в повести Н. Гоголя «Нос» нос ведет себя, как человек): *сунуть нос* (о любопытном человеке), *вешать нос* (о печальном), *водить за нос* (обманывать), *нос к носу* (об очень близко стоящих людях) и др.

Борода — у славян считалась выполняющей охранительные функции, а дернуть за бороду считалось страшным оскорблением. У русских есть пословица: *борода дороже головы*. До сих пор особо почитается борода у мусульман, самая серьезная клятва у которых: *клянусь бородой Пророка!*

Квазисинонимы губы и уста имеют разные значения и сферы употребления: уста — специфически человеческий орган, в то время как губы могут быть органом животного и т.д. Слово «губы» широко распространилось лишь в XVI—XVII вв., поэтому во фразеологизмах и других реликтовых формах наиболее продуктивно слово «уста»: *из уст в уста*, *из первых уст*, *у всех на устах*, *не сходит с уст*, *устами младенца* глаголет истина, *вашиими бы устами да мед пить*. Слово «уста» часто выступает в значении «говорящий человек»: *все лгут прекрасные уста*.

Особо следует сказать о языке, название которого является ком-понетом целого ряда фразеологизмов с различными типовыми значениями: *быть орудием говорения* — язык не поворачивается (не хватает решимости сказать), *как язык повернулся* (как смог сказать); обозначать процесс говорения — *прикусить язык* (оборвать речь), *развязать язык* (говорить свободно), *распустить язык* (говорить непристойности) и др.

Обозначения остальных частей человеческого лица и головы не представляются нам продуктивными при возникновении метафор и фразеологизмов, хотя с их помощью и образовано некоторое количество фразеологизмов: *ухом не ведет*, *по уши*, *развесить уши*, *уши вянут* (они обозначают поведение или чувства-отношения); *иметь зуб* (испытывать неприязнь), *навязнуть в зубы* (надоест); *губа не дура* (иметь хороший вкус); *в ус не дуть* (выражать безразличие) и т.д.

Наиболее продуктивные слова, обозначающие части человеческого тела, — это руки, ноги, спина и пуп, именно они образуют большое количество самых разнообразных фразеологизмов, многие из которых имеют мифологическую основу.

В группе фразеологизмов с компонентом *рука* явно видно несколько архетипов. Например, *рука* — символ власти, права, силы — *иметь руку*, *правая рука* и др.; *рука* — символ богатства, орудие приобретения материальных благ, причем часто нечестным путем, — *греть руки*, *запускать руку во что-либо* (русск.); *руку заскабщ*, *цюкуу руку*, *прыб1раць да рук*, *даць на лапу* (бел.). Чтобы овладеть вещью, присвоить ее, надо схватить вещь рукой и так заявить свое господство. Русское слово «тяжба» связано с тем, что в суде спорящие тянули к себе спорную вещь, и тот, кто осиливал, получал ее себе в стяжание (*стяжать силы* — устаревший фразеологизм с позитивной оценкой и современное стяжательство — слово, заключающее в себе отрицательную оценку).

В этой группе фразеологизмов появляется компонент «карман» какместилище для рук, хотя сама рука здесь не называется: *набивать карманы*, *залезть в чужой карман* (русск.); *класц у сваю к1шэню* (бел.).

Большинство фразеологизмов с компонентом «рука» окружены негативным ореолом, имеют негативную коннотацию или оценку: быть под рукой (подручный), т. е. быть подвластным; ходить по рукам (одно из значений — «иметь неофициальное распространение» — нейтрально, а второе — «о женщине–проститутке» — негативно); рука не поднимается (не хватает решимости), с пустыми руками (ничего не взяв с собой), руки чешутся (о желании подраться), под горячую руку (не контролируя себя) и др. Думается, что негативную семантику этих ФЕ формирует некий архетип, который, однако, нам не удалось установить.

С помощью жестов руки на Руси производили многие важные ритуальные действия: благословляли, каялись, клялись, что закрепилось в целом ряде фразеологизмов: положить руку на сердце (честно), ударить по рукам (утвердить сделку, согласиться). Уже простое соединение рук есть эмблема связи, согласия. Отсюда рукопожатие — жест приветствия, дружбы. Тот, кто принимает на себя ответственность за другого, ручается.

Довольно широко используются фразеологизмы и другие реликтовые выражения со словом перст (часть руки): указующий перст, перст судьбы, ни единым перстом не прикоснуться и т. д. И хотя слово «перст» находится на периферии человеческой коммуникации, в сознании носителей языка за ним закрепляются устойчивые ассоциации, которые поддерживаются культурно–значимыми текстами: религиозными, поэтическими, философскими.

Ноги у язычников–славян считались принадлежностью демонов: сам черт ногу сломит (о захлавленном месте), как левая нога хочет (неизвестно как, как попало), встать с левой ноги (иметь плохое настроение), здесь лексема «левый» имеет отношение к дьяволу; земля горит под ногами (об опасном месте), почва колеблется под ногами (о неуверенном, угрожающем положении), отрясти прах со своих ног (забыть) и др. Почти все русские и белорусские фразеологизмы с компонентом «нога» имеют негативную окраску.

Все черти и демоны в представлении русских были хромыми; в русских сказках они были беспятными; у лешего в облике медведя нога липовая; плохие ноги также у всех мифологических персонажей, которые рождены землей.

Фразеологизмы брать ноги в руки (быстро убежать), в ногах валяться (униженно просить о чем–либо), унести ноги (уйти от опасности), ноги не будет (угроза не приходить); поговорка в ногах правды нет (приглашение сесть) и другие выражения тоже имеют негативную коннотацию, что связано с архетипом «ноги = принадлежность дьявола». С этим архетипом связаны многочисленные выражения, в которых нога прямо не называется, а употребляются слова, ассоциативно или функционально с нею связанные: след, ступать, путь, дорога и т.д. Так, человек, преступивший закон, как бы сошедший с правильного пути, — это не только преступник, но и непутевый, беспутный, заблуждающийся. Фразеологизм перейти кому–то дорогу означает «повредить кому–то, загородить путь к достижению цели», а ФЕ замести следы (скрыть нечто) породил предрассудок: подобно метели, которая, заметая след путника, заставляет его плутать на одном месте, подметание или мытье пола после отъезда лишает человека возможности вернуться.

Ряд фразеологизмов образует слово стопа: направить свои стопы, по стопам и др.

Несмотря на малочисленность фразеологизмов с компонентом спина, они важны для русского менталитета, ибо с ними связано, во-первых, понятие тяжелого, непосильного труда — гнуть спину, ломать спину (хребет, горб), а во-вторых, спина — это надежная защита, отсюда ФЕ за широкой спиной и др.

С такой частью человеческого тела, как пуп, известно немного фразеологизмов, важнейший из которых пуп земли. Но в мифологии пупу отводится особая роль, вероятно, потому, что через пуповину ребенок связан с матерью, питается через нее, т.е. это важнейший для маленького человека орган. Существенна также и другая причина: пуп — центр живота, а понятие центра во всех мифологиях и религиях — главное понятие.

С частями человеческого тела связано понятие одежды, многие слова, обозначающие одежду, явились главным компонентом при образовании таких фразеологизмов, как родиться в рубашке, сорочке (о счастливом человеке), остаться без рубашки (об обедневшем человеке). По мнению А. А. Потебни, в основе их семантики лежит миф: чепец и сорочка — обереги у славян. Кроме того, родиться в сорочке означает необычное рождение, а, согласно исследованиям В. Проппа, мотив чудесного рождения есть признак героя. Фразеологизмы ломать шапку (унижаться), тришкин кафтан (неподходящая одежда) своей семантикой также связаны с иной функцией одежды, мешающей свободному движению тела, что сформировало негативное значение у большинства фразеологизмов, одним из компонентов которых было наименование одежды.

Итак мы видим, что фразеологизмы-самотизмы в большинстве своем (кроме головы) несут в себе негативные коннотации, употребляются с неодобрением, пренебрежением, презрением. Вероятно, потому, что все части тела человека в мифологии были принадлежностью демонов, дьявола, нечистой силы.

Душа и сердце как «духовные центры» человека

П.Флоренский писал, что в индо-европейских языках слова, выражающие понятие сердце, указывают самым корнем своим на понятие центральности, срединности.

В других культурах и языках локализация эмоций (ощущений) иная: в китайской наивной картине мира эмоции локализируются в почках, в африканской (западноафриканский арел, язык догон) — в печени и носу; во французской — в селезенке.

В русской и белорусской картинах мира сердце — средоточие эмоции: сердце мне истомила тоска. Выражая различные эмоции, лексема «сердце» объединяется с самыми различными предикатами, образуя метафоры с разными значениями: сердце бьется, поет, закипает (Пушкин), сжимается (Чехов), рвется, дрожит, пышет (Фет), загорается, сплющивается, замирает (Фурманов), отцветает, цепенеет (Грин), трепещет, разрывается, заходится, сжимается, закатывается (Зощенко), пламенеет (Заболоцкий), каменеет, черствеет, грубеет, холодеет, смягчается (Шолохов); сердце дрогнуло, затрепетало, заколотилось, упало, покатилося (Куприн) и т.д.

Почему данные метафоры понятны каждому носителю языка, каждой языковой личности? Потому что в основе таких метафорических переносов лежат такие архетипы и мифологемы, которые регулируют метафорические употребления. Например, мифологема «чувства = жидкость» взята из библейской мифологии, она порождает образ чаши, из которой пьет человек, переживая чувства: испить до дна (о чувствах), глубина чувств',

любовь — сосуд, отсюда полная любовь (М.Цветаева), неисчерпаемая любовь; любовь — океан, море, отсюда любовь тихая, бурная, спокойная и т.д. Таким образом, мифологема «чувства = жидкость» передает и закрепляет в себе их текучесть, изменчивость, динамику.

Говоря о чувствах и эмоциях, нельзя не заметить, что здесь «работает» еще один параметр — «верх—низ». Эмоции ассоциируются с параметрическими характеристиками по вертикали и горизонтали, поэтому спокойствие — это как бы неподвижность по этой шкале, как бы «нулевая» координата, положительные эмоции связаны с движением вверх (прыгать от радости), а отрицательные — с движением вниз (согнуться от горя).

Вся трудность исследования символов, образов, мифологем сердца состоит в том, что оно не только «вместилище эмоций». Как справедливо утверждает Б. П. Вышеславцев, сердце — центр круга, из которого могут исходить бесконечно многие радиусы, или световой центр, из которого могут исходить бесконечно разнообразные лучи. Поэтому сердце — это центр жизни вообще: физической, психической, духовной и душевной. Так, сердцу приписывают все функции сознания. Мышление, волю, ибо оно принимает решения: «Когда же исполнилось ему сорок лет, пришло ему на сердце посетить братьев своих, сынов Израилевых» (Деян.: 7:23). А также совесть: совесть, по словам апостола, есть закон, написанный в сердце.

Подчеркивая важность символа сердца для религии, Б.П.Вышеславцев пишет, что в нем выражается сокровенный центр личности. Сердце есть нечто более непонятное, непроницаемое, таинственное, скрытое, чем душа, чем сознание, чем дух. В Евангелии сказано, что сердце есть орган религии, орган, с помощью которого мы созерцаем Бога: «Блаженны чистые сердцем, ибо они узрят Бога» (Матфей, 5:8).

С одной стороны, сердце — точка соприкосновения с Богом, орган, устанавливающий интимную связь с ним, отсюда жить с Богом в сердце, сердобольный (о сострадательном, отзывчивом человеке), а с другой — источник греха, темных сил — бессердечный (о черством человеке), камень вместо сердца, ледяное сердце, прилагательное сердитый (склонный раздражаться, гневаться), ФЕ под сердитую руку (прогневавшись, вспылыв), в сердцах (в порыве раздражения), сорвать сердце на ком-либо (излить свой гнев) и др. В Библии «сердце» и «душа» часто выступают как тождественные понятия, заменяющие друг друга, но еще чаще они различаются.

Еще одна важная мифологема сердца — «быть вместилищем души, сосредоточием жизненной силы»: в злобном сердце душа стонет (поговорка); похищение же сердца равносильно смерти: ты похитил мое сердце (метафора); фразеологизмы пронзить сердце, разбить сердце и др.

Назовем еще несколько мифологем, регулирующих современное употребление фразеологизмов с компонентом «сердце»: «быть вместилищем желаний» — по сердцу, с замиранием сердца; «быть местом, где зарождаются чувства и желания», — в сердце вспыхнула любовь, надежда; «быть центром интуиции» — сердце чувствует, у сердца есть уши, сердце подскажет, закрадываться в сердце; «быть центром совести и других моральных качеств» — положить руку на сердце, каменное сердце, золотое сердце; «быть источником света и тепла» — сердце горит, гореть сердцем (легенда о Данко у М. Горького); «быть сокровищницей» — ключи от сердца, отдавать сердце (также, например, Евангельский текст: Добрый человек из сердца своего выносит доброе... (Лука, 6:45); «быть гарантом любовного благополучия» — предлагать руку и сердце; «быть местом, в котором чувства скрыты от посторонних глаз», — никто не знал, что творилось в его сердце, читать в сердце и т.д.

Одна и та же мифологема–архетип сердца может лежать в основе фразеологических единиц, употребляемых для оценки человека, его внешности и внутренних качеств, различных объектов мира и отношений человека к этим объектам.

С помощью фразеологизмов с компонентом «сердце» можно описать почти весь мир: 1) многочисленные оттенки чувств и состояний человека — кошки на сердце скребут, сердце замерло, камень с сердца свалился, отлегло от сердца, брать за сердце, сердце кровью обливается, как маслом по сердцу, надрывать сердце, сердце не на месте, сердце сжимается и т.д.; 2) отношение человека к объектам мира — от чистого сердца, запасть в сердце, положить руку на сердце, от всего сердца, сердце принадлежит, сердце занято, от сердца, войти в сердце и др.; 3) дать характеристику человека — сердце обросло мхом, мягкое сердце, доброе сердце, каменное сердце, неукротимое сердце, золотое сердце, покоритель сердец, горячее сердце, глупое сердце; 4) охарактеризовать поведение человека в обществе — заглядывать в сердце, находить доступ к сердцу, давать волю сердцу, срывать сердце, покорять сердце, открывать сердце, разбить сердце и др.

Таким образом, наш язык показывает, что сердце есть центр не только сознания, но и бессознательного, не только души, но и тела, центр греховности и святости, центр сосредоточения всех эмоций и чувств, центр мышления и воли; оно не только «орган чувств» и «орган желаний», но и «орган предчувствий», следовательно, сердце как бы абсолютный центр всего человеческого, т.е., говоря словами Б. П. Вышеславцева, «сердце есть умное видение, но вместе с тем умное делание».

Не менее сложные отношения современного мира с мифологическими представлениями встречаем у слова душа. Природа, по представлениям древних, тоже имела душу, хотя и не столь качественную, как человек. Аристотель, например, даже звезды считал одушевленными, а Платон делил душу на «разумную» (человеческую) и «чувственную» (животную). Главное отличие человека, созданного по образу и подобию Божьему, от всего природного — наличие у него нематериальной божественной души. По выражению К. Юнга, «сложность души росла пропорционально потере одухотворенности природы».

Еще с античных времен душа понималась то как огонь (Демокрит), то как воздух (Анаксимен), то как смешение всех четырех элементов (Эмпедокл). Эти представления до сих пор сохранились в языке (душа горит, душа воспарила, душа воспламенилась).

Вместилищем души у разных народов считаются различные органы: диафрагма, сердце, почки, глаза и даже пятки (например, в русском языке есть фразеологизм душа в пятки ушла). Первобытные народы считали связь души и тела настолько тесной, что, если обезобразить мертвое тело, обезобразится и его душа; поэтому они оберегают труп или намеренно уродуют убитого врага.

Славяне признавали в человеческой душе проявление той творческой силы, без которой невозможна жизнь на земле. Душа — частица, искра небесного огня, «которая и сообщает очам блеск, крови жар и всему телу внутреннюю теплоту» (Б. П. Вышеславцев). С этими представлениями связаны метафоры душа светится, душа горит, душа пылает, жар души, чуть душа теплится, искры души, душа оттаяла, а также антонимичные по значению выражения душа как лед, ад крошечный в душе и др. С этой мифологемой тесно связано представление о душе как о переходном состоянии огня (Гераклит).

Душа — alter ego человека, его внутреннее «Я»: низкая душонка, высокая душа, мелкая душа, нежная душа, чуткая душа, благородная душа, грешная душа, верная душа, окаянная душа, праздная душа. Душа (как и человек) смертна: отдать богу душу, она может уставать — усталость души, болеть — душа болит и т. п.

С точки зрения этики душа является носителем некоего этического идеала: чистая душа, запачкать душу; хоть мошна пуста, да душа чиста (поговорка) и т. п.

С религиозной точки зрения душа связывает человека с высшим духовным началом, тем самым повышается ценность души, приобретают особую значимость сознательные усилия человека, направленные на самоусовершенствование: спасать душу, душа бессмертна, с Богом в душе и т.д. Душа сохраняет себя во время всего жизненного пути человека, но не разрушается и с его смертью, поэтому — душа живая (это устойчивое в религиозном дискурсе (контексте) выражение).

Душа — этоместилище, отсюда: душа пустая, полна чем-либо и т.п.

О. М. Фрейденберг отмечала, что «душа» могла метафорически выражаться в виде двойника — доли, судьбы, а каждая из этих метафор, в свою очередь, дублировалась другими метафорами. А. Н.Афанасьев и А. А. Потебня еще ранее показали, что доля в русском фольклоре — двойник человека: ее топят, бросают в воду, сжигают, вешают и т. д. В реальной речевой деятельности мы как раз и наблюдаем это переплетение, сцепление, взаимодействие метафор.

Представления о душе как о дыхании, воздухе, ветре, птице, бабочке присущи разным народам, в том числе славянам: душа отлетела, вдохнуть душу, душа вон, душа улетает, прилетает. Даже этимологически душа тесно связана с ветром: душа—дыхнуть—дух—дуть—дуновение—воздух. В славянских сказках часто говорится про рубашки из перьев, лебединые крылья у девушек. Известен платоновский миф о душе: душа стремится к «нездешней», небесной, родине, у нее растут крылья. По Платону, душа, павшая на землю и покинувшая небо, 10 тысяч лет живет на земле, пока не окрылится. По языческим представлениям славян, если человек жил праведно, то душа превращается в голубя, а если в грехе, то в черного ворона, иногда в грустную кукушку. С мифологемой «душа = птица» связан у славян обычай оставлять на Пасху, Радо-ницу на могилах крашенные яйца.

Душа локализована, отсюда фразеологизм душа не на месте; душа — твердый предмет — царапает душу; поверхность, похожая на землю — камень лег на душу, след в душе; душа как книга — читать в душе; душа — отхожее место — нагадить в душу, гниль души; душа, как хлеб, поэтому она черствеет — черств душой', душа, как цветок — цвет души, цвести душой; душа — музыкальный инструмент — струны души и др.

Много метафор и фразеологизмов связаны с мифологемой «душа = маленький ребенок». Есть гипотеза, согласно которой во фразеологизмах закодирован процесс рождения ребенка: в глубине души, тревожить душу, лезть в душу, беречь душу, душа нараспашку, хватать за душу, душа плачет, душа надрывается и др. (на русской иконе «Успение Божьей Матери» душа изображена в виде ребенка).

Душа тесно связана в представлениях древнего человека с загробным миром. Поэтому древние славяне снабжали покойников разными вещами: мужчин — кремневыми копьями, стрелами, женщин — бронзовыми браслетами, ставили им сосуды с пищей.

Души умерших улетают в рай, где зимуют птицы. Но души умерших, обернувшись птицей или мухой, могут прилететь оттуда. На праздник «Дзяды» белорусы готовятся к их приему: моют хату, готовят обрядовые кушанья.

Мифологема «душа = дым» подкреплена обычаем сжигания трупов у многих народов, в том числе и у древних славян. Делалось это для того, чтобы душа легко и сразу покинула тело и улетела в рай. Эта мифологема сохранилась во фразеологизме душа отлетела в мир иной и др.

Таким образом, представления о сердце и душе сложны, противоречивы, непоследовательны, и это нашло полное отражение в языке, эти представления формируют картину мира человека.

Человек—носитель национальной ментальное™, которая может быть исследована через язык, являющийся важнейшим из средств идентификации человека.

В структуре языковой личности исследователи выделяют несколько уровней, на каждом из которых проявляются разные ее стороны. Личность — это совокупность социально значимых духовных и физических качеств, которые по-своему преломляются в языке. Человек предстает в двух ипостасях—мужчина и женщина, поэтому различаются женская и мужская языковые личности, женские и мужские особенности речевого поведения.

Ядром культуры должен стать принцип развития жизни и совершенствования человечества через слияние двух противоположных начал — мужского и женского. Должны быть разработаны программы, которые учитывают индивидуальные особенности ребенка, а не игнорируют либо гипертрофируют их под давлением тендерных стереотипов.

Образ человека запечатлен навеки во фразеологизмах, пословицах, фольклорных текстах, поэтому исследование данного материала представляет большой интерес для лингвокультурологии.

Вопросы и задания

1. Подумайте, как можно модифицировать эксперимент, предложенный Ю. А. Сорокиным? Какие преимущества экспериментальных исследований вы можете назвать?
2. Какие компоненты можно выделить в содержании языковой личности?
3. Какова история исследования гендерных различий в языке?
4. Назовите несколько фразеологизмов с компонентом «голова» и столько же с компонентом «ноги». Чем объясняется резко противоположная оценка (позитивная и негативная) этих ФЕ?
5. Какие мифологемы лежат в основе фразеологизмов с компонентами «душа» и «сердце»? Приведите примеры.

ГЛАВА 6.

ЧЕЛОВЕК В ЗЕРКАЛЕ СРАВНЕНИЯ

Сравнение: лингвокультурный аспект

Сравнение — самый древний вид интеллектуальной деятельности, предшествующий счету (Э.Сепир). Культура неотделима от сравнения, а сравнение от культуры, ибо сравнение в широком смысле — это проблема тождества и различия. О. Мандельштам писал в «Разговоре с Данте»: «Я сравниваю — значит живу».

По определению М.Фуко, сравнение (сходство) — «самый универсальный, самый очевидный, но вместе с тем и самый скрытый, подлежащий выявлению элемент, определяющий форму познания... и гарантирующий богатство его содержания»¹. И действительно, иногда сравнения непонятны, например, пьян как земля; такие сравнения требуют дешифровки, дополнительных знаний, например, здесь нужно помнить, что земля, будучи символом плодородия, предполагает напоенность (ср. эпитет сыра земля). Часто в сравнении актуализируются самые неожиданные признаки: скатерть белая, как снег, — здесь актуализируется не цвет (белизна), а нетронутость скатерти; белый, как полотно, — способность менять интенсивность.

Человек в русской языковой картине мира постоянно сравнивается с другим человеком, и если сравниваемые похожи по характеру, поведению, социальному статусу или другим характеристикам личности, то о них говорят: одного поля ягода, гусь (кулик) да гагара — пара, два сапога — пара, из одного теста сделаны, из одной плахи вытесаны, черти одной шерсти, одна шайка–лейка, одной масти, на один покрой, одним мирром мазаны, того же сорта, оба хороши, один другого стоит, муж и жена — одна сатана, из одного кремня искра и т.д. Белорусы к этому добавляют: обае рабое (в значении оба одинаково плохие).

Л. А. Лебедева выделила 16 идеографических полей для характеристики человека: внешность (волосы мягкие, как шелк; черные, как смоль; лицо круглое, как блин; глаза черные, как агат; голова круглая, как арбуз; пальцы толстые, как обрубки; чумазый, как черт), физические качества (сильный, как бык; крепкий, как дуб; ловкий, как обезьяна; видит, как кошка; нюх, как у собаки), физиологические состояния (горячий, как печка; свежий, как огурчик; замерзнуть, как бобик; выжатый, как лимон), физические действия (вертеться, как вьюн; подпрыгивать, как мячик; глотать, как акула), движение — неподвижность (нестись, как метеор; стоять, как столб; вертеться, как белка в колесе; ходить, как неприкаянный), черты характера, моральные и деловые качества (смирный, как агнец; трусливый, как баба; хитрый, как лиса; аккуратный, как немец), умения, способности (плавать, как рыба; нырять, как утка; писать, как курица лапой; петь, как соловей), поведение (умирать, как герой; вести себя, как скотина; держаться, как хозяин; молчать, как сын), отношения между людьми, чувства (убить, как собаку; обращаться, как с маленьким; смотреть, как на чудака; нужен, как рыбе зонтик), умственные способности (глупый как ребенок; глупый, как пень; умный, как бес; смотреть, как баран на новые ворота), речевая деятельность (орать, как оглашенный; говорить, как по писаному; болтать, как сорока; шипеть, как змея), чувства–состояния (ходить, как в воду опущенный; хохотать, как безумный; ржать, как лошадь), образ жизни (жить, как барин; жить, как бирюк; жить, как белый человек; жить, как дикарь), труд — безделье (трудиться, как вол; работать, как лошадь; работать, как муравей; сидеть, как в гостях), бедность — богатство (беден, как церковная мышь; нищий, как Иов; богатый, как Крез), мысли,

чувства, представления (пронзить, как мечом; застрять, в голове, как гвоздь; помнить, как в тумане; блеснуть, как молния — о мысли).

Именно сравнения как момент подобия вещей рождают метафоры, символы, обнаруживают мифологичность сознания. Многие загадки, анекдоты (анекдоты армянского радио), паремии основаны на сравнении. Еще в 1918 г. Е. Д. Поливанов, изучая японские загадки, выделил такой тип, как «загадки–сравнения», которые выглядят так: вопрос: «С чем можно сравнить бездельника?» — ответ: «С бумажным фонарем, ибо оба без толку болтаются».

В данном разделе, выполненном в рамках общей темы культурно–национального изучения языков, нас интересовала национальная специфика выбора образного средства (сравнения) для характеристики человека.

Известно, что концептуальное осмысление категорий культуры находит свое воплощение в естественном языке. Так, народный менталитет и духовная культура воплощаются в единицах языка прежде всего через их образное содержание. Одним из ярких образных средств, способных дать ключ к разгадке национального сознания, является устойчивое сравнение.

Мы вслед за Л. А. Лебедевой считаем, что устойчивое сравнение не только понятие, фигура речи или стилистический прием, но особое языковое явление, особая языковая единица, наделенная значением и особой формой его выражения. Формы эти в русском языке очень разнообразны: это и творительный падеж сравнения (губы сердечком), и сравнительная степень прилагательных при существительных в творительном падеже (лицо мрачнее тучи), и сравнения с лексическими элементами «похож», «подобный» (специалист подобен флюсу), и сложные прилагательные, содержащие элементы «подобный», «образный» (дугообразные брови), и наречия, образованные от притяжательных прилагательных с формантом «по–» (по–лисы хитер) и т.д.

Теоретическое осмысление устойчивых сравнений началось в отечественной лингвистике в 60–е годы XX в. Одним из первых на них обратил внимание В. В. Виноградов как на особый тип фразеологических конструкций, в которых внутренняя условность фразы определяется традиционной национальной характеристичностью образа, его испытанной меткостью, бытовым реализмом и экспрессивной внушительностью.

Психологическая основа сравнения была отмечена И.М.Сеченовым: «Все, что человек воспринимает органами чувств, и все, что является результатом его мыслительной деятельности (от целостных картин мира до отдельных признаков и свойств, отвлеченных от реалий, до расчлененных конкретных впечатлений), может соединяться в нашем сознании ассоциативно»¹. У него сравнение предстает как один из способов восприятия мира в его признаках. Аналогичную роль сравнениям отводил и А. А. Потебня, утверждая, что самый процесс познания есть процесс сравнения.

Специфическое национальное видение мира отражается в семантике сравнения. Проведенный нами эксперимент с носителями киргизского языка позволил выделить ряд типичных для них сравнений. Эти сравнения связаны: а) с географическими особенностями местности: величественный, как Ала–Тау; глаза блестящие, как Иссык–Куль; лицо ясное, как родник; рот большой, как пещера; б) с особенностями растительного и животного мира: нос горбатый, как у беркута; стройный, как чинара,

арча; стройный, как марал; в) широко распространены у киргизов сравнения со сказочными героями национального эпоса: голова умная, как у Каныкея; храбрый, как Чолпонбай, как Дуйшенкул; сильный, как Манас; голос грудной, как у Конурбая; лицо белое, как у Акмоор; рука большая, как у Бакая; г) семантика сравнений связана со спецификой хозяйственной и культурной жизни народа: волосы длинные, как аркан; голова большая, как казан; голос приятный, как звуки комуза; лицо красивое, как Луна; нос прямой, как комуз.

Поэтические сравнения — еще более простой способ уловить национальную специфику видения конкретного предмета, явления. Так, известный киргизский поэт Дж. Бокомбаев пишет:

Тянь–Шань похож на спящего верблюда. А среди хребтов в горбатом их кольце
Сверкает Иссык–Куль — живое чудо — Как родинка на девичьем лице.

Здесь отражена типичная для представителя восточной культуры ситуация, когда родинка (дефект, с точки зрения славянина) воспринимается как нечто прекрасное, с чем можно сравнить красивейшее озеро мира — Иссык–Куль.

В тюркоязычной поэзии сравнение имеет свою специфику, обусловленную особенностями народного мировосприятия, — его мифологическими и мистическими формами. Например, у известного киргизского акына Боогачы (конец XIX — начало XX в.) есть такое сравнение: Ты как гибкий ивовый прутик, как хмельной мед сладкая, телом белая, ты как разваренное казы, подгривное мясо. Последнее «гастрономическое» сравнение было бы неприемлемо в русской и белорусской культуре, где еда никогда не имела особой мистической функции (как, например, поедание врага в некоторых культурах).

Казахский поэт и просветитель XIX в. Абай Кунанбаев приводит такое сравнение: «Мир — огромное озеро, время — порывистый ветер, передние волны — старшие братья, задние волны — младшие братья, умирайте по очереди, пусть все идет своим чередом». Здесь нет эксплицитно выраженного признака сравнения, но его можно реконструировать, опираясь на фоновые знания читателя. Такие реконструкции придают особую экспрессивность поэтическому тексту. Санскритская поэтическая традиция рассматривает такие сравнения как средство не убедить, а поразить читателя красотой, глубиной, необычностью поэтического языка. Восточные (тюрко–язычные) поэты были убеждены, что если не прибегнуть к помощи метафор, сравнений, аллегорий и других тропов, то поэтическое произведение не будет отличаться от обычной разговорной речи, не приобретет поэтического характера.

Очень русское сравнение встречаем у Ариадны Эфрон: «Весна, пасмурная и неприветливая, как старухина дочка из русской сказки» (Из письма Б.Пастернаку).

Итак, сравнение может выступать как способ познания мира, способ закрепления результатов этого познания в культуре.

Сравнение — не только способ представления эмоции и оценки говорящего (автора), но и сигнал для их обнаружения читателем. Оно создает особый экспрессивный подтекст. Все это способствует тому, что эффект восприятия сравнения можно уподобить не сумме сравниваемых «кусков» мира, а их произведению; вероятно, это объясняется следующим: сближаемые в сравнении элементы мира, помимо сходства, являются в значительной мере различными. Например, «Куда делись сугробы, как опухшие веки присрывавшие окна подвального этажа» (Б. Шергин). Сближение сугробов и век

активизирует психическую деятельность реципиента (читателя и слушателя), создает эмоциональное напряжение внутри текста, строит образ, делая экспрессивным данный отрезок текста. Принадлежность сравниваемых объектов к далеким сферам влечет за собой целый шлейф дополнительных ассоциаций, что не только увеличивает информацию, но и усиливает экспрессивный эффект: чем дальше друг от друга в реальности сравниваемые объекты, тем ярче их экспрессия. В этом проявляется также эвристическая функция сравнений: они позволяют глубже и шире познать реалии мира, осмыслить их с самых различных, часто неожиданных сторон.

В филологии сравнение рассматривается как один из видов тропа, в психологии как один из мыслительных процессов, в философии — как мощное средство познания мира и т.д. Особенно много работ посвящено изучению сравнения в структурно–типологическом и семантико–функциональном аспектах, в то время как исследований в когнитивном, лингвокультурном и прагматическом аспектах почти не ведется. Данная работа, рассматривая сравнение в этнопсихолингвистическом аспекте, как раз и призвана восполнить этот пробел.

В культуре (литературе) разных эпох сравнению отводилось различное место. В.Я.Пропп писал, что в русском эпосе сравнение занимает второстепенное положение, ибо вся структура поэтической выразительности эпоса направлена... не на сближение по сходству, а на дифференциации по отличию. В средневековой культуре, по свидетельству Д.С.Лихачева, наблюдается пристрастие к отдельным видам сравнений: сравнений, основанных на зрительном сходстве, немного, зато часто встречаются сравнения, подчеркивающие осязательное, обонятельное, вкусовое сходство. В древнерусской литературе сравнения касаются внутренней сущности сравниваемых объектов, эксплицируя эту сущность и пытаясь ее раскрыть с разных сторон. Так, Сергей Радонежский в «Похвальном слове» писал о Боге: «светило пресветлое, цвет прекрасный, звезда незаходимая, кадило благоуханное».

В сравнениях древности отмечается стремление передать движение, ритм (время сравнивается с текущей водой, жизнь с дорогой и т.д.). Как указывает О. М.Фрейденберг, «даже в камне подмечается полет, в башне — падение».

В.В.Виноградов заметил, что сравнения нового времени (XI— XX вв.) ориентированы на реалии. Для них типично передать внешнее сходство сравниваемых объектов, сделать объект наглядным, создать иллюзию реальности: «Как барс пустынный, зол и дик» (М.Лермонтов), «Поезд шел медленно, как гусеница» (М.Булгаков). В сравнении М.Лермонтова мальчик наделяется свойством, которое, с точки зрения человека, находится у барса на первом месте, — злоба и дикость, т.е. через сравнение с реалией создается новая внутренняя форма (ВФ), усиленная эпитетом «пустынный», что делает данное сравнение экспрессивным. Такие сравнения привлекают внимание к характерным деталям, делают их более наглядными. Данные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что опора сравнения на реалии — один из способов оживления стершихся образов, внутренних форм, воскрешения их экспрессивности. Эти сравнения не просто реконструируют первоначальную образность либо создают новую, они придают панорамность образу: «Егорушка, сидящий на облучке и подпрыгивающий, как чайник на конфорке» (Чехов). Здесь в реальный план врывается образный, насыщает его смыслами, символическими наслоениями, создает «двоемирие», по терминологии В.М.Жирмунского.

Сравнениям нового времени присуща не только изобразительная функция, когда высвечивается одна какая-то особенность сравниваемого объекта. Многие из них являются также средством создания нового смысла. На эту особенность сравнений

обратил внимание еще А.А.Потебня, а затем О.Мандельштам, который писал в «Разговоре о Данте»: «Дантовские сравнения никогда не бывают описательны, т.е. чисто изобразительны. Они всегда преследуют конкретную задачу — дать внутренний образ структуры»¹. Такие сравнения — эффективное эвристическое средство.

Сравнение выполняет также текстообразующую функцию — оно строит текст–сравнение: «Осенний дождь на улице. Не льет, не каплет, не моросит — просто находится в воздухе. Как будто навсегда решил поселиться в нашем городе. В нашей жизни» (А. Володин). Образ, лежащий в основе развернутого сравнения, может проходить через довольно большие тексты, он вырастает при этом в образ–символ. Примером может служить роман–притча А. Кима «Отец–лес», где образ леса является своеобразной опорой сюжета, на нем основана одна из главных идей романа. Здесь сравнение не просто вырастает из текста, а как бы прорастает в текст, цементируя его, обеспечивая тем самым сцепление текста в структурное целое. При этом сравнение выполняет особую роль в организации текста — оно становится средством реализации такой категории текста, как когезия.

Сравнение в художественном тексте строит образ. Особенно яркие образы создают импрессионистские (в терминологии Е. Замятина) сравнения. Примером может служить чеховское сравнение из «Чайки», когда Тригорин сравнивает облако с роялем. Здесь можно провести параллель с художниками–импрессионистами, которые по–особому, по–новому видели мир, открывая его для зрителей. Например, человеческую кожу они не рисовали телесного цвета: под солнцем они видели ее красноватой (К. Петров–Водкин), а под луной — зеленоватой, иногда голубой (Э.Дега), розовой (О.Ренуар) и т.д.

Импрессионистские сравнения широко используются в поэтической речи. Примером может служить стихотворение С. Липкина «Заметки в прозе»:

Как юности луна двурогая,
Как золотой закат Подстепья,
Мне Бунина сияет строгое
Словесное великолепье.
Как жажда дня неутоленного,
Как сплав пожара и тумана,
Искрясь, восходит речь Платонова
На божий свет из котлована...

Эти сравнения оживляют существующие в сознании языковой личности редуцированные, нечеткие образы, которые, составляя систему, слагаются в один образ современной прозы, какой ее воспринимает автор. Здесь, помимо прочих, сравнение выполняет структурно–композиционную функцию, ибо система образов, как в строительных лесах, выстраивается в рамках сравнений.

В основе сравнений этой группы — эмоциональное воздействие на реципиента. Контроль разума не допускает больших семантических расстояний между сравниваемыми объектами, но расстояние это должно существовать. Поэтому глаза Л.Толстой сравнивает не с углем или сажой, а с мокрой смородиной, губы не с кровью, а со спелой вишней, щеки — с лепестками роз. Еще один пример из Л.Толстого: «Голубое, как горящая сера, озеро».

Неожиданные и далекие сопоставления объектов особенно экспрессивны, правда, в основном для подготовленного реципиента. Рассмотрим, к примеру, нелепое на первый взгляд сравнение: «Лошадь, как во льду испеченная, стройней человека, апостол движенья» (Б. Гребенщиков). Здесь возникает образ: лошадь — некое реликтовое животное, ископаемое, сохраненное людьми. Глагольная форма «испеченная» навязывает реципиенту другой образ, накладываемый на первый: лошадь — насильственно принесенная в жертву часть природы.

Какова прагматическая функция таких сравнений? Они нужны для иллюстрации сложных идей. Яркий и неожиданный образ помогает пониманию, запоминанию, в нем сильно убеждающее начало. Старое и давно известное в таких сравнениях предстает преображенным и переосознанным. Сравнение здесь не есть украшение речи, текста, оно суть, способ более широкого видения мира. Открывая мир, такие сравнения как бы диктуют реципиенту определенное настроение.

Бесспорно, что сравнение близко к метафоре. Исключение из сравнения компаративной связки (как, подобно, словно, будто и др.) и предикатива (подобен, напоминает и др.) — основной прием создания метафоры. Сокращая «знак сравнения» (компаративную связку), метафора сразу же отбрасывает и основание сравнения: если сравнение трехчленно (А сходно с Б по признаку С), то метафора двучленна (А есть Б). Метафора более лаконична, она легко входит в «тесноту стихотворного ряда» (Ю.Н.Тынянов), она, как правило, не используется для обозначения случайного подобия.

Особый тип сравнений нового времени — это сравнения–метафоры, которые трудно отличить от сравнений–образов, особенно от образов импрессионистского типа. Сравнения–метафоры — это своего рода вызов языковому сознанию: в них устанавливаются нетривиальные отношения между двумя понятиями. Такое сравнение как бы расшатывает логику, рациональное. Как правило, сравнения–метафоры оторваны от реалии: «Сердце, как яблоня, плачет» (А. Блок). Здесь создается особая художественная реальность, вероятнее, даже символ реальности. Это сравнение держит читателя во власти автора, но в то же время оставляет свободу для сотворчества.

С помощью сравнений–метафор создается особый мир, «словом явленный». Они способны вызывать смысловые и экспрессивные приращения. Примером может служить стихотворение О. Мандельштама «Век», где век сравнивается со зверем, которому перебили хребет. И хотя жизнь еще будет продолжаться, исход ее предрешен:

И с бессмысленной улыбкой Вспять глядишь, жесток и слаб, Словно зверь, когда-то гибкий, На следы своих же лап.

Как показал проведенный нами опрос студентов–филологов, наиболее частой реакцией у реципиента на это сравнение была связь: век — несчастная жертва.

Предлагаемая группировка сравнений является относительной и не претендует на полноту, присущую классификациям, хотя и позволяет зафиксировать функционально–семантические особенности большинства сравнений и объединить их в группы. Самая подробная и последовательная классификация типов сравнения в языке поэзии принадлежит Е. А. Некрасовой.

Описанные здесь сравнения принадлежат в основном языку художественной литературы. А как функционируют сравнения в живом современном языке? Каковы их культуржнонациональные особенности? Как функционирует в языке устойчивое сравнение? Ответы на эти вопросы дает экспериментальное исследование, проведенное нами. Оно будет представлено далее. Подобным образом (по предлагаемой нами схеме) можно исследовать любое линг–вокультурологическое явление.

Экспериментальное исследование сравнений (Практикум)

Цель проведенного психолингвистического эксперимента — исследовать культурно–национальную специфику сравнений, употребляемых русскими и белорусами для описания человека — его внешности и внутренних качеств. Почему мы проявляем столь пристальное внимание к человеку? Дело в том, что нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю— человеку, к конкретной языковой личности.

Данная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) определить, как категоризирует язык в своих эталонах и стереотипах национальное видение человека;
- 2) установить культурно–идеографические поля, в которых человек наиболее продуктивно оценивает самого себя;
- 3) выявить, как используется опыт языковой личности при описании ею самое себя.

Для достижения поставленной цели и решения вышеуказанных задач была предложена рабочая гипотеза об универсальности основных категорий, характеристик, свойств, применяемых для описания человека, и об этнокультурной специфике их наполнения. Мы полностью разделяем мысль Э.Сепира о том, что внутреннее содержание всех языков одно и то же — интуитивное знание опыта. Только внешняя их форма разнообразна до бесконечности (Сепир, 1993, с. 193). Внешняя форма действительно бесконечно разнообразна в различных культурах, но в то же время она довольно стереотипна для каждой конкретной культуры.

Для проверки данной гипотезы нами применялась модифицированная методика ассоциативного эксперимента. Мы исходили при этом из следующих соображений. Ассоциативный эксперимент по праву считается методикой, которая может быть приложима к большому числу различных исследований, ибо ассоциативные реакции — это как бы сосредоточение сущностей, которыми испытуемые показывают, как они понимают данное слово, что за ним стоит. Известно, что слово, актуализируясь в эксперименте, реализует помимо своих прямых и переносных значений еще потенциальную информацию о текстовом потенциале слова–стимула, о его сочетаемостных возможностях.

Весь комплекс значения слова как бы пронизан ассоциативными лучами, связывающими как аспекты отдельного значения, так и аспекты разных значений, как–то связанных со словом–стимулом. Каждое движение человеческой мысли включает в себя ассоциативные связи, и неслучайно И.П.Павлов писал, что в разуме нет ничего, кроме ассоциаций. В проведенном нами модифицированном эксперименте ассоциации ограничивались рамками сравнения: мы предлагали испытуемым продолжить сравнения первым пришедшим в голову словом. Например, «он высокий, как...»

Однотипные ассоциативные реакции мы рассматривали как более или менее типичные не только для определенной группы испытуемых, но и для языкового коллектива в целом. Единичные ответы не рассматривались.

Наш направленный эксперимент был проведен в две серии. В первой серии устанавливались сравнения, с помощью которых можно описать внешность человека, а во второй — его внутренние качества.

В первой серии испытуемыми были 149 студентов Витебского университета русского отделения филфака и 100 студентов белорусского отделения в возрасте от 19 до 22 лет обоего пола.

Первая серия эксперимента

Для исследования внешнего облика человека использовались следующие тематические группы слов–стимулов:

1) анатомические характеристики человека: рост, полнота, характеристики фигуры, тела и его частей (грудь, руки, колени), частей лица (глаза, брови, нос, губы, скулы, рот, зубы, подбородок, волосы);

2) эстетические качества некоторых частей: грязные (волосы), приятный (голос), выразительные (глаза), красивое (лицо) и др.;

3) динамические характеристики физического облика: быстрый, ловкий, резвый, неуклюжий, сильный;

4) физические состояния и социальный статус: голос, усталый, величественный, угловатый, болтливый, голодный, бедный, богатый, общительный и др.

АНКЕТА 1

брови густые, как... зубы острые, как–голос грубый, как... глаза умные, как... брови тонкие, как... зубы редкие, как... голос звонкий, как... глаза ясные, как... брови черные, как... зубы ровные, как–голос нежный, как... колени круглые, как... волосы грязные, как... он низкорослый, как... голос приятный, как... колени острые, как... волосы длинные, как... он общительный, как... голос резкий, как... лицо бледное, как... волосы курчавые, как... он резвый, как... грудь большая, как... лицо красивое, как... волосы мягкие, как... он сильный, как... грудь впалая, как... лицо круглое, как... волосы прямые, как... он стройный, как... губы алые, как... лицо милое, как... глаза блестящие, как... он толстый, как... губы красивые, как... лицо овальное, как... глаза выразительные, как... он усталый, как... губы красные, как... нос большой, как... глаза голубые, как... он бедный, как... губы пухлые, как... нос прямой, как... глаза карие, как... он богатый, как... губы тонкие, как... нос курносый, как... глаза красивые, как... он болтливый, как... нос с горбинкой, как... рот большой, как... он быстрый, как... тело мускулистое, как... подбородок волевой, как... рот маленький, как... он высокий, как... тело сильное, как... подбородок квадратный, как... руки большие, как... он голодный, как... фигура величественная, как... подбородок острый, как... руки нежные, как... он ловкий, как... фигура угловатая, как... подбородок с ямочкой, как... скулы широкие, как... он неуклюжий, как...

АНКЕТА 2

Эти же слова–стимулы, переведенные на белорусский язык.

Процедура эксперимента предложенные анкеты испытуемым предлагалось вписать первые пришедшие им на ум сравнения. Время для эксперимента 10—12 минут.

Результаты эксперимента и их обсуждение

ГЛАЗА

Для характеристики глаз носители русского языка используют сравнения со следующими реалиями (ответы испытуемых даются в группах по убывающей):

1) с природными объектами: глаза голубые, как небо, как озера, как море, как васильковое поле; карие, как земля, как омут, как песок, как потемневшее небо, как темная вода; выразительные, как ясное небо; красивые, как небо, как море; блестящие, как капля воды, как звезды, как солнце, как вода, как озера, как река в летний день, как гладь озера в лунную ночь, как поверхность озера под лучами солнца; ясные, как небо, как солнце, как звезды, как вода, как родник, как озера;

2) с явлениями природы: глаза красивые, как закат; блестящие, как роса, как дождь; ясные, как утренняя заря, как капельки росы;

3) с глазами животных: глаза карие, как у лошади; умные, как у собаки, как у дельфина, как у лошади, как у совы, как у коровы, как у слона; выразительные, как у коровы, как у лани, как у собаки, как у лошади, как у кошки, как у змеи; красивые, как у газели; блестящие, как у коровы, как у кошки;

4) с растениями: глаза голубые, как васильки, как незабудки; карие, как вишня, как кора дуба, как каштаны; красивые, как цветок;

5) с временем суток: глаза карие, как ночь; выразительные, как день; красивые, как ночь; ясные, как день, как солнечный день, как божий день;

6) с явлениями культуры, деятелями культуры, с героями художественных произведений: глаза выразительные, как у Киркорова, как на картине, как у Мадонны; красивые, как у Мадонны, как на картине, как у Мальвины;

7) с библейскими, фольклорными и мифологическими персонажами: глаза умные, как у Василисы Премудрой; голубые, как у эльфа; красивые, как у Афродиты, как у сирены, как у богини;

8) с глазами представителей определенных профессий: глаза умные, как у ученого, как у психолога; выразительные, как у артиста, как у актрисы, как жест актера, как у фотомодели, как у учителя; красивые, как у актера, как у фотомодели;

9) с глазами представителей других народов: глаза карие, как у цыганки, как у негра; выразительные, как у женщин Индии, как у восточных красавиц;

10) с разными возрастными группами: глаза умные, как у старика; выразительные, как у ребенка, как у девушки; красивые, как у ребенка; ясные, как у ребенка, как у бабушки;

11) с глазами людей определенных душевных, внутренних и внешних качеств: глаза умные, как у мудреца; выразительные, как у умного человека; блестящие, как у плаксы; блестящие, как у пьяного, как у больного; красивые, как у меня, как у мамы;

12) с рукотворными объектами (артефактами, по Аристотелю): глаза карие, как шоколад, как чай, как кофе, как пуговицы; выразительные, как зеркало; блестящие, как

зеркало, как хрусталь, как фонарь, как стекло, как бусинки, как сталь клинка, как пуговики; ясные, как стекло;

13) с драгоценностями: глаза красивые, как алмазы; блестящие, как золото, как бриллианты, как алмазы, как жемчужины, как агаты, как изумруды; ясные, как алмазы, как бриллианты.

Носители белорусского языка для характеристики глаз используют сходные группы объектов:

1) объекты природы: вочы блаютныя, як неба, як возера, як мора; карыя, як глеба, як зямля; выразныя, як сонца, як зорю; прыгожыя, як зорю, як сон-ца; блюкучыя, як зорю, як сонца, як вада, як ручай; ясныя, як сонейка, як неба, як возера, як крын!ца, як мора, як зарн!ца;

2) природные явления: вочы блюкучыя, як маланка, як раса;

3) животные: вочы разумныя, як у сабак!; карыя, як у сабаю; выразныя, як у каровы, як у ката, як у савы; бл/скучыя, як у ката;

4) растения: вочы блаютныя, як вас!льню, як кветачю льну; карыя, як в!шня, як сл/ва, як каштан, як прашлагоднее люце; прыгожыя, як кветю;

5) время суток: вочы ясныя, як дзень;

6) явления культуры, герои художественных произведений, библейские, фольклорные, мифологические персонажи: вочы разумныя, як у Пушкіна; выразныя як на карц!не, як верш, як у Баг/ры; прыгожыя, як у Венеры, як у каралеуны;

7) представители других профессий: вочы разумныя, як у матэматыка, як у вучонага; прыгожыя, як у актрысы;

8) представители других национальностей: вочы карыя, як у цыгана, як у араба;

9) внешность, состояние организма: вочы выразныя, як купрыгажун!; прыгожыя, як купрыгажун!; блккучыя, як куп'янага;

10) я и окружающие меня люди: вочы разумныя, як чалавека, як мяне; карыя, як у сяброук!; прыгожыя, як у каханай, як у мяне;

11) рукотворные объекты: вочы карыя, як шакалад, як кава, як смала, як чай; выразныя, як на партрэце, як люстэрка; прыгожыя, як фарба, як нама-ляваныя; блюкучыя, як люстра, як люстэрка, як гузт, як б/сер.

Сопоставляя полученные ответы, мы пришли к следующим выводам. Число выделенных групп, количественное разнообразие сравнений внутри каждой из групп больше у носителей русского языка.

Так, у белорусов нет сравнений по возрастным особенностям человека, с драгоценностями, с временем суток (только день), зато у белорусов больше поэтических сравнений — вочы выразныя, як верш (глаза выразительные, как стихотворение), вочы

блаютныя, як кветк!лену (глаза голубые, как цветы льна), сравнений, связанных с хозяйственной деятельностью,—вочы карыя, як смала; прыгожыя, як фарбы.

Чаще всего и русские и белорусы сравнивают глаза с объектами природы — небом, солнцем, морем, водой, родником. Белорусы считают, вероятно, на подсознательном уровне, что голубые глаза — это свои, родные, тогда как карие сравниваются с глазами представителей других национальностей — как у цыгана, как у нефа, как у араба и т.д.

БРОВИ

С целью экономии объема объединяем русский и белорусский эксперименты в одном описании. Для характеристики бровей носители данных языков используют следующие группы реалий:

1) природные объекты: брови черные, как омут перед грозой; тонкие, как ручеек; густые, как лес, как чаща, как ельник; выгнутые, как радуга; бровы густыя, як пес;

2) животные: брови черные, как вороново крыло; густые, как щетина; бровы чорныя, як варонне крыло, як крылы ластаую;

3) растения: брови густые, как кусты, как трава; бровы густыя, як трава, як мох, як кусты, як гал!нк!;

4) время суток: брови черные, как ночь; бровы чорныя, якноч;

5) герои художественных произведений, библейские, фольклорные и мифологические персонажи: брови густые, как у Вия; брови тонкие, как у Варвары Красы; густые, как у лешего;

6) представители других национальностей: брови черные, как у цыгана, как у индианки; брови густые, как у араба; бровы чорныя, як у хахлушк!, як у негра, яку цыганю;

7) исторические деятели: брови черные, как у Брежнева; густые, как у Брежнева; бровы чорныя, як у Брэжнева, як у генсека;

8) рукотворные объекты: брови черные, как смола, сажа; тонкие, как ниточки, как дуги, как стрелочки, как веревочки, как шнурочки; густые, как щетка; бровы чорныя, як вугаль, як смала, як сажа; тонюя, як н!тачк!, дуг!, шнурочки, стрэлачм, як сцежка, як стужк!, як палю; густыя, як шчотка.

Носители белорусского языка не используют сравнений с героями художественных произведений, с мифологическими и фольклорными персонажами. Зато и в этой статье у них встречается больше поэтических сравнений — бровы чорныя, як крылы ластаую (черные, как крылья ласточки).

Как для русских, так и для белорусов наиболее характерно сравнение бровей с рукотворными объектами.

ВОЛОСЫ

Из полученных ответов носителей русского и белорусского языков были составлены следующие группы:

1) сравнение с природными объектами: волосы длинные, как реки, как водопад, как ручьи; грязные, как болото; валасы доуг/я, як рака, як лес;

2) с явлениями природы: волосы грязные, как сосульки; прямые, как нити дождя; курчавые, как облака; валасы прамыя, як сасульк/;

3) с животными: волосы длинные, как конская грива, как хвост у коня; мягкие, как шерсть, как пух; грязные, как у поросенка, как у свиньи, как у бездомного пса, как шерсть; курчавые, как у барана, как у овцы, как у ягненка; валасы доуг/я, як грыва; мякк/я, як пух; брудныя, як рыла у парсюка, як у жывелы, як поуць; курчавь/я, як у барана, як каракуль, як у пудзеля;

4) с растениями: мягкие, как пен, как водоросли; грязные, как солома; курчавые, как береза; прямые, как солома; валасы доуг/я, як лен, як дрэва; мякюя, як лен; брудныя, як салома; курчавь/я, як бяроза; прамыя, як салома;

5) с временем суток: волосы длинные, как ночь;

6) с временем года: волосы длинные, как зима;

7) с явлениями культуры, литературными героями, библейскими, фольклорными, мифологическими персонажами: волосы курчавые, как у Пушкина, как у Минаева, как у Виктора Карено, как у Буратино; длинные, как у Белоснежки, как у русалки, как у Евы, как нить Ариадны, как у ведьмы; грязные, как у Бабы Яви; валасы курчавь/я, як у Бядул/, як у В/ктара Карэны; брудныя, як чэрц!;

8) с представителями других народов: волосы грязные, как у чукчи; курчавые, как у негра; прямые, как у финна, как у шведки, как у индианки; валасы курчавыя, як у негра;

9) с людьми разного возраста, социального положения: волосы грязные, как у бродяги, как у бомжа, как у нищенки; мягкие, как у ребенка; валасы мякюя, як у дз!цяц!; курчавыя, як у сяброую;

10) с рукотворными объектами: волосы длинные, как дорога, веревка, как нить, как полотно, как прутья; мягкие, как шелк, как вата; грязные, как пакля, как половая тряпка, как дорога, как шнуры; курчавые, как спираль, как стружка; прямые, как палки, как пакля, как нити, как линия, как струна, как прутья, как плети; валасы доуг/я, як вяроук/, як тткг, мякк/я, як шоук; брудныя, як мятла, як ануча, як сажа; прамыя, як лалк/, як страла, як л/н/я.

Белорусы, в отличие от русских, не используют здесь сравнений с временем суток, временем года, с героями художественных произведений. Наиболее многочисленны следующие группы сравнений: для русских — с рукотворными объектами, для белорусов — с животными.

ГОЛОС

Для характеристики голоса русские и белорусы используют сравнения со следующими реалиями:

1) с природными объектами: голос приятный, как журчание ручья, как ручеек, как шум прибоя; грубый, как камень; звонкий, как ручеек, как журчание ручья; нежный, как журчание ручья; голос приятный, как ручеек; звоню, как ручеек; пшчотны, как ручеек, как ручеек;

2) с явлениями природы: голос приятный, как капель; грубый, как гром; нежный, как летний ветерок; резкий, как северный ветер, как вьюга, как зимний ветер, как молния; голос приятный, как подых ветру; грубы, как гром; пшчотны, как вечер; рэзю, как гром, как вечер, как смерч;

3) с животными: голос приятный, как у соловья, как мед, как у иволги; грубый, как лай, как у медведя, как рев слона; звонкий, как у соловья, как песня жаворонка; нежный, как у птички, как у кошки; резкий, как у вороны, как у поросенка, как у дятла, как у павлина, как у попугая; голос грубы, как у мядзвездзя, как лай, как вой, как у слона; звоню, как мед, как у птушю; рэзю, как у вароны, как упеуня;

4) с растениями: голос приятный, как запах мяты; нежный, как шелест листвы, как цветок, как фиалка;

5) с явлениями культуры, литературными героями, фольклорными и мифологическими персонажами: голос грубый, как у Высоцкого; звонкий, как у Шавриной, как песня; приятный, как песня, как музыка, как мелодия; нежный, как мелодия, как колыбельная; резкий, как у Азазелло; нежный, как у феи; голос пшчотны, как у Сенчынай; рэзю, как у Высоцкага; приятны, как мелодия, как песня, как Уцесава; звоню, как песня, как музыка;

6) с представителями определенной профессии, организации: голос приятный, как у диктора, как у артиста, как у певицы, как у ведущей «Спокойной ночи, малыши», как у психиатра; грубый, как у продавца, как у моряка, как у водителя автобуса; резкий, как у прапорщика, как у военного; звонкий, как у пионера; голос приятный, как у диктара; рэзю, как у начальна;

7) с людьми разного возраста: голос приятный, как у девушки; звонкий, как у ребенка; нежный, как у ребенка, как у девушки, как дыхание ребенка; голос звоню, как у дз!цяц!;

8) с людьми разного состояния, разных внутренних качеств, с другими людьми: голос грубый, как у пьяного, как у алкоголика, как у курильщика, как у простуженного, как у мужчины; голос приятный, как у мамы; нежный, как у мамы, как у любимого; голос приятный, как у падхал!ма, как у злодззя; грубы, как у мужчыны; пшчоны, как у мац/, как у бабул!;

9) с рукотворными объектами: голос грубый, как труба; звонкий, как колокольчик, как струна, как труба, как горн, как гудок паровоза; нежный, как бархат; резкий, как скрип двери, как звук пилы, как нож, как сирена, как бритва, как лимонад; голос грубы, как труба, как контрабас, как колакал, как барабан, как бубен; звоню, как званочак; рэзю, как труба, как званок.

Экспериментальные данные показывают, что большинство групп объектов, с которыми сравнивается голос, одинаковы и у белорусов и у русских. В отличие от русских, белорусы не используют сравнений с растениями, с фольклорными и мифологическими персонажами, с героями художественных произведений. Отличительной особенностью всех сравнений является обилие поэтических сравнений (голос приятный, как капель; нежный, как летний ветерок и др.). Для русских здесь наиболее характерны сравнения с явлениями культуры, для белорусов — с рукотворными объектами.

ГРУДЬ

Для описания груди носители русского и белорусского языков используют сравнения со следующими реалиями:

1) с природными объектами: грудь большая, как горы; впалая, как овражек; грудз! вял/к/я, як гара;

2) с животными: грудь большая, как у коровы, как вымя, как у гориллы; грудз! вяпта, як у каровы;

3) с растениями: грудз! вял/к/я, як гарбузы, як дын1, як яблык!;

4) с явлениями культуры, героями художественных произведений, фольклорными и мифологическими персонажами: грудь большая, как у Сарбины, как у Софи Лорен, как у Саманты Фокс, как у Мадонны, как у Шварценеггера, как у польской секс-звезды, как у Геракла, как у богатыря; грудь впалая, как у «мужика-белоруса», как у Кашея; грудз! вял1я, як у к1назорк1, як у Сар-быны, як у Саманты Фокс;

5) с людьми определенных профессий, возрастов, национальностей: грудь впалая, как у шахтера, как у старухи, как у дряхлого старика, как у немца; грудь большая, как у моряка, как у атлета, как у спортсмена, как у борца, как у штангиста, как у культуриста, как у казачки, как у хохлухи; грудз! вял1к!я, як у атлета, як у суседк!; запалыя, як у старога;

6) с людьми определенных состояний: грудь впалая, как у чахоточного, как у голодного; грудз! запалыя, як у хворага, як у сухотн!ка, як у галадаю-чаеа, як пасля сухоты;

7) с рукотворными объектами: грудь впалая, как яма, как вмятина, как доска; большая, как мяч, как шар, как колеса, как из силикона; грудз! запалыя, як дошка, як яма; вял/гая, як мячык, як мях/, як шары.

Большинство групп сравнений совпадают и у русских, и у белорусов. Однако белорусы, в отличие от русских, не используют сравнений со следующими объектами: с героями художественных произведений, с фольклорными и мифологическими персонажами, с представителями других национальностей, зато среди их ответов встречаются сравнения с растениями, с собой и другими близкими людьми. Чаще всего представители обеих национальностей сравнивают грудь человека с рукотворными объектами.

ГУБЫ

Чаще всего губы сравниваются со следующими группами объектов:

- 1) с природными реалиями: губы красивые, как море, как река;
- 2) с явлениями природы: губы алые, как заря, как закат; красные, как рассвет, как закат; красивые, как рассвет, как заря; вусны пунсовыя, як захад;
- 3) с животными: губы алые, как кораллы, как кровь; красные, как кровь, как кораллы, как рак; пухлые, как у верблюда; тонкие, как у змеи;
- 4) с растениями: губы алые, как маки, как лепестки розы, как малина, как помидор, как ягоды, как вишня, как сок граната, как рябина; красные, как маки, как малина, как вишня, как роза, как клубника, как помидор, как свекла, как калина, как рябина, как земляника, как ягоды; тонкие, как лепестки; пухлые, как сливы; красивые, как розы, как цветок, как спелые сливы; вусны пунсовыя, як мал/на, як маю, як кружы, як ягадю, як кветю, як е/шн/, як сун/цы, я/с/сал/на, я/граб/на; чырвоныя, як кружы, як маю, як клубн/ка, я/с мал/на, як лам/дор, як сун/цы, як е/шн/, як раб/на; пухлыя, як е/шн/, я/с бутон ружы; прыгожыя, як кветю, як маю, як кружы, як ягадю, я/слам/дор;
- 5) с явлениями культуры, литературными героями, фольклорными и мифологическими персонажами: губы красивые, как на картине, как у Мадонны, как у Джаконды, как у Мерилин Монро, как у Джулии Роберте, как у статуи, как у кинозвезды, как у Анны Карениной, как у Маргариты, как у богини, как у греческих богов, как у Аполлона, как у Венеры, как у ангела; красные, как у вампира; вусны прыгожыя, яку Мадоны, яку Венеры, яку фе!, яку багц
- 6) с временем года: вусны прыгожыя, як вясна;
- 7) с представителями разных национальностей, разных возрастов, с другими людьми и собой: губы пухлые, как у негра, как у ребенка; тонкие, как у старушки, как у меня; красивые, как у девушки, как у меня; красные, как у красавицы; вусны пухлыя, як у негра, як удз!цяц!; прыгожыя, як удзяучыны, як у прыгажун!; вусны пунсовыя, як у прыгажун!;
- 8) с людьми определенных внутренних качеств, состояния: губы тонкие, как у злюки, как у злого человека, как у сдержанного человека, как у жадного человека, как у хитреца, как у скупого; пухлые, как у чувственной женщины, как у развратника со стажем, как у обжоры; губы красные, как у больного; вусны тонюя, як у злючю, як у скупца, як у злога чалавека;
- 9) с рукотворными объектами: губы алые, как флаг, как скатерть президента; красные, как флаг, как дорогое вино, как яркая помада; тонкие, как нити, как веревки, как полоски, как щель, как линия, как стрелы, как лезвие, как лист бумаги; пухлые, как подушка, как булочки, как пончик, как перина, как вата, как ватрушки; красивые, как нарисованные, как бантик; вусны чырвоныя, як сцяг; тонюя, як н/лш, я/с рь/с/с/, я/с люты; пухлыя, як бупачю, як падушка, як варэны, як каубасы, як бл/ны.

Белорусы, в сравнении с носителями русского языка, не используют сравнений с природными объектами, с животными, с литературными героями, с представителями определенных профессий, с людьми определенного внутреннего состояния, с собой и

другими людьми. Носители русского языка не используют сравнений с временами года. Для русских наиболее характерны сравнения с растениями и рукотворными предметами, для белорусов — с растениями.

ЗУБЫ

Зубы сравниваются:

1) с животными: зубы ровные, как у лошади, как у белочки; острые, как у волка, как у акулы, как клыки, как у шуки, как у белки, как у кошки, как у мыши, как у хорька, как у хищника, как у лисицы, как у тигра, как у крысы, как у зверя, как у собаки, как у крокодила, как у рыбы, как у кабана, как у нутрии; редкие, как у старого зверя; зубы роуныя, як у бабра; вострыя, як у ваука, як у шчупака, як у п'юы, як у г/ены, я/с у зайца, як у бабра, як у ц!гра, як у ваверю; рэдня, якустарога ваука;

2) с растениями: зубы редкие, как деревья; зубы роуныя, як лес, як час–нок; рэдня, як вырублены пес, як лес, як дрэвы у пол!;

3) с явлениями культуры, с фольклорными и мифологическими персонажами: зубы ровные, как у Бриджит Бордо, как с рекламы зубной пасты, как у кинозвезды; редкие, как у Пугачевой, как у Бабы Яги; острые, как у вампира;

4) с орудиями труда: зубы вострыя, якнож, як!голю, якпша, якерабл!, якв!лы;

5) с представителями конкретной профессии, возраста, моральных качеств: зубы ровные, как у дантиста, как у актрисы, как у фотомодели; редкие, как у старухи, как у развратника, как у мамы; рэдк!я, якустарога;

6) с рукотворными объектами: зубы ровные, как забор, как частокол, как под линейку, как стена, как рельсы, как вставные, как нити, как подпиленные, как изгородь; острые, как кинжал, как пики, как бритва, как копья, как лезвие; редкие, как забор, как частокол, как расческа, как поломанный забор, как изгородь, как решето, как штакетник, как прореженные, как выбитые, как плетень, как ограда; зубы роуныя, якагароджа, як плот, якшчот–ка, як палю, як слуп; вострыя, яклезв!я, яклязо, як п!ю; рэдня, якагароджа, як плот, як штакец!ны;

7) с драгоценностями: зубы ровные, как жемчужины; як б/сер.

Общих для носителей обоих языков групп объектов, с которыми сравниваются зубы, относительно немного: животные, растения, люди определенного возраста, рукотворные объекты. Белорусы не используют сравнений с явлениями культуры, мифологическими и фольклорными персонажами, представителями определенной профессии. Русские не привели сравнений с орудиями труда.

КОЛЕНИ

Для характеристики коленей носители данных языков используют следующие сравнения:

1) с объектами природы: колени острые, как камни;

2) с животными: колени круглые, как у слона;

3) с растениями: колени острые, как сучки; круглые, как яблоки, как арбуз, как апельсин; кален! круглая, як яблык!, як гарбузы, як апельс!н;

4) с орудиями труда: колени острые, как иголки, как ножи, как гвозди; вострыя, як /гол/а, як нажы, як шыла;

5) с литературными героями: колени острые, как у Буратино;

6) с людьми разного возраста: колени острые, как у девочки–подростка, как у подростка; круглые, как у девушки, как у девочки;

7) с другими людьми: кален! круглая, як у таустух, як у сяброук!;

8) с рукотворными предметами: колени острые, как колья, как стрелы, как копья, как угол, как пики, как палки, как шпильки, как бритва, как штыки; круглые, как мячики, как шары, как подушки, как чашки, как надувные мячи; кален! вострыя, як вуглы, як палк!, як л/к/, як стрэлы, як шпаг!; круглая, як мяч, як колы, як шарык.

Совпадают у носителей обоих языков лишь три группы сравнений: с растениями, с орудиями труда и рукотворными предметами. Белорусы не используют сравнений с природными объектами, с животными, с литературными героями, с людьми разных возрастов.

ЛИЦО

Здесь можно выделить следующие группы сравнений:

1) с объектами природы: лицо овальное, как луна; круглое, как луна, как солнце; красивое, как звезда, как утренняя звезда; румяное, как солнце; бледное, как луна; твар круглы, як месяц, як сонейка; прыгожы, як месяц; мты, як сонца; бледны, як луна;

2) с явлениями природы: лицо красивое, как заря; румяное, как с мороза, как заря, как закат, как рассвет; бледное, как снег; твар румяны, як зара; бледны, як снег;

3) с животными: лицо круглое, как камбала; овальное, как яйцо; твар авальны, як яйка;

4) с растениями: лицо овальное, как дыня, как огурец, как слива, как ананас; круглое, как яблоко, как арбуз, как репа, как подсолнух, как помидор; милое, как цветок; красивое, как цветок, как роза; румяное, как яблоко, как свекла, как спелое яблоко, как персик, как спелая земляника; бледное, как поганка; твар авальны, як дыня, як сл/еа, як агурок; круглы, як гарбуз, як яблык; прыгожы, як ружа, як кветка, як л/лея; мты, як кветка; румяны, як яблык, як бурак; бледны, якпаганка;

5) с временем суток: лицо милое, как ясный день, как утро; красивое, как день;

6) с временами года: лицо милое, как весна; красивое, как весна;

7) с явлениями культуры, литературными героями, фольклорными и мифологическими персонажами: лицо овальное, как на иконе; круглое, как у Долиной; красивое, как у Мадонны, как с обложки журнала, как у Мэрилин Монро, как у Келли, как у статуи, как у Венеры, как у Афродиты, как у Василисы Прекрасной, как у ведьмы;

милое, как сказка, как на картине, как у Золушки, как у Дюймовочки, как у ангела, как у Снегурочки, как у Аленушки; бледное, как у Пьеро, как Смерть; твар прыгожы, як у Мэрл/н Манро, як карц/на, як у Мальвты; круглы, як Калабок; бледны, як Смерць;

8) с представителями определенной профессии: лицо красивое, как у фотомодели, как у манекенщицы, как у актрисы;

9) с людьми разного возраста, определенных внутренних и внешних качеств: лицо милое, как у ребенка, как у девушки, как у девочки; красивое, как у девушки, как у красавицы; лицо круглое, как у добряка, как у дурака; твар м'ты, як у йз/цяц/;

10) с людьми определенного состояния, с собой и другими людьми: лицо румяное, как у здорового человека; бледное, как у смертельно больного, как у больного, как после болезни, как у чахоточного; милое, как у милого, как у мамы, как у любимой; красивое, какулюбимого, как/меня, как у милой; твар прыгожы, якупрынцэсы; мты, якукаханай, якуроднага, яку мац/, якумяне;

11) с рукотворными объектами: лицо овальное, как блин, как зеркало, как надувной шарик, как блюдо; круглое, как шар, как мячик, как блин, как тарелка, как блюдо; красивое, как у куклы, как нарисованное; румяное, как у матрешки, как пирог, как пирожок, как блин, как пышка, как хлеб из печи;

162

бледное, как мел, как полотно, как простыня, как лист бумаги, как мука; твар авальны, як бп\н, як авал, яклюстэрка; круглы, як талерка, як шар, як мячык, як бл\н; прыгожы, як на малюнку; м/лы, як цукерка; румяны, як трог, як булка, як матрошка; бледны, як папатно.

Можно отметить большое количество разнообразных групп сравнений у носителей обоих языков, причем многие группы совпадают: природные объекты, явления природы, животные, растения и т.д. Белорусы не используют сравнений с временем суток, временами года, с людьми определенных профес–сий, внутренних качеств и др. И для русских и для белорусов наиболее характерны сравнения с растениями.

НОС

Для характеристики носа русские и белорусы используют следующие типы сравнений:

1) с природными объектами: нос прямой, как скала; с горбинкой, как гора, как с холмиком, как горка, как горный спуск, как перевал в горах, как горный хребет; курносый, как трамплин; большой, как гора; нос прамы, як гара; вял/к/, як гара; з гарбмкай, як гара;

2) с животными: нос прямой, как у дятла, как клюв аиста, как у коршуна, как у хищной птицы; с горбинкой, как у орла, как клюв; курносый, как у котенка, как у утки, как у мопса, как у щенка, как у поросенка, как у ежа; большой, как хобот у слона, как у дятла, как у аиста; нос к/рлаты, як у парася, як у арла, як у коршуна; з гарб!нкай, як у арла, як у птушк!, як клюу; вяпМ, як у чалл/, як у дзятла, як хобат;

3) с растениями: нос курносый, как картошка, как груша, как огурец, как помидор, как слива, как дыня, как тыква; нос юрпаносы, як бульб/на; вял/к/, я/с бульб/на, як груша, як баклажан, як гарбуз, як агурок;

4) с явлениями культуры, литературы, фольклорными и мифологическими персонажами: нос прямой, как у греческой статуи, как у Аполлона; с горбинкой, как у Ахматовой, как у Гоголя, как у Бабы Яги; курносый, как у Бельмондо, какуСирано, как у Аленушки; большой, каку великана; нос вял/к/, як у велтана;

5) с представителями различных профессий, возрастов, национальностей: нос с горбинкой, как у боксера, как у грузина, как у грека, как у римлян, как у кавказца, как у француза; нос курносый, как у белоруса, как у ребенка, как у клоуна; нос прямой, как у аристократа; нос прамы, як у грэка, як у рымлян/'на; з гарб!нкай, як у груз/на, як у яурэя, як у грэка, як у кауказца, як у армян/на; нос фпаносы, як у дз!цяц!;

6) с людьми определенных внутренних качеств, с собой и другими людьми: нос курносый, как у задиры, как у задавалы, как у меня, как у моей мамы;

7) с рукотворными объектами: нос прямой, как линейка, как палка, как стрела, как дорога, как струна, как линия, как столб, как доска, как водосточная труба; большой, как рубильник; нос с горбинкой, как лестница, как ровная дорога с препятствиями; курносый, как пипка, как крючок, как кнопка, как кнопка звонка, как калоша, как самовар, как Эйфелева башня, как кран; нос прамы, як палка, як лом, як стрела, я/с л/н/я, як шлях, як кол, як дарога, як слуп, як мост, як бервяно, як струна; юрпаносы, як кручок, як гуз!к; з гарб!нкай, як дуга; вял/к/, як аглобл/.

Белорусы, в отличие от русских, не используют сравнений с явлениями культуры, с фольклорными и мифологическими персонажами, с представителями определенной профессии, с представителями определенных классов общества (аристократы), с внутренними качествами человека, с собой и другими людьми. Если для русских наиболее характерны сравнения с растениями, животными и рукотворными объектами, то для белорусов — с растениями.

ПОДБОРОДОК

При описании подбородка носители обоих языков используют следующие группы сравнений:

1) с объектами природы: подбородок острый, как утес, как камень; квадратный, как камень;

2) с животными: подбородок волевой, каку бульдога; острый, как у лисы, как у дрозда; востры, як дзюба у бусла; валявы, як у бульдога, квадратны, як у бульдога;

3) с растениями: подбородок с ямочкой, как яблоко, как персик, как ягодка; падбародак з ямачкай, я/с корч, як яблык;

4) с орудиями труда: подбородок острый, как нож, как игла, как шило, как лопаточка; квадратный, как лопата; востры, як нож, як лапата, як шыла, як сякера, як акучн!к; квадратны, як лапата, як шуфля;

5) с явлениями культуры, литературы, с фольклорными и мифологическими персонажами: подбородок волевой, как в кино, как у супермена, как у Маяковского, как у Шварценеггера, как у киногероя, как у Шарапова, как у Ван Дамма, как у Сталлоне, как у Кобзона, как у Серова, как у Плачи–до, как у Штирлица, как у Павки Корчагина, как у Геракла; с ямочкой, как у Серова, как у Фокса, как у Мартынова, как у Леонтьева, как у Киркорова, как у Ротару; квадратный, как у Шварценеггера, как у супермена, как у Сталлоне; острый, как у Хлестакова, как у Кощея Бессмертного, как у Бабы Яги, как у ведьмы; падбародак валявы, як у Шварцэнэгера, як у Сяро–ва, як у Самойлава; з ямачкай, якуСярова, яку Самойлава; квадратны, як у Арнольда, як у Шчаукунчыка;

6) с представителями определенной профессии: подбородок волевой, как у боксера, как у спортсмена, как у каскадера, как у военного, как у борца, как у сыщика, как у моряка; квадратный, как у боксера, как у борца, как у грузчика, как у спортсмена;

7) с представителями других национальностей: подбородок волевой, как у американца, как у римлянина; квадратный, как у американца;

8) с людьми определенного возраста, физического состояния, с историческими деятелями: подбородок с ямочкой, как у ребенка, как у кокетки; волевой, как у сильного человека, как у Ленина, как у Наполеона; падбародак з ямачкай, як у прыгожых мужчын;

9) с собой и другими людьми: подбородок волевой, как у отца, как у мужчины; с ямочкой, как у меня; валявы, як у сябра; з ямачкай, як у сябра, як у сястры;

10) с рукотворными объектами: подбородок острый, как угол, как клин, как копье, как треугольник, как меч, как кинжал, как угол стола, как бритва, как стрела; волевой, как стена; квадратный, как стол, как ящик, как кирпич, как квадрат, как шкаф, как кубик, как коробка, как тумбочка, как телевизор; валявы, як сцяна, як у робата; востры, як вугал, як кл/нок, як л/га, як трохвугольн!к, як лязо; з ямачкай, як канава, як кнопка; квадратны, як квадрат, як куб, як цэгла (кирпич), як стол, як у робата, як тумба, як бот.

Белорусы, в сравнении с носителями русского языка, не используют сравнения с природными объектами, с фольклорными и мифологическими персонажами, с представителями определенной профессии, с людьми других национальностей, возрастов, с историческими деятелями. Для носителей обоих языков наиболее характерны сравнения с рукотворными объектами.

РОТ

Экспериментальный материал позволил выделить следующие группы сравнений:

1) с природными объектами: рот большой, как пещера, как пропасть; вял/к/, як ак/ян, як пяшчэра;

2) с животными: рот большой, как у бегемота, как у лягушки, как у обезьяны, как пасть зверя, как у утки, как у кита, как у пеликана; маленький, как у мыши, как у птички, как у птенчика, как клюв, как у кошки, как у цыпленка, как у воробья, как у зайца, как у котенка; вял/к/, я/с у жабы, як у мал–пы, як у каня, як у кракадз/ла, як у бегемота; маленью, як у мышю, як у кацяня, як у птушк!;

3) с растениями: рот маленький, как вишня, как бутон, как ягодка; вял/к/, як яблык; маленью, як гарошына, як ягадка;

4) с временем суток: рот большой, как день;

5) с явлениями культуры, литературными героями: рот большой, как у Агутина, как у Долиной, как у Лорен, как у Буратино, как у Щелкунчика; маленький, как у Дюймовочки, как у гнома; вял/к/, як у Бурац/на;

6) с людьми определенной профессии, возраста: рот большой, каку клоуна; маленький, как у ребенка, как у младенца; маленью, як у дз!цяц!;

7) с рукотворными объектами: рот большой, как яма, как огород, как чемодан; маленький, как щель, как пуговка, как точка, как дырочка, как у куклы, как свисток, как булавочная головка, как кнопка; вял/к/, як яма, як вароты, як кадка, яккалодзеж, як амбар; маленьк!, як кнопка, якдз!рачка, як шчэл/на, як булавачная галоука, як гуж.

Большинство выделенных групп являются общими для носителей обоих языков: природные объекты, животные, растения и др. Белорусы не использовали здесь сравнений со временем суток, с явлениями культуры, фольклорными и мифологическими персонажами, с представителями определенных профессий. Если для носителей русского языка наиболее характерны сравнения с животными, то для белорусов — с животными и рукотворными объектами.

РУКИ

На основе экспериментальных данных выделены следующие группы сравнений:

1) с явлениями природы: руки нежные, как южный ветер, как веторок; пшчотныя, як летн! вецер;

2) с животными: руки большие, как лапы, как лапы медведя, как у обезьяны, как лапы льва; нежные, как лапки у кошки, как у котенка; вял/к/я, як лапы, якумалпы, як у мядзведзя; пшчотныя, яккрылы;

3) с орудиями труда: руки большие, как лопаты, как грабли;

4) с литературными героями, фольклорными и мифологическими персонажами: руки большие, как у Гулливера, как у Базарова, как у великана; вял/'к/я, як у Базарава, як у ас/лка;

5) с представителями определенной профессии, класса: руки большие, как у боксера, как у крестьянки; нежные, как у аристократа;

6) с возрастными особенностями: руки нежные, как у ребенка; пшчотныя, як у дз!цяц!;

7) с людьми определенных внутренних качеств: руки большие, как у жадного человека; нежные, как у белоручки;

8) с близкими людьми: руки нежные, как у мамы, как у любимого; вял/к/я, як у бацьк!; пшчотныя, як мац!, як у каханай, як у жанчыны;

9) с рукотворными объектами: руки большие, как ковши; нежные, как шелк, как бархат, как атлас, как вата; вял/к/я, якпалк!, якжэрдзь, як яма.

Большинство групп сравнений совпадают у носителей обоих языков; толь* ко у русских встречаются сравнения с представителями определенных профессий, класса, внутренними качествами человека. И для русских и для белорусов характерны сравнения с орудиями труда.

СКУЛЫ

Здесь можно выделить следующие группы сравнений:

- 1) с природными объектами: скулы широкие, как поле, как море; шы/рок/я, як поле;
- 2) с животными: скулы широкие, как у бульдога;
- 3) с орудиями труда: скулы широкие, как лопата; шыроюя, яклапата;
- 4) с представителями определенных профессий: скулы широкие, как у боксера;
- 5) с явлениями культуры: скулы широкие, как у Шварценеггера;
- 6) с представителями других национальностей: скулы широкие, как у монгола, как у татарина, как у негра, как у чукчи, как у китайца, как у азиата, как у калмыков, как у киргизов; шырок!я, як у ютайца, як у мангола, як у татарына, як у эск!моса;
- 7) с рукотворными объектами: скулы широкие, как площадь, как дорога; шыроюя, як дарога, як талерка, як круг, як квадрат.

Четыре группы из названных совпадают у носителей обоих языков — сравнения с природными объектами, с орудиями труда, с представителями

166

других национальностей и рукотворными объектами. Белорусы не используют здесь сравнений с явлениями культуры, с представителями определенных профессий, с животными. Для носителей обоих языков наиболее типичны сравнения с представителями других национальностей.

ТЕЛО

Для характеристики тела были использованы следующие группы:

- 1) с природными объектами: тело сильное, как камень;
- 2) с животными: тело сильное, как у слона, как у льва, как у лошади, как у тигра, как у удава, как у орла; мускулистое, как у тигра, как у змеи, как у гепарда, как у гориллы, как у кита; цела дужае, як у мядзвездзя, як у/льва, як у быка, як у слана, як у тыгра; мускул/с/пае, як у тыгра, як у /льва, як у к/та;
- 3) с растениями: тело сильное, как дуб, как дерево, как ствол дуба; цела дужае, як дуб;

4) с явлениями культуры, литературы, с фольклорными и мифологическими персонажами: тело сильное, как у Шварценеггера, как у Ван Дамма, как у киногероев Голливуда, как у Геракла, как у богатыря; мускулистое, как у Шварценеггера, как у Сталлоне, как у Ван Дамма, как у Тарзана, как у Геракла; цела дужае, як у Шварцэнэгера, яку Сталоне, яку вола-та, як у Геракла, як у ас/лка; мускул/стае, як у Шварцэнэгера, як у Стало-не, як у Геракла;

5) с представителями определенной профессии: тело сильное, как у атлета, как у спортсмена; мускулистое, как у кочегара, как у спортсмена, как у культуриста, как у борца, как у атлета, как у штангиста, как у тяжеловеса; цела дужае, як у атлета, як у спарцмена, як у баксера; мускул/стае, як у атлета, як у спарцмена, як у грузчика, як у барца;

б) с представителями других национальностей: тело мускулистое, как у негра;

7) с рукотворными объектами: тело сильное, как стальная машина, как пружина; мускулистое, как канат, как пружина.

Пять первых фупп здесь являются общими и для русских и для белорусов. Носители белорусского языка не использовали сравнений с природными объектами, с героями литературных произведений, с представителями других национальностей, с рукотворными объектами. Для носителей русского языка более характерны сравнения с представителями определенных профессий, для белорусов — с животными.

ФИГУРА

В эксперименте были выявлены следующие группы сравнений:

1) с природными объектами: фигура величественная, как гора;

2) с животными: фигура угловатая, как у медведя; величественная, как у льва, как у павы, как у оленя; постаць нязграбная, як у мядзведзя, як у малпы, як у насарога, як у слана, як у чарапах!, як у бегемота; вел!чная, як у лаул/на, як у /льва, як у зубра, як у аленя;

3) с растениями: фигура угловатая, как коряга, как елка; величественная, как дуб; вел!чная, як дрэва, як дуб;

4) с явлениями культуры, литературы, фольклорными и мифологическими персонажами: фигура величественная, как монумент, как статуя, как памятник, как постамент, как дворец, как статуя Зевса, как у богини, как у Аполлона; угловатая, как у Квазимодо, как у Бабы Яги, как у горбуна; постаць вел!чная, як манумент, як статуя, яку Гганта, яку Аполлона, няз-грабная, як у Бабы Ягг,

5) с положением человека в обществе: фигура величественная, как у короля, как у королевы, как у царя, как у царицы, как у императора; постаць вел!чная, як у цара, як у прынцэсы, як у лан/, як у князя;

б) с историческими лицами: фигура величественная, как Петра I, как у Наполеона;

7) с рукотворными объектами: фигура угловатая, как шкаф, как стол, как ящик, как кирпич, как циркуль; величественная, как Останкинская башня; постаць нязграбная, як палка.

8) с геометрическими фигурами: фигура угловатая, как шкаф, как квадрат, как треугольник, как многоугольник, как стол, как восьмигранник.

Большинство фупп сравнений совпадают у носителей обоих языков. Носители русского языка, кроме того, используют сравнения с природными объектами, орудиями труда, с геометрическими фигурами, с литературными героями, с историческими деятелями. И русские и белорусы чаще всего используют сравнения с положением человека в обществе.

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Для характеристики БЕДНОГО и БОГАТОГО человека используются следующие группы сравнений:

1) с природными объектами: богатый, как земля;

2) с животными: бедный, как церковная крыса, как заяц, как мышь, как сокол, как пес, как таракан; богатый, как слон; бедны, як царкоуная крыса, як заяц, як сокал;

3) с явлениями культуры, литературными героями, библейскими персонажами: бедный, как Дикая Роза, как папа Карло, как Остап Бендер, как Лазарь; бедны, якДзямян, як!оу; богатый, как в сказке, как Луис Альберто, как Буратино; багаты, як зорка Гал1вуда, як Бог;

4) с представителями определенной профессии, национальности: бедный, как портной, как учитель, как румын, как белорус, как индеец; бедны, як селян/н, як жабрак, як раб; богатый, как бизнесмен, как богач, как купец, как банкир, как коммерсант, как еврей, как американец, как грузин; багаты, як купец, як камерсант, як жыд, як груз/н;

5) с положением в обществе: бедный, как студент, как крестьянин, как нищий, как раб, как бомж, как бедняк, как батрак, как пенсионер; богатый, как царь, как король, как буржуй, как падишах, как помещик, как шах, как магнат, как президент, как султан, как пан, как вождь племени, как Рокфеллер; багаты, як пан, як цар, як султан, як кулак, як прэз!дэнт;

6) с собой и другими людьми: бедный, как все, как мы, как я;

7) с рукотворными объектами: бедны, яклапаць.

Большинство выделенных групп — общие для носителей обоих языков. Как и в других статьях, здесь носители белорусского языка мало используют сравнений с явлениями культуры, с героями литературных произведений, с собой и другими близкими людьми. Наиболее характерны для носителей обоих языков сравнения с положением другого человека в обществе.

ФИЗИЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА

В эту статью мы объединили следующие характеристики человека: **ВЫСОКИЙ**, **НИЗКОРОСЛЫЙ**, **СТРОЙНЫЙ**, **ТОЛСТЫЙ** и **СИЛЬНЫЙ**. Здесь были выделены следующие группы сравнений:

1) с природными объектами: высокий, как гора, как небо, как лес; высок!, як лес, як неба, якгара;

2) с животными: высокий, как жираф, как кенгуру, как страус; як жыра-фа; низкорослый, как пони; як пон!, як мыш; стройный, как газель, как лань; як лань; толстый, как слон, как бегемот, как свинья, как поросенок, как медведь, как кабан, как кот, как боров; як слон, як се/ння, як мядзвездзь, як бегемот, як кабан, як хамяк; сильный, как лев, как медведь, как слон, как бык, как вол, как муравей; дужы, як мядзвездзь, яклеу, як конь, якзубр, як лось;

3) с растениями: высокий, как тополь, как сосна, как дерево, как эвкалипт, как дуб; якдрэва; низкорослый, как кустарник, как пенёк, как карликовая береза, как гриб, как трава, как мох, как кактус; як грыб, як мох, як трава, як куст, як корч, як пенёк, як карл/кавая бяроза; стройный, как кипарис, как березка, как тополь, как тростинка, как осинка, как пальма, как сосна; як был/нка, як бярозка, як трасц!нка, як гал/на, як дубец, як ас/на, як трава, як сцябл/нка, як салом/нка; толстый, как баобаб; як гарбуз, як дуб; сильный, как дуб; як дуб;

4) с явлениями культуры, литературы, мифологии: высокий, как дядя Степа, как Гулливер, как великан; як дзядзя Сцепа, як велтан; низкорослый, как Дюймовочка, как гном; стройный, как тополь на Плющихе; толстый, как Сергей Крылов, как Винни-Пух, как Гаргантюа; сильный, как Сталлоне, как Шварценеггер, как Геракл, как Илья Муромец; дужы, як Швар-цэнэгер, як ас/лак, як волат, як Геракл, як Ілля Мурамец, як Ах/л;

5) с другими людьми: низкорослый, как абориген, как китаец, как карлик, как лилипут; стройный, как манекенщица; толстый, как обжора; сильный, как атлет, как борец;

6) с рукотворными объектами: высокий, как столб, как каланча, как дом, как Эйфелева Башня, как небоскреб, как башня, как телеграфный столб, как подъемный кран, как телебашня; як слуп, як каланча, якжэрдзь, як дом, яктэлебашня; стройный, как мачта, як палка, як/гла, як струна; толстый, как бочка, как пончик, как бурдюк; тоусты, як бочка, як мяч, як мех.

Для характеристики физических качеств человека используется сравнительно немного групп: например, для характеристики низкорослого человека носители белорусского языка использовали всего две группы (животные и растения), а для характеристики стройного человека — три группы (животные, растения и рукотворные объекты), для характеристики толстого человека — три группы (животные, растения, рукотворные объекты), для характеристики сильного человека — три группы (животные, растения, явления культуры). Носители русского языка здесь выделили до 6 групп. Наиболее частотными являются сравнения с животными, растениями и рукотворными объектами.

ФИЗИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ

Сюда относятся слова-стимулы **УСТАЛЫЙ** и **ГОЛОДНЫЙ**. На основании экспериментального материала были выделены следующие группы:

1) животные: усталый, как собака, как лошадь, как вол, как конь, как пес, как зверь, как моль, как загнанная лошадь, как верблюд; як вол, яксабака, як конь, як звер; голодный, как волк, как собака, как зверь, как пес, как крокодил, как кашалот, как двадцать бегемотов; як воук, яксабака, як звер, якзязюльчыны дзец/;

2) растения: усталый, как выжатый лимон;

3) литературные герои, мифологические персонажи: усталый, как папа Карло, как черт; стомлены, як чорт;

4) другие люди: усталый, как шахтер, как шофер–дальнебойщик, как путник; стомлены, як калгасн/к, як селян/н; голодный, как студент; галод–ны, як студэнт.

Здесь выделяется небольшое количество групп: для характеристики усталого человека — 3—4 группы (для белорусов три), а для характеристики голодного человека — две группы. Наиболее характерны здесь сравнения с животными.

ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА

В данную статью относим две характеристики человека: ОБЩИТЕЛЬНЫЙ и БОЛТЛИВЫЙ. Выделяем следующие группы сравнений:

1) с животными: общительный, как обезьяна, как воробей, как сорока, как попугай, как птичка, как стрекоза; таварыск!, яксабака, як кот, якл/са; болтливый, как сорока, как попугай, как ворона; як сарока, як варона;

2) с явлениями культуры, с мифологическими персонажами: общительный, как Ксения Стриж, как Ос/пап Бендер, как Винни–Пух; таварысю, як Элен; болтливый, как черт;

3) с представителями определенной профессии, национальности: общительный, как ведущий телепередачи, как журналист, как массовик–затейник, как артист, как психолог, как француз, как итальянец;

4) с возрастными особенностями: общительный, как ребенок; болтливый, как старуха; як старая, як дз!ця;

5) с собой и другими людьми: общительный, как студент, как депутат, как я; таварысю, як я, як сябр, як сусед; болтливый, как болтун, как дурак, как баба, как баба базарная; балбатп'юы, як дурань, як баба, як суседка.

И для русских и для белорусов здесь наиболее характерны сравнения с животными; количество групп относительно небольшое: у белорусов — по три группы, у русских — 4—5.

ДИНАМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В эту статью мы поместили следующие слова–стимулы: БЫСТРЫЙ, РЕЗВЫЙ, ЛОВКИЙ и НЕУКЛЮЖИЙ. Согласно экспериментальным данным, были выделены следующие группы сравнений:

1) природные объекты: быстрый, какрека, какветер, гак ураган, как молния; быстры, як рака, якмаланка, як ввцер; резвый, какветер;

2) животные: быстрый, как олень, как заяц, как лань, как гепард, как страус, как антилопа, как кенгуру, как рысь, как серна, как птица, как молодой скакун; быстры, як заяц, як алень, як птушка, як конь, як страус, як пеу; резвый, как жеребенок, как заяц, как котенок, как олень, как козленок, как лань, как конь, как щенок, как жеребец, как мышка, как лошадь, как пони, как коза; как пантера, как газель, как блоха; рэзвы, як конь, як заяц, як жа—рабя, як кацяня, як сабака, як лань, як малпа, як ввврка, як казляня, як вера—бей, як алень; ловкий, как обезьяна, как мартышка, как заяц, как тигр, как кот, как рысь, как мышь, как лиса, как белка, как зверь; лоуш, як малпа, як л/са, як ваверка, як заяц, як пантэра, як рысь, як слон, як лань, як тыгр, як алень, як мыш; неуклюжий, как медведь, как слон, как бегемот, как пингвин, как верблюд, как черепаха, как щенок, как гусь, как бык в посудной лавке, как утка; нязграбны, як мядзвездзь, як слон, як се/ння, як ц/олень, як чарапа—ха, як карова, як качка;

3) с людьми: резвый, как ребенок; рэзвы, як дз!ця, як г/мнастп; ловкий, как циркач, как спортсмен, как фокусник, как жонглер, как гимнаст, как акробат, как продавец, как Маугли, как бес; лоук/, як брус Л/, як чорт, як цыркач, як акрабат, як каскадзер; неуклюжий, как толстяк;

4) с рукотворными объектами: быстрый, как самолет, как стрела; быстры, як страна, як самалет, як цягн!к; резвый, как стрела; нязграбны, як згарода, як аглобл/, як шафа.

Здесь можно отметить почти полное совпадение групп у русских и белорусов: для характеристики быстрого, резвого, ловкого человека — полное совпадение; для характеристики неуклюжего носители русского языка, кроме общих, употребляют сравнение с человеком (неуклюжий, как толстяк), а белорусы — с рукотворными объектами (нызграбны, як згарода, аглобл!, шафа). Наиболее употребительны для всех слов-стимулов этой группы сравнения с животными.

Выводы

Для характеристики внешности человека было предложено испытуемым 31 слово-стимул, на которые было получено 4619 ответов от носителей русского языка и 3100 от носителей белорусского языка. Всего в этой серии было проанализировано 7719 ответов.

В ходе эксперимента было установлено, что внешность человека носителями русского и белорусского языков сравнивается с 13—14 реалиями: с природными объектами (небо, море, земля, поле и т.д.), явлениями природы (дождь, закат, гроза и др.), животными (собака, лошадь, корова), растениями (вишня, васильки, береза), временами года и временем суток (зима, ночь и др.), явлениями культуры, литературными героями, фольклорными и мифологическими персонажами, с людьми определенных профессий, национальностей, возрастов, собой и другими близкими людьми (мамой, любимым, подругой), с рукотворными объектами (артефактами, по Аристотелю), драгоценностями.

У носителей русского языка сравнения более разнообразны. У белорусов, например, почти отсутствуют сравнения с временами года и временем суток (волосы длинные, как ночь, как зима), мало сравнений с фольклорными и мифологическими персонажами, мало текстовых реминисценций. Под текстовыми реминисценциями мы понимаем здесь не только прямые цитаты, но и имена персонажей, названия

произведений, отдельные слова, напоминающие о конкретных ситуациях в тексте. Довольно часто встречаются у носителей белорусского языка, в сопоставлении с русским, сравнения с собой и другими близкими людьми (нос фпаносы, як у млне). Данные факты объясняются тем, что социальный опыт носителей языка накладывает определенный отпечаток на язык. Еще более показательны это, например, при характеристике бедного человека, где у носителей обоих языков зафиксированы сравнения — как учитель, как студент, как пвнсинвр, как все, как я и др. Сюда же следует отнести и многочисленные сравнения с явлениями культуры, но культуры массовой, низкопробной — сравнения со Шварценеггером, Мадонной и другими ее представителями. Поскольку испытуемыми являлись молодые люди (от 19 до 22 лет), можно отметить глубокое проникновение массовой культуры в молодежную среду.

В эксперименте встречаются стимулы (в данном случае — элементы внешности), на которые были даны как самые разнообразные (глаза, волосы), так и достаточно однотипные ответы (рот, зубы, скулы). Это объясняется разной коммуникативной ролью данных частей лица при восприятии человека человеком, т.е. в качестве паралингвистических знаков.

Мир сравнений многолик и разнообразен. Встречаются как сравнения с обыденными, прозаическими реалиями (волосы прямые, как пакля, как палки; руки большие, как лопаты, как грабли), так и поэтические сравнения {руки нежные, как южный ветер; волосы прямые, как нити дождя; голос приятный, как журчание ручейка; волосы длинные, какночь, какзима). Больше поэтических сравнений, которые поражают своей неожиданностью, образностью, зафиксировано в ответах носителей белорусского языка: вочы выразныя, як верш (глаза выразительные, как стихотворение); бровь/ чор—ныя, як крылы пастаую (брови черные, как ласточкины крылья); рую пяш—чотныя, як крылы (руки нежные, как крылья); галодны, якзязюльчыны дзец! (голодный, как кукушкины дети), и др.

Есть стимулы, которые вызывают сравнение с конкретной реалией, и таких сравнений больше, нежели других. Например, ГЛАЗА носители обоих языков чаще всего сравнивают с природными объектами и явлениями природы — небом, морем, озером, васильковым полем, омутом, звездами, солнцем, родником, закатом, дождем, утренней зарей; а ВОЛОСЫ, ЗУБЫ — с животными: с конской гривой, шерстью различных животных, пухом; с зубами лошади, белочки, волка, акулы, мыши, собаки, крокодила и др.

По всей вероятности, это можно объяснить важностью зубов, шерсти для восприятия животного человеком (зубы несут угрозу для человека, волосы позволяют их лучше идентифицировать), при этом возникает прямая аналогия с человеком, которая закрепляется в рече–языковой практике.

Здесь в явлениях физического мира как бы отражается внутреннее состояние человека: «материальный мир может служить символом мира духовного ... Тело — это символ, выражающий наше внутреннее состояние» (Фромм). Глаза, голос, губы вызывают большое количество поэтических сравнений (глаза блестящие, как звезды, как капля воды, как река в летний день, как гладь озера в лунную ночь; голос нежный, как летний ветерок, как дуновение ветерка; приятный, как капель; губы алые, как заря, как закат, как лепестки розы, как вишни, как маки и др.). С помощью этих частей лица легче всего передаются эмоциональные состояния человека, что ведет к возникновению ассоциаций на эмоциональном уровне с такими явлениями природы, которые вызывают аналогичные эмоции (ночь, ветерок).

В целом ряде случаев сравнения, предложенные испытуемыми, могли бы составить целый трактат о том, как можно по внешнему облику человека определить его внутреннее состояние, характер, другие качества личности: губы тонкие, как у злого человека, как у жадного человека, как у хитреца; губы пухлые, как у чувственной женщины, как у развратника со стажем, как у обжоры; руки большие, как у жадного человека; руки нежные, как у белоручки; подбородок квадратный, как у волевого человека; подбородок с ямочкой, как у кокетки, и т. д.

Можно выделить достаточно большую группу сравнений, где все хорошее, нежное, ласковое у носителей обоих языков связывается с ребенком, матерью, девушкой: голос нежный, как у девушки; глаза ясные, как у ребенка; руки ласковые, как у матери; лицо милое, как у девушки, и др.

Большая часть полученных в эксперименте сравнений однословны, кратки; но есть и весьма распространенные сравнения типа: нос с горбинкой, как ровная дорога с препятствиями; неуклюжий, как бык в посудной лавке; усталый, как загнанная лошадь; голодный как 20 бегемотов. Такие сравнения более образны, экспрессивны, поэтичны.

Как свидетельствуют экспериментальные данные, сравнения — сложный механизм, обладающий многими структурно-семантическими особенностями.

Большинство полученных сравнений (как и должно быть) основано на сходстве части человеческого тела с разного рода объектами реального или вымышленного мира (см. перечисленные группы), например, нос с горбинкой, как с холмиком; но встречаются и ассоциативные сравнения, причем ассоциации вызваны формой выражения: бледный, как поганка; бедный, как Демьян (ср.: бледная поганка, Демьян Бедный); есть и сравнения, в основе которых — противопоставление: лицо красивое, как у ведьмы; нос прямой, как у коршуна; ловкий, как слон (эти сравнения употребляются, как правило, в ироническом контексте).

Что касается национальной специфики сравнений, то подробнее об этом будет сказано после проведения исследования внутренних качеств человека. Здесь же можно отметить, что, как доказывает эксперимент, русские и белорусы близки по мироощущению, по системе ценностей, по тезаурусу, включающему в себя регулярные семантические связи между словами и понятиями. Например, динамические характеристики человека (БЫСТРЫЙ, РЕЗВЫЙ, ЛОВКИЙ, НЕУКЛЮЖИЙ) у носителей обоих языков оцениваются и воспринимаются достаточно однозначно: и русские и белорусы сравнивают быстрого человека с ветром, молнией, рекой, оленем, зайцем, ланью; резвого — с детенышами животных (жеребенком, котенком, козленком, щенком), ловкого — с обезьяной, зайцем, тифом, котом, рысью, белкой. Выбор сравнения для характеристики неуклюжего человека более специфичен: носители белорусского языка кроме одинаковых сравнений с животными используют сравнения с рукотворными объектами — забором, оглоблей, что не характерно для национального мировосприятия русских. Специфически белорусским является сравнение толстого человека с тыквой (см. характеристики физических качеств), низкорослого — с корчом, голодного — с детьми кукушки и т.д. Здесь культура включается в образные языковые сущности (сравнение) через когнитивно-культурологическую их интерпретацию этническим субъектом.

Вторая серия эксперимента

В этой серии психолингвистического эксперимента анализу подвергался внутренний мир человека, его характер. Слова-стимулы, согласно психологической

классификации, относятся к различным группам: а) выражают отношение личности к самому себе (например, сонный); б) к другим людям и обществу (например, патриот); в) к труду и его результатам (например, ленивый); г) черты характера, отражающие особенности протекания психических процессов личности: эмоциональные (например, веселый), волевые (например, храбрый), интеллектуальные (например, любопытный). В этой серии испытуемым была предложена следующая анкета:

АНКЕТА 3

аккуратный, как... решительный, как—активный, как... робкий, как... блудливый, как... самолюбивый, как—вспыльчивый, как... самостоятельный, как... глупый, как... сентиментальный, как—грустный, как... скромный, как... добрый, как... скупой, как... жадный, как... смелый, как... жестокий, как... сонный, как... завистливый, как... спокойный, как—злой, как... трудолюбивый, как... критичный, как... трусливый, как—легкомысленный, как... умный, как... ленивый, как... упрямый, как... лживый, как... хвастливый, как... любопытный, как... храбрый, как... наблюдательный, как... целеустремленный, как., настойчивый, как... честный, как... отважный, как... веселый, как... патриот, как... щедрый, как...

АНКЕТА 4

Берем эти же слова—стимулы, переведенные на белорусский язык. Испытуемые: 93 студента—филолога Витебского университета — носители русского языка и 80 студентов — носители белорусского языка. Процедура проведения эксперимента та же, что и в первой серии.

Результаты эксперимента и их обсуждение

АККУРАТНЫЙ

Здесь можно выделить следующие группы сравнений:

1) с животными: как кошка, как енот; як кошка, як хамяк, як свмня, як ваверка, як бурундук;

2) с представителями определенной профессии, национальности, возраста: как бухгалтер, как англичанин, как немец, как девочка, как девушка; як немец; як дзячунка;

3) с другими людьми: как педант, как отличник, как первоклассник, как отличница, как хозяйка; як мац/, як пасля лазн/, як чысцюля.

У русских больше всего сравнений с представителями других национальностей; у белорусов — с животными.

АКТИВНЫЙ

1) с представителями определенных профессий: как культработник; як дэпутат, як спарцмэн, арган!затар, дысюкакей;

2) с принадлежностью человека к партии: как комсомолец, как пионер, как коммунист; як камун!ст, як п!янер, як камсамалец, як ц!муравец, як пра—форг;

3) с другими людьми: как ребенок, как студент; як выскачка, як я, як жанчына, як сяброука;

4) с животными: как пчела; як мураш.

Носители обоих языков чаще всего сравнивают активного человека с представителями партий.

БЛУДЛИВЫЙ

1) с животными: как кот, как кошка, как пес, как мартовский кот, как козел, как лиса, как медведь–шатун, как собака; як кошка, як сабака, як мартаусю кот, як л!са;

2) с литературными героями: как Дон–Жуан; як Дон–Жуан, як Казанова;

3) с другими людьми: як прастытутка, як дзеука, як бабник, як распутник, як гейша.

Носители русского языка не назвали сравнений с другими людьми; чаще всего они сравнивают блудливого человека с животными, а белорусы — с литературными героями и другими людьми.

ВЕСЕЛЫЙ

1) с природными объектами и явлениями природы: как ручеек, как летний дождь; як вяселка, як сонечны день, як сонвчны зайчык, як сонейка;

2) с животными: как котенок, как щенок, как птичка; як жауранак, як шчаня, як птушка, як кацяня, як слон, як камар, як л/нав/н;

3) с временем года: как весна;

4) с явлениями культуры, литературы, фольклора: как песня, как Бура–тино, как Петрушка; як Ч. Чапл!н;

5) с представителями разных профессий, другими людьми: как клоун; як клоун, як юмарыст, як артыст, як я, як л'ян/ца.

И русские и белорусы здесь используют сходные группы сравнений, хотя внутри групп наблюдается некоторый разброс ответов: русские сравнивают веселого человека с ручейком, летним дождем, весной, а белорусы — с радугой, солнечным зайчиком, солнышком.

ВСПЫЛЬЧИВЫЙ

1) природными объектами, стихиями природы: как вулкан, как огонь, как сухая трава; як агонь;

2) с представителями других национальностей, историческими деятелями, другими людьми: квк кавказец, как итальянец, как холерик, как псих, как Петр I; як таварыш, якзаб/яка, як бацька;

3) с рукотворными объектами: как порох, как спички, как костер; як зала/от/, як агонь, як порах, як стог сена.

Носители обоих языков чаще всего сравнивают вспыльчивого человека с рукотворными объектами — огнем, порохом, спичками.

ГЛУПЫЙ

1) с животными: как баран, как осел, как курица, как мартышка, как индюк, как медведь, как щенок, как утка, как воробей, как корова, как пингвин; як баран, як шчаня, як курыца, як асел, як мыш, як верабей, як муха;

2) с растениями: как дерево, как пень; як корч;

3) с людьми: як дз!ця, як немауля, як /ванушка, як дурань, як першакласнт;

4) с рукотворными объектами: как пробка, как валенок, как сапог, как сибирский валенок; як бот.

У носителей русского языка в эксперименте не встретились сравнения глупого человека с другими людьми, остальные группы совпадают. Больше всего сравнений у русских с рукотворными объектами, у белорусов — с другими людьми и животными.

ГРУСТНЫЙ

1) с природными явлениями: как дождь, как закат, как осенний дождь, как осень; як ноч, як асенн/ дзень, хмара, як дзень ненасны, як луна, як дождж, як восень;

2) с животными: как лошадь, как слон, как ослик, как больное животное; як конь, як лось, як канарэйка у клетцы;

3) с растениями: как ива; як кактус;

4) с литературными героями, фольклорными персонажами: как Пьеро, как царевна Несмеяна, как сестрица Аленушка; як П'еро;

5) с людьми: как меланхолик; як хворы, як нявеста, як А. Блок.

Носители русского языка чаще всего сравнивают грустного человека с литературными героями и фольклорными персонажами, а белорусы — с животными.

ДОБРЫЙ

1) с животными: как слон, как медведь, как тюлень, как собака; як слон пасля пазнг,

2) с литературными героями, фольклорными персонажами: как Соня Мармеладова, как папа Карло, как Золушка, как Дед Мороз, как Золушка; як кот Леапольд, як Золушка, як доктар Айбалт, як Дед Мароз, як Бог;

3) с собой и другими людьми: как мать, как бабушка, как родная мать; як мац/, як я, як сястра м!ласерднасц1.

Больше всего сравнений в третьей группе, где добрый человек сравнивается с другими людьми, причем чаще всего и русские и белорусы приписывают это качество матери.

ЖАДНЫЙ

- 1) с природными объектами: як багна, як дрыгва, якжэрла;
- 2) с животными: как хомяк, как волк; як воук, як бык, як вепр, як жук, як г!ена;
- 3) с литературными героями, фольклорными персонажами: жадный, как Гобсек, как Плюшкин, как Кощей; як Габсек, як Бармалей, як скупы рыцар;
- 4) с представителями определенных профессий: как ростовщик, как торговец, как поп; як поп;
- 5) с другими людьми: как еврей, как скупердяй, как скряга, как жмот, как барин, как богач, как сосед; як мтьянер, як Капітаніст, якхабарн!к, як галодны.

Носители русского языка не назвали сравнений с природными объектами, а для белоруса, живущего в болотистой местности, релевантным становится сравнение с трясинной. Больше всего сравнений у русских с литературными героями, у белорусов — с другими людьми.

ЖЕСТОКИЙ

- 1) с животными: как зверь, как волк, как вебрь; як воук, як сабака;
- 2) с фольклорными и мифологическими персонажами: как черт, как Зевс; як Чынг!зхан;
- 3) с историческими деятелями, представителями определенных национальностей, партий: как немец, как фашист; як Іван IV, як Нерон, як фашист;
- 4) с другими людьми: как садист, как палач, как убийца, как варвар, как враг, как тиран, как деспот; як гваптоунт, яксадзют, якпалач, як!мператар.

Носители обоих языков чаще всего сравнивают жестокого человека с другими людьми, носителями ряда порочных качеств.

ЗАВИСТЛИВЫЙ

- 1) с животными: как лиса, как шакал, как сорока, как пес; як воук, як саро—ка, як л/са, як хамя/с;
- 2) с явлениями культуры, литературы, фольклора: как Яго; як варона з байю, як мачаха з казк!, як Эстэр, як Ягайла;
- 3) с другими людьми: как сосед, как соседка, как богач, как неудачник, как мачеха, как старая дева, как подруга, как враг, как баба; як с/сед, як валодны студэнт, як малое дз/ця, як чалавек.

Мало сравнений у носителей обоих языков с животными, а больше всего—с другими людьми.

ЗЛОЙ

1) с животными: какволк, каксобака, какзмея, какзверь, как пес; як воук, як сабака;

2) с фольклорными и мифологическими персонажами: как черт, как Кощей, как Баба Яга; як чорт, як д'ябл, як Кашчэй, як Баба—Яга, як злыдзень, як ведзьма;

3) с другими людьми: як вораг, як немец.

Носители русского языка не сравнивают злого человека с другими людьми, больше всего сравнений у носителей обоих языков — с животными.

КРИТИЧНЫЙ

1) с людьми различных профессий: как критик, как начальник, как учитель, как экзаменатор: як крытык, як цэнзар, як начапънт, як карэспан—дэнт, як дэпутат;

2) с представителями культуры, литературными героями: как Белинский, как Писарев, как Чацкий; як Бял/нск/, як Дабралюбау, як Гамер;

3) с другими людьми: как комсомолец, как старая дева; як жанчына, як падлетак, як сябр;

4) с абстракциями: якрэал/зм, як разум.

Белорусы, в отличие от носителей русского языка, назвали здесь несколько сравнений, объединенных нами в группу «абстракции». Больше всего сравнений носители обоих языков назвали в группе второй.

ЛЕГКОМЫСЛЕННЫЙ

1) с явлениями природы: как ветер; як вецер;

2) с животными: как стрекоза, как мотылек, как кукушка; як матылек, як мартышка, як варона;

3) с людьми: как девушка, как ребенок, как девица, как мальчишка, как кокетка, как дурак, как барышня, как женщина; як жанчына, як вучань, як глупы, якдурань, як летуценн!к.

Носители обоих языков чаще всего сравнивают легкомысленного человека с животными и с женщиной.

ЛЕНИВЫЙ

1) с явлениями природы: как осенний дождь; якжарк! поуздень;

2) с животными: как медведь, как кот, как тюлень, как трутень, как кошка, как поросенок, как жирный кот, как пингвин, как медвежонок, как барсук, как бегемот; як кошка, як мядзвездзь, як бегемот, як лян1вец, як труцень, як цюлень;

3) с литературными героями, с фольклорными персонажами: как Обломов, как Емеля на печи;

4) с людьми: как я; як сябр, як соня.

Больше всего сравнений носители обоих языков привели с животными.

ЛЖИВЫЙ

1) с животными: как лиса, как шакал, как пес, как сивый мерин, как змея; яклюа, як шакал, як кот;

2) с явлениями культуры, литературы: как газета «Правда», как Хлестаков, как Тартюф; якХлестакоу;

3) с людьми: как Горбачев, как президент, как женщина, как блудливая жена; як прэз!дэнт, як злодзей.

Наиболее часто носители обоих языков сравнивают лживого человека с животными.

ЛЮБОПЫТНЫЙ

1) с животными: как ворона, как сорока, как обезьяна, как лиса, как индюк, как кошка; як сМца, як вожык, як сарока, як пацук;

2) с литературными героями: как Буратино; як Бурац'ма;

3) с фольклорными явлениями: как Варвара; як Варвара;

4) с людьми: как журналист, как ребенок, как старуха, как женщина; як маленью, як вучань, як настаун!к, як дурак, як Інтэлектуал.

Чаще всего носители обоих языков сравнивают любопытного человека с другими людьми.

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ

1) с животными: как орел, как сокол; як сокал, як арол;

2) с литературными героями: как Шерлок Холмс, как Эркюль Пуаро; як Шэрлок Холмс, як Тарзан;

3) с представителями различных профессий: как разведчик, как шпион, как ученый, как сыщик, как часовой, как следопыт, как исследователь, как следователь, как милиционер, как художник; як следапыт, якнастаун!к, як шп'юн, як мастак, як дэтэктыу, як пс/холаз, як вучоны;

4) с другими людьми: как ребенок; як сяброука, як дз!цяц!, як старушню, як Ламаносау;

5) с рукотворными предметами: як падзорная труба, якакуляры, як пост ДА1, як барометр.

Кроме общих групп носители белорусского языка сравнивают наблюдательного человека с рукотворными предметами. Больше всего сравнений у носителей обоих языков с представителями определенных профессий.

НАСТОЙЧИВЫЙ

1) с животными: как баран, как дятел, как комар; як асел, як мураш, як баран, як зязюля;

2) с представителями определенной профессии: как контролер; як вык–ладчык, як кантралвр у аўтобусе;

3) с другими людьми: как влюбленный, как влюбленный дурак, как любовник, как мужчина, как кредитор; як дз!ця, як першапраходзец, як Амундсен, як чалавек на допыце, як студэнт, як вучань, як Напал/ен, як мужчина;

4) с рукотворными предметами: как танк; як слуп, як мапатак, як танк.

Наиболее часто носители обоих языков сравнивают настойчивого человека с другими людьми.

ОТВАЖНЫЙ

1) с животными: как лев, как тигр, как зверь, как орел; як леу, як тыгр, як бык, як пантэра;

2) с представителями других профессий: как капитан, как летчик, как моряк, как мореплаватель, как пират; як во!н, як барацьб!т;

3) с другими людьми: как рыцарь, как солдат, как герой, как боец; як рыцарь, як З.Касмадзям'янская, як Напал/ен, як герой, як Матросау, як АнтонШ, як Спартак.

Количество и состав групп у носителей обоих языков сходен. Чаще всего они сравнивают отважного человека с людьми конкретных профессий.

ПАТРИОТ

1) с конкретными историческими деятелями: как Марат Казей, как Павлик Морозов, как Маресьев, как Кутузов, как Иван Сусанин, как Корчагин, как Матросов, как герой–молодогвардеец; як Марат Казей, як камсамалец, як З.Партнова, як А.Лукашэнка, як К.Каліноусю, як Сусан/н, як Гастэла, як Лен!н, як абаронцы Брэсцкай крэпасц!, як Я.Купала, як маладагвардзейцы;

2) с представителями отдельных национальностей: как грузин, как американец; як амерыканец.

Носители обоих языков чаще всего приписывают патриотизм конкретным историческим лицам.

РЕШИТЕЛЬНЫЙ

- 1) с явлениями природы: как молния; як маланка, як /льдз/на, як вецер;
- 2) с животными: как тигр; як рысь, як певень, як цігр, як сокал, як арол;
- 3) с историческими лицами: как Цезарь; як Македонок!, як Налал/ен, як Цімур, як Цэзар;
- 4) с представителями разных профессий: как военный, как военачальник, как полководец, как командир, как командующий, как бизнесмен, как милиционер; як студэнт на экзамене, як камандф, як салдат;
- 5) с литературными героями: как Данко, как Дон Кихот; як герой–любоун!к;
- 6) с другими людьми: как я, как любовник, как вождь; як п'яны чалавек, як закаханы, як герой;
- 7) с рукотворными объектами: как стрела; як сцяна.

Больше всего сравнений носители обоих языков назвали в группе «представители разных профессий».

РОБКИЙ

- 1) с временами года: как ранняя весна; як вясна;
- 2) с животными: как заяц, как мышь, как цыпленок, как овечка, как лань, как кролик, как суслик, как тушканчик, как олень, как пингвин; як заяц, як прусак, як авечка, як вожык, як ваверка, як птушка;
- 3) с растениями: как цветок; яккветка, якгал/нка;
- 4) с людьми: как девушка, как девочка, как ребенок; як дз'ця, як дзяучын–ка, як юнак, як ціхоня, якуцякач, як дурань.

Наиболее часто носители обоих языков сравнивают несмелого человека с различными «робкими», с точки зрения человека, животными.

САМОЛЮБИВЫЙ

- 1) с животными: как павлин, как лее, как индюк, как верблюд, как гусь, как петух, как баран, как осел, как олень; як Індык, як асел, як лаул/н, як сарока, як с/ямск/ кот, як баран, як хамелеон, як певень;
- 2) с растениями: как роза; як клен;
- 3) с явлениями культуры, литературы, мифологии: самолюбивый, как Чацкий, как Нарцисс; як Нарцыс, як Нэрэне, як бог;

4) с людьми: как поляк, как Наполеон, как красавица, как эгоист; як я, як гардзяк, як прыгажуня, эк эгают.

Больше всего сравнений носители обоих языков дали в группе «животные».

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ

1) с явлениями природы: як сонца, як вецер;

2) с животными: как кошка; як кот, як певень, як акула;

3) с литературными героями: как Митраша; яклясны чалавек, якБурац!на;

4) с людьми: как взрослый, как большой, как взрослый дядя, как сирота, как мужчина; як Заросль;, як паэт, як настаушк, як прэз!дэнт, як падлетак, як студэнт, як мужчина, як с/рата;

5) с разными странами: як Укра/на, якАмерыка.

Носители белорусского языка здесь дали более разнообразные ответы: они назвали еще две группы сравнений — с явлениями природы и с разными странами. У носителей русского языка более половины всех сравнений заняло выражение «как взрослый» и его варианты «как взрослый дядя», «как большой».

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ

1) с природными объектами: як поле вайлькоу, як зорю, якдождж, якхмара;

2) с временами года: как поздняя зима, как осень; як восень;

3) с явлениями культуры, литературными героями: как «Бедная Лиза», как романс, как «Дикая Роза», как Карамзин, как роман, как Руссо, как индийское кино, как старая книга, как Юлия; як Вертэр, як раман, як Карамз!н, як камедья, як паэт, як падарожжа, як Ленек!, як геро! мдыйскага юно, як бедная Л!за, як!таратар 19 стагодзя;

4) с разными людьми: как влюбленные, как романтик, как девушка, как старик, как Брежнев, как барышня, как женщина; як дзяучына, як бабуля.

Чаще всего носители обоих языков сравнивают sentimentalного человека с явлениями культуры, литературы.

СКРОМНЫЙ

1) с животными: как мышь; як кураня, як кот;

2) с растениями: как цветок; як был/нка, якрамонак, як трава, як ас/навь/ піст;

3) с героями литературных произведений: как Золушка, как Белоснежка, как Наташа Ростова, как Девушкин; як Снягурачка;

4) с людьми определенного возраста: как девушка, как девица, как ребенок, как девочка; як дзяучынка, як дзіця;

5) с другими людьми: как монах, как бедняк; як манах, як зацюканы, як лершакласн/к, як вучаніца, як калгасніца у горадзв.

Самое частотное сравнение для русских—с людьми определенного возраста, для белорусов — с другими людьми.

СКУПОЙ

1) с литературными и фольклорными персонажами: как Плюшкин, как Тартюф, как Кошей; як Габсек, як Тарцюф, як Ціханок;

2) с объектами природы: як сонца з/моО; як на ваду пустыня;

3) с животными: як хаяк, як варона, як мерын;

4) с разными людьми: как ростовщик, как еврей, как богач; якжыд, як пан.

5) с продуктами жизнедеятельности человека: як сляза.

Белорусы кроме общих назвали еще две группы сравнений, отсутствующих у носителей русского языка: с объектами природы и с продуктами жизнедеятельности человека. Эти сравнения поэтичны, образны, экспрессивны. Однако больше всего сравнений носители обоих языков назвали в группе «литературные герои».

СМЕЛЫЙ

1) с животными: как лев, как тигр, как орел, как сокол, как рысь; як пеу, як мядзведзь, як сабака, воук;

2) с литературными и мифологическими персонажами: как Мальчиш–Ки–бальчиш, как Ахилл; як Артамон, як Гаурош, як пятнацац!гадовы кап/тан;

3) с людьми: как рыцарь, как воин, как герой; як афганец, як во!н.

Больше всего сравнений носители обоих языков называют в группе «животные».

СОННЫЙ

1) с животными: как муха, как сова, как медведь, как тетеря, как кошка; як муха, як мядзведзь, як цецярук, як сурок, як сава, як лян!вец, як хаяк, як цюпень;

2) с собой и другими людьми: как я; як студэнт на лекцып, як я, яквыцяг–нуты з ложка.

Чаще всего носители обоих языков сравнивают сонного человека с различными животными, которые являются для представителя данной нации эталоном сонливости.

СПОКОЙНЫЙ

1) с природными объектами: как озеро, как камень, как штиль; як камень, як мора, як цячэнне, як вада;

2) с животными: как удав, как слон, как дохлый лев; як удау, як леу, як вожык, як слон, як се/ння, як мамант, як карова, як рыба;

3) с явлениями культуры, литературными героями: как статуя, как удав Каа; як калыханка;

4) с рукотворными объектами: как танк; як танк;

5) с людьми: як я, як дз!ця, як мерцвяк, як летчык.

Больше всего сравнений у носителей обоих языков с животными.

ТРУДОЛЮБИВЫЙ

1) с животными: как пчелка, как муравей, как вол, как лошадь, как белка, как бобр; як пчала, як мураш, як вол, як конь, як буйвал, як бык;

2) с героями литературных произведений: как Золушка; як Золушка;

3) с реальными людьми: як селян/н, як мужык–беларус.

Носители белорусского языка кроме общих двух групп, назвали еще сравнения с реальными людьми. Самое частое сравнение у носителей обоих языков — с животными (пчелой).

ТРУСЛИВЫЙ

1) с животными: как заяц, как шакал, как мышь, как кролик; як заяц, як мыш, якптушка, як прусак, якдзмзвер, як лань;

2) с людьми: як першакурсн!к, як дзячунка.

Основная группа сравнений здесь — с животными, сравнения с людьми встретились только в эксперименте с белорусами, причем они единичны.

УМНЫЙ

1) с животными: как сова, как собака, как пес, как мышь, как утка, как ворон; як л/са, як сава, як качка, як конь, як сабака;

2) с литературными героями: как Знайка, как Базаров; як кот Баз/ль;

3) с конкретными людьми: как Эйнштейн, как Сократ, как Ленин, как Соломон; якЛенм, як Сакрат;

4) с другими людьми: как профессор, как академик, как ученый, как дипломат; як прафесар, как вучоны, як бабуля, як настаунт;

5) с рукотворными объектами: как энциклопедия; як кн!жная шафа.

Все группы сравнений одинаковы у носителей обоих языков, наиболее часто они сравнивают умного человека с другими людьми.

УПРЯМЫЙ

1) с животными: как осел, как баран, как козел, как бык, как ишак; як казел, як баран, як асел, як бык;

2) с людьми: як сябр, як стараста, як Напален, як удзельн!к спаборн!цтвау.

Носители русского языка выделили только одну группу сравнений — с животными, носители белорусского языка приводили сравнения с людьми, но их было немного.

ХВАСТЛИВЫЙ

1) с животными: как заяц, как сойка, как лиса, как павлин, как попугай, как петух, как обезьяна; як Індык, як папугай, як мартышка, як пісе, як пе—вень;

2) с литературными героями: как Швондер, как Щукарь, как Хлестаков; якХлестакоу;

3) с людьми: как татарин, как ребенок; як выдатнш, як сусед, як дурак, як прахвост, як сумленна нячысты, як гардзяк, як бакалаур, якЛен!н.

Наиболее частотные сравнения у русских—с животными, у белорусов — с людьми.

ХРАБРЫЙ

1) с животными: как лев, как тигр, как петух, как раненый зверь, как заяц во хмелю; як леу, як рысь, як лось, як зубр, як тур, як воук, як тыгр, як мядзведзь;

2) с литературными и фольклорными персонажами: как Дон Кихот, как Илья Муромец, как богатырь, как рыцарь; як Геракл, як Штырл!ц;

3) с разными людьми: как солдат; як Чапаеу, як партизан, як Кутузау, як Сувороу, як ео!н, як мужчына.

Носители обоих языков чаще всего сравнивают храброго человека с животными.

ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННЫЙ

1) с природными объектами: как река; як рака, якдарога;

2) с литературными героями, историческими деятелями: как Павлик Корчагин, как Базаров; як князь Уладз!м!р, як Фауст, якЛукашэнка, як Сталм, як Цэзар;

3) с людьми: как ученый, как спортсмен, как пионер, как комсомолец; як я, як мужчына, як аспірант, як студэнт, як к!раун!к, як правадыр;

4) с рукотворными объектами: как стрела, как ракета, как поезд, как пуля, как атомная бомба в полете; як иягн'ж, як самалет, як вектар, як стрела.

Чаще всего носители обоих языков сравнивают целеустремленного человека с рукотворными объектами (стрелой).

ЧЕСТНЫЙ

1) с природными явлениями: як прырода;

2) с животными: как лиса, как собака; як пчала, як муравей;

3) с представителями определенных партий, течений: как коммунист, как пионер, как комсомолец; як л/янер, як камсамалец;

4) с другими людьми: как Ленин, как Павлик Морозов, как дурак, как судья, как бедняк, как рыцарь; як выдатн'ж, як першакласнш, як мац/, як я, як прафес/янал, як вучань, як сялянка, як сарамл'юая дзячына, як на споведз!;

5) с абстрактными понятиями: как совесть; як звышчалавек;

б) с рукотворными объектами: как стекло; як празрыстае люстэрка.

Носители русского языка чаще всего сравнивают честного человека с представителем какой-либо партии, а белорусы — с другими людьми.

ЩЕДРЫЙ

1) с природными объектами: как земля, как природа, как солнце; як зям-ля, як сонца, як прырода, як хмара у час дажджу;

2) с временами года: как осень; як восемь, як з/ма на снег;

3) с литературными героями, фольклорными персонажами: как Бурати-но, как волшебник, как Дед Мороз; як Бог, якДзед Мароз, як Іван Кал/та, рог багацця;

4) с представителями других народов: как армянин, как грузин, как русский; як грузэ!н;

5) с другими людьми: как транжира, как король, как богач, как султан, как миллионер, как царь; как маленький ребенок, как друг, как бабушка; як спонсар, як я, як бабуля;

б) с организациями: як Фонд Сораса, як «ра/на.

Носители белорусского языка назвали еще одну группу сравнений, которая отсутствовала у русских, — с организациями. Чаще всего носители обоих языков сравнивают щедрого человека с землей и другими природными объектами.

Выводы

Во второй серии получено 6920 ответов испытуемых, которые были объединены нами в несколько групп. Количество выделенных групп несколько меньше, чем в первой серии, например, отсутствует сравнение с драгоценностями, мало сравнений с растениями. Но в сопоставлении с первой серией, где испытуемые характеризовали внешность человека, при описании внутреннего мира человека, его характера реципиенты использовали менее разнообразные сравнения, количество выделенных нами групп на каждое слово–стимул было значительно меньшим — от 2 (см. сонный, трусливый) до 6—7 (см. решительный, честный, щедрый). Основная масса слов–стимулов содержала по 3—4 группы.

Эти факты можно объяснить следующим образом. Материальные объекты, к которым относится внешность человека, и объекты реального мира, к которым можно отнести природные и рукотворные объекты, представляют собой внешне воспринимаемые физические сущности, при отражении которых функционируют одни и те же механизмы восприятия. В этих условиях возникают неограниченные возможности появления различных ассоциаций, на которых основываются сравнения. Что касается черт характера, исследуемых во второй серии, то они являются не физическими, а психическими, идеальными объектами, имеющими иную природу и онтологию. Отражаются они в сознании носителя языка не непосредственно, путем воздействия на соответствующие органы чувств, а многократно опосредованно, через наблюдение за сложными комплексами движений, действий, поступков, высказываний человека. В этом случае чрезвычайно сужаются объективные условия для возникновения ассоциаций, лежащих в основе сравнения черт характера с объектами реального мира (природных явлений, растений, животных и т.д.). Такие классы слов вызывают с достаточно большой вероятностью реакции определенного типа, их разброс при этом будет значительно меньшим.

Бросается в глаза также следующая закономерность: на слова, обозначающие черты характера, которые имеют позитивную оценку в обществе, испытуемые дают больше разнообразных ответов, чем на слова, называющие отрицательные черты характера, где ответы более однообразны, стереотипны. На первый взгляд это противоречит общеизвестному факту о том, что все негативное в языке фиксируется подробнее, тщательнее, разнообразнее. Однако при более глубоком рассмотрении становится ясно, что слова с негативной оценкой (черты характера в данном случае), поскольку их больше, членят континуум картины мира на меньшие отрезки, т.е. более точно, а значит, сравнений к таким словам–стимулам должно быть меньше, чем к более широким и размытым по семантике словам–стимулам позитивной оценки.

По структуре полученные в эксперименте сравнения различны: большинство из них являются простыми, однословными, но есть и более сложные: грустный, как больное животное; печальный, как канарейка в клетке; печальный, как ненастный день; спокойный, как осина в затишье; добрый, как слон после бани; целеустремленный, как атомная бомба в полете; решительный, как студент на экзамене, и др.

Полученные в эксперименте самые частотные сравнения распределяются так: на 26 слов–стимулов из 40 самой частотной оказалась одна и та же тематическая группа как для русских, так и для белорусов. Например, носители обоих языков активного человека сравнивают с представителями различных партий и организаций: активный, как пионер, как комсомолец, как коммунист, как тимуровец, как профорг; жестокого и завистливого человека сравнивают с другими людьми: как палач, как садист, как убийца, как враг, как

тиран и т.д., а также: завистливый, как сосед, как подруга, как мачеха и др.; ленивого человека чаще всего сравнивают с животными: как кот, как тюлень, как трутень, как бегемот и т. д.

Сравнительная таблица наиболее частых ответов испытуемых по языкам выглядит так:

Носители русского языка Носители белорусского языка сравнение с животными — 16, сравнение с животными — 16

сравнение с людьми — 9, сравнение с людьми — 13

с определ. профессией — 4, с определ. профессией — 2

с национальностью — 1, с национальностью — 0

с принадл. к партии — 2, с принадл. к партии — 1

187

с явлениями культуры — 4, с явлениями культуры — 3

с природными явлениями — 1, с природными явлениями — 3

с рукотворными объектами — 3, с рукотворными объектами — 2

Отсюда следует, что носители белорусского языка гораздо чаще, нежели носители русского языка, употребляют сравнения с разными людьми и природными явлениями; русские более склонны к сравнениям из области культуры, литературы, с людьми определенных национальностей, к сравнениям с рукотворными объектами. В целом же реестр сравнений носителей обоих языков вполне соотносим. Таким образом, высказанная в работе гипотеза об универсальности основных категорий, характеристик, свойств, применяемых при описании человека и об этнокультурной специфике их наполнения, нашла свое подтверждение в нашем эксперименте.

Подтверждают данную гипотезу и такие данные: носители обоих языков не соотносят с собой ни одну из негативных черт характера (жадный, ленивый, блудливый, глупый и др.), хотя активно сравнивают их с другими людьми (жадный, как сосед; но не жадный, как я); показательна в этом смысле характеристика хвастливого человека; наиболее частотные ответы: как дурак, как прохвост, как гордец, как человек с нечистой совестью (около 50 % ответов).

Об этнокультурной специфике некоторых сравнений говорят нам сравнения белорусов типа прагмы, як багна, як дрыгва (жадный, как тряси́на), что обусловлено географическими особенностями среды обитания этого народа: большую часть их территории занимают болота. Сентиментального человека носители белорусского языка сравнивают с полем васильков, а василек, как известно, является символом Белоруссии. Толстого человека белорусы сравнивают с мешком, неуклюжего — с забором (36—37% ответов), что не свойственно ответам носителей русского языка.

Таким образом, выбор сравнения для номинации черт характера человека — это отбор характерных для национального мировосприятия объектов реального и

вымышленного мира. Подтверждением тому может служить также анализ сравнений на слово–стимул «патриот», которого носители русского языка сравнивают с реальными людьми (Марат Казей, Маресьев, Матросов). Носители белорусского языка считают патриотами своего президента А.Лукашенко (8% ответов), защитников Брестской крепости (8% ответов), своего национального поэта Я. Купалу (7% ответов), а также, вопреки советской пропаганде, К.Калиновского (11 % ответов), возглавившего борьбу против царских порабощителей. Показательны в этом плане и целый ряд других слов–стимулов, например, «самостоятельный», в которых носители русского языка самостоятельного человека сравнивают со взрослым: как взрослый, как взрослый дядя, как большой (52 % ответов), а носители белорусского языка дают ответы как Украина, как Америка (26% ответов).

Сходные ответы у носителей обоих языков объясняются различными причинами. Например, на слово–стимул «лживый» носители обоих языков отвечают как лиса, как шакал и т.д. Причину такого ответа мы усматриваем во влиянии сказок на формирование сознания испытуемых, именно в сказках лиса выступает как хитрое и лживое животное. В других ответах носителей языка налицо влияние хозяйственной деятельности, образа жизни, истории, культуры народа. Например, на слово–стимул «щедрый» носители белорусского языка ответили как Фонд Сороса, как спонсор, а на слово–стимул «величественный» — как зубр.

Полученные в эксперименте сравнения позволяют выявить некоторые имплицитные аспекты семантики образных языковых единиц. Так, если проанализировать ответы испытуемых на синонимичные и антонимичные слова, обозначающие черты характера человека (например, смелый, храбрый, отважный; добрый — злой, грустный — веселый, щедрый — жадный), то получим любопытную картину: носители обоих языков на все три слова–стимула (смелый, храбрый, отважный) дают сходные ответы: сравнивают их с одними и теми же животными — львом, тигром, зверем, орлом, литературными героями — Гераклом, Гаврошем и др. Однако на слово–стимул «отважный» больше всего сравнений носители обоих языков дают с профессиями — отважный, как капитан, как летчик, как моряк, как мореплаватель; это позволяет говорить о наличии социальной коннотации у данного синонима, что отличает его от других. Академические словари, к сожалению, не отмечают данного различия, в то время как реальные носители языка его хорошо чувствуют.

Проведенный нами эксперимент—ценный источник информации, позволяющий вскрыть объективно существующие в психике носителя языка связи и отношения слов и реалий.

Имея объективные данные относительно типичных или стереотипных сравнений, мы можем понять онтологию и механизмы их функционирования в языке и тексте.

Именно экспериментальные данные дают основание для выделения стереотипных сравнений, ставших штампами, которые характерны именно для носителей данного языка, данной культуры. Так, все красивое русские связывают с морем, небом, закатом, цветком, ночью, розой, а белорусы — со звездами, солнцем, цветами, красками, маками, весной. Различны здесь и стереотипные сравнения: для русских — «красивый, как кукла», «как на картине», для белорусов — «как ягодка».

Все веселое русские соотносят с ручейком, летним дождиком, весной, белорусы — с радугой, солнечным зайчиком, улыбкой. Мягкое ассоциируется у русских с пухом, шерстью, шелком, ватой, а у белорусов — с пухом, льном. Приятное (голос) русские

сравнивают с журчанием ручейка, шумом прибоя, каплей, медом, а белорусы — с ручейком, соловьем, запахом мяты. Тонкое для русских—это ниточка, шнурок, стрелочка, а для белорусов — стежка, ленточка; круглое для русских — яблоко, мяч, шар, а для белорусов — тыква, тарелка, блин. Таким образом, сопоставление русского и белорусского экспериментального материала показало, что, хотя многие стимулы и вызывают сходные реакции, но даже в этом случае их «профиль» достаточно различен. При всей близости культур и языков национально-языковое сознание русских и белорусов имеет несколько разные эстетические идеалы. Именно психолингвистический эксперимент помогает определить национальные языковые картины мира в их объективной реальности.

Эти и другие экспериментальные данные подтверждают справедливость выделения В.Н.Телия культурно-национальной коннотации как особого макрокомпонента значения, которая является по сути дела соотношением ассоциативно-образных коннотаций с культурными знаками из других систем мировосприятия (фольклора, мифологии, массовой культуры). Следовательно, наш эксперимент позволил вскрыть культурно-национальную специфику сравнения, подтвердить правомерность выделения культурно-национальной коннотации.

Как показывает эксперимент, эти коннотации воздействуют на прагматический потенциал исходного слова-стимула, а потому хорошо осознаются носителями конкретного языка. Это значит, что сравнения в целом представляют собой форму ценностного освоения мира, фактор внутренней детерминации поведения носителей языка.

Проведенный нами эксперимент дает возможность хотя бы гипотетически ответить на вопрос, как культурно-маркированное содержание проникает в значение языковых знаков. Известно, что культура не имеет никакого отношения к биологической наследственности и передается от поколения к поколению через традицию в широком смысле (язык, обычаи, поверья, мифы, фольклор и т.д.). Как заметил Ю.М.Лотман, «культура есть форма общения между людьми» (Лотман, 1994, с. 6). Но кроме коммуникативной культура имеет и символическую природу. Например, хлеб, меч, нож и т.д. Так, в Средней Азии после еды с достархана убирают нож, соль, перец, так как все острое режет молитву, и она не дойдет до Аллаха.

Таким образом, символ — вещь, награжденная смыслом, а область культуры — «это всегда область символизма» (Ю. М. Лотман). Как и юказа) >и экспериментальные данные, национальная языковая личность воспринимает любой предмет (в том числе и другого человека) не только в его пространственных измерениях и времени, но и в его значении, которое включает в себя культурные стереотипы и эталоны. Мы живем в мире стереотипов. Языковые стереотипы не равны стереотипам психологическим; они есть обобщенные представления о предметах, явлениях социальной и природной среды. Наличие языковых стереотипов является одним из неперенных условий для формирования национальной картины мира.

Поскольку члены определенной национальной общности смотрят на мир и воспринимают его как бы сквозь данные стереотипы, это находит свое отражение и закрепляется в языке с помощью языковых стереотипов и эталонов. Эталон здесь — некий идеализированный стереотип, который на социально-психологическом уровне выступает как проявление нормативных представлений о человеке, мире, обществе; например, здоров как бык, голоден как волк, и т.д.

Сравнений такого типа довольно много в нашем эксперименте. В них фиксируются разные стороны представлений о личности, в том числе и нравственных, этических представлений: добрый, как мать; трудолюбивый, как пчела; трусливый, как заяц; щедрый, как земля; упрямый, как осел; бестолковый, как баран, и др. Такие сравнения не отличаются особой сложностью, они живут в каждом языке как самостоятельный образ, подчас очень специфичный для каждого народа: жадный, как тряси́на; красивый, как поле льна; глаза, как васильки (белорус.); худой, как щепка (русск.); худой, как смык (бел.), худой, как лестница (кирг.), худой, как скелет комара (японск.). Наблюдения позволяют говорить об общности сложившихся эталонов, стереотипов для целого ряда народов. Так, выражение «злой, как собака» существует у русских, белорусов, киргизов, казахов, но не у англичан, у которых собака почитаема, или вьетнамцев, для которых она символ грязи.

Многие из этих сравнений поддерживаются параллельным наличием в языке соответствующих метафор: варежка — о рте, будка, вывеска — о лице, черепок — о голове. Носители русского языка смотрят на мир и воспринимают его сквозь эти стереотипы и эталоны.

Эти и другие наблюдения позволяют ответить на вопрос о том, как проникает и закрепляется культура в языке. Во-первых, через энциклопедические знания о свойствах личности, физическом облике человека; во-вторых, через национально-культурную коннотацию, через образное содержание; в-третьих, через символы, стереотипы, эталоны, хранящиеся в языке и сознании каждой национальной языковой личности.

Даже простой количественный анализ стереотипов, возникающих в эксперименте, позволяет заметить, что в белорусском языковом сознании стереотипизированных выражений намного меньше, чем в русском. Думается, что объяснить этот факт можно следующим. Чем древнее культуры, тем более она стереотипизирована. Косвенное подтверждение тому находим в трудах отечественных психолингвистов, которые исследовали языковое сознание русских по отношению к языковому сознанию американцев, французов, немцев, англичан. Было установлено, что языковое сознание русских является наименее стереотипизированным (Уфимцева, 1995, с. 151 и др.). Белорусская культура, будучи более молодой и слабой, чем русская, еще менее стереотипизирована. В подтверждение можно привести известный случай с А. С. Пушкиным, у которого, видя, что он только что беседовал с дамой, спросили, умна ли она. А. С. Пушкин ответил: «Откуда мне знать, ведь она говорила по-французски». Эта та самая пушкинская шутка, в которой он — пророк, ибо предвосхитил позднейшие открытия культурологии: французская культура как более древняя, содержит больше стереотипов, клише, штампов, за которыми скрывается личность говорящего (дамы). Следовательно, стереотипы упрощают социальные контакты.

Нами было установлено, что количество сравнений на то или иное слово-стимул находится в прямой зависимости от количества ассоциаций на это слово: чем богаче ассоциативный потенциал слова, тем больше на него дано разнообразных сравнений. Думается, что основой всякого сравнения является ассоциация. Причем на первый взгляд кажется, что можно сравнить, что угодно, с чем угодно, лишь бы существовал хотя бы один общий признак (по сходству, по смежности, по ассоциации). Однако ограничения все же существуют. Так, нам не встретились сравнения, где для описания внешности человека, его физических характеристик использовались бы абстрактные сущности. В свое время Е. Замятин писал: «Если вы, описывая голову какого-нибудь рыбака, сравните ее, скажем, с глобусом или, допустим, с головой гиппопотама — это будет ошибкой. Образ сам по себе, быть может, и хорош, но рыбаку он никогда не может прийти в голову. Этот образ выведет читателя из ощущения изображаемой среды...».

У испытуемых как будто бы всегда есть выбор в сравнениях: например, худого человека можно сравнить с воблой, жердью, палкой, доской, скелетом. Кошечкой и т.д. Но здесь возникают разные образы в сознании реципиентов: Кошечкой — это еще и старый человек, доска — женщина, причем, плоскогрудая, жердь — это обязательно высокий человек, который держится прямо, и т.д. Такие сравнения являются образными генетически, так как они мотивированы возникающим образом (картинкой). Но среди ответов испытуемых были и безобразные сравнения: врет, как сивый мерин, молодец, как соленый огурец, — здесь как бы утрачена актуальность сравнения, ибо не ясна основа, на которой возникло сравнение.

Вероятно, выбор сравнения обусловлен рамками окружающего мира, культуры и ситуацией общения, специфическими чертами коммуникантов.

Социальный опыт человека накладывает определенный отпечаток на язык. При этом, описывая одни и те же объекты, испытуемые сравнивают их с разными реалиями, имеющими прямое отношение к условиям жизни носителей данного языка, к их культуре, обычаям и традициям. Следовательно, в сравнениях воплощается народный менталитет и духовная культура русского и белорусского народов. Наш экспериментальный материал, таким образом, — источник лингвистической и психологической информации.

Вопросы и задания

1. Какова роль сравнения в языке и мышлении?
2. Почему устойчивое сравнение представляет особую ценность для лингвокультурологии?
3. Какие различия в восприятии глаз русскими и белорусами можно отметить в эксперименте?

Заключение

Учебное пособие посвящено разработке принципов новой отрасли знания — лингвокультурологии, возникшей на стыке лингвистики и культурологии. Лингвокультурология исследует проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке.

Проблема соотношения языка и культуры — междисциплинарная проблема, решение которой возможно только усилиями нескольких наук — от философии и социологии до этнолингвистики и лингвокультурологии. Поэтому лингвокультурология — интердисциплинарная наука.

Цель данной работы — заложить теоретическую базу, выработать принципы и дать образцы анализа языка с позиций лингвокультурологии. В учебном пособии, состоящем из шести частей, показано, что культура формирует и организует мысль языковой личности, формирует языковые категории и концепты, позволяет приблизиться к ответу, каким образом осуществляется одна из фундаментальных функций языка — быть орудием создания, развития, хранения и трансляции культуры.

Культура рассматривается в работе применительно к аспектам взаимодействия с языком и языковой личностью.

Специальные разделы (части 4 и 5) посвящены конкретному исследованию языкового материала с позиций лингвокультурологии, что позволит студентам по-новому увидеть и объяснить многое в языке — существование диалектов, идиолектов и других языковых сущностей.

Необходимость в такой работе назрела давно, ибо студенты вузов должны знакомиться с современными концепциями языкознания, должны учиться анализировать язык не только с позиций системно-структурной лингвистики, но и в аспекте культуры носителей того или иного языка. Данный спецкурс уже апробирован на студентах: в 1999 г. был прочитан спецкурс в Витебском госуниверситете, в 2000 г. — в Таврическом государственном университета (Крым), а в 2001 г. планируем прочесть данный курс в Гданьском университете (Польша).

Остается надеяться, что учебное пособие «Лингвокультурология» сделает подготовку студентов-гуманитариев более качественной.

Библиография

- Абаев В. И Язык и мышление. — М., 1948.
- Аверинцев С. С. Попытки объясниться: Беседы о культуре. — М., 1988.
- Аверинцев С. С. Символ // Литературный энциклопедический словарь. — М., 1987.
- Авоян Р. Г. Значение в языке // Философский анализ. — М., 1985.
- Агапкина Т. А. Южнославянские поверья и обряды, связанные с плодовыми деревьями, D общеславянской перспективе // Славянский и балканский фольклор. — М., 1994.
- Аксянчук Г. Я. Чалавечая душа у люстэрку рускай фразсалоги // Весшк БДУ. Сер. 4. — 1996. — № 1.
- Антипов Г. А., Донских О. А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры. — Новосибирск, 1989.
- Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // Вопросы языкознания. — 1986. — № 2.
- Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. — 1995. — № 1.
- Арзаканьян Ц. Г. Культура и цивилизация: Проблемы теории и истории // Вестник истории мировой культуры. — 1961. — № 3.
- Аристотель. Поэтика. — Л., 1927.
- Арнольд А.М. Введение в культурологию. — М., 1994.
- Арутюнов С. А., Багдасаров А.Р. и др. Язык — культура — этнос. — М., 1994.
- Арутюнова Н.Д. Образ; (Опыт концептуального анализа) // Референция и проблемы текстообразования. — М., 1988.
- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. — М., 1988.
- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. — М., 1990.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. — М., 1998.
- Афанасьев А. Н. Происхождение мифа. — М., 1996.
- Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. — Воронеж, 1996.
- Бакушева Е. М. Социолингвистика и анализ речевого поведения мужчины и женщины в современном обществе. — Рязань, 1992.
- Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. — СПб., 1993.
- Балли Ш. Французская стилистика. — М., 1961.
- Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). — М., 1991.
- Барт Р. Миф сегодня // Избр. работы. Семиотика. Поэтика. — М., 1989.
- Бартминский Е. Этноцентризм стереотипа: Результаты исследования немецких (Бохум) и польских (Люблин) студентов в 1993—1994 гг. // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Тезисы конференции. — М., 1995.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979.
- Белый А. На перевале. Кризис культуры. — М., 1910.
- Белянин В. П., Бутенко И. А. Толковый словарь современных разговорных фразеологизмов и присловий. — М., 1993.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 1974.
- Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. — М., 1995.
- Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М., 1990.
- Бижева З.Х. Культурные концепты в кабардинском языке. — Нальчик, 1997.
- Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. — Л., 1984.
- Богуславский В.М. Словарь оценок внешности человека. — М., 1994.

- БодуэнДе Куртэне И. А. Избранные труды. — М., 1963. — Т. 2.
- Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. — М., 1973.
- Брюсов В. Далекое и близкое. Женщины—поэты. — М., 1912.
- Бубер М. Проблема человека. — Киев, 1998.
- Буркхарт Ф. Язык, социальное поведение и культура // Образ мира в слове и ритуале. — М., 1992.
- Буслаев Ф. И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные. — М., 1954.
- Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. — М., 1961. — Т. 1.
- Вальденфельдс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» // Логос. — 1994. — № 6.
- Введение в этническую психологию. — СПб., 1995.
- Вебер М. Избранные произведения. — М., 1990.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М., 1996.
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. — М., 1999.
- Вейсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. — М., 1993.
- Вейсгербер Й.Л. Язык и философия // Вопросы языкознания. — 1993. — №2.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. — М., 1980.
- Вернадский В. И. Автотрофность человечества// Русский космизм. — М., 1993.
- Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. — М., 1988.
- Виноградов В. В. Язык Пушкина. — М.; Л., 1935.
- Виноградов В. В. Из истории слова личность в русском языке середины XIX в. // Доклады и сообщения филол, факультета. Вып. 1. — М., 1946.
- Виноградов В. В. О взаимодействии лексико—семантических уровней с грамматическими в структуре языка // Мысли о современном русском языке. — М., 1969.
- Виноградов В. В. Из истории слов. — М., 1994.
- Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. — М., 1959.
- Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. — М., 1929.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. — М., 1985.
- Воробьев В. В. Культурологическая парадигма русского языка. — М., 1994.
- Воробьев В. В. Лингвокультурология. — М., 1997.
- Выготский Л. С. Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. — М., 1982. — Т. 2.
- Высочина Е. Метаморфозы мифологизаций (обзор) // Культура в современном мире: Опыт, проблемы, решения. Вып. 2. — М., 1990.
- Вышеславцев Б, П. Сердце в христианской и индийской мистике // Вопросы философии. — 1990. — № 4.
- Вэнь Бянь. Старейший рисунок на шелке. Небо, земля и подземное царство глазами китайского мастера // Курьер ЮНЕСКО. — 1974. — Апрель— май.
- Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. — М., 1991.
- Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. — М., 1977.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. — Тбилиси, 1984. — Т. 1—2.
- Головановская М. К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. — М., 1997.
- Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б. Речевая культура // Русский язык. Энциклопедия. — М., 1997.
- Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества// Избр. труды по языкознанию. — М., 1984.
- Гумбольдт В. Язык и философия культуры. — М., 1985.
- Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. — М., 1984.

- Гуревич А. Я. Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. — М., 1990.
- Гуревич П. С. Философия культуры. — М., 1994.
- Гюлюмянц К. М. Фольклорные элементы во фразеологии современных славянских языков. — Минск, 1978.
- Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. — 1997. — № 6.
- Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. — М., 1980.
- Емельянов Ю. Н. Введение в культурологию. — СПб., 1992.
- Ерасов Б. С. Социальная культурология. — М., 1994. — Ч. 1, 2.
- Женщина, гендер, культура. — М., 1999.
- Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. — М., 1982.
- Жинкин Н. И. Язык. Речь. Творчество. — М., 1998.
- Завалова Н. Д., Ломов Б. Ф., Пономаренко В. Л. Образ в системе психической регуляции деятельности. — М., 1986.
- Замятин Е. Техника художественной прозы // Литературная учеба. — 1988. — № 1.
- Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. — М., 1991.
- Зеленин Д. К. Избранные труды: Статьи по духовной культуре. — М., 1994.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1999.
- Каган М. С. Философия культуры. — СПб., 1996.
- Канон, эталон, стереотип в языковом сознании и дискурсе: Научная дискуссия в Институте языкознания РАН // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 9. — М., 1999.
- Кант И. Сочинения. — М., 1966. — Т. 6.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987.
- Кармин А. С. Основы культурологии. Морфология культуры. — М., 1997.
- Касаткин Л. Л. Русские диалекты и языковая политика // Русская речь. — 1993. — № 4.
- Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. — СПб., 1996.
- Касевич В. Б. Культурно-обусловленные различия в структурах языка и дискурса // XVI Congries International des Linguistes. — Paris, 1997.
- Карцевский С. Сравнение // Хрестоматия по общему языкознанию. — Минск, 1976.
- Кириленко А. В. Гендер: лингвистические аспекты. — М., 1999.
- Клизовский А. И. Мужчина и женщина. — Минск, 1996.
- Клобукова Л. П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Международная юбилейная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова. — М., 1995.
- Коломинский Я. Л. Социальные эталоны как стабилизирующие факторы «социальной психики» // Вопросы психологии. — 1972. — № 1.
- Канон В. Народ в координатах культуры // Неман. — 1995. — № 2.
- Копыленко М. М. Основы этнолингвистики. — Алматы, 1995.
- Котенка Р. Вопрос о человеке в философии М. Бубера // Человек. — 1997. — № 4.
- Крысин Л. Изучение современного русского языка под социальным углом зрения // Русский язык в школе. — 1991. — № 5.
- Кубрякова Е. С., Александрова О. В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Структура и семантика художественного текста. Доклады на VII Международной конференции. — М., 1999.
- Культура, человек и картина мира. — М., 1987.
- Культура и история. Славянский мир. — М., 1997.
- Кэрлот Х. Э. Словарь символов. — М., 1994.

- Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеологии. — Краснодар, 1999.
- Левяш И. Я. Культура и язык. — Минск, 1998.
- Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. — М., 1994.
- Лем С. Модель культуры // Вопросы философии. — 1969. — № 8.
- Леонтьев А. Н. Человек и культура. — М., 1961.
- Леонтьев А. Н. Мышление // Вопросы философии — 1964. — № 4.
- Леонтьев А. Н. Психология образа // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. — 1979. — № 2.
- Леонтьев А. А. Психология общения. — Тарту, 1976.
- Леонтьев А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. — М., 1979.
- Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Избр. работы: В 3 т. — Л., 1987.—Т. 1.
- Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. — М., 1985.
- Лихачев Д. С. Культура как целостная динамическая система // Вестник РАН. — 1994. — № 8.
- Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология / Под ред. В. П. Нерознака. — М., 1997.
- Логический анализ языка: Язык и время. — М., 1997.
- Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. — М., 1999.
- Лоренц К. Агрессия (так называемое зло). — М., 1994.
- Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. — М., 1982.
- Лосев А. Ф. Символ // Философская энциклопедия. — М., 1970.
- Лосев А. Ф. Философия имени. — М., 1990.
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Символ в системе культуры. — М., 1996.
- Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Semeiotike. — Тарту, 1971. — № 6.
- Лотман Ю. М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. — М., 1987.
- Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства. — СПб., 1994.
- Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. — М., 1974.
- Лурия А. Р. Язык и сознание. — М., 1979.
- Лютикова Г. В. Компьютерная цивилизация — технотронный сон наяву // Культура в современном мире. — М., 1995.
- Лютикова В. Д. Языковая личность и идиолект. — Тюмень, 1999.
- Маковский М. М. Удивительный мир слов и значений. — М., 1989.
- Маковский М. М. У истоков человеческого языка. — М., 1995.
- Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. — М., 1996.
- Малишевская Д. Базовые концепты в свете гендерного подхода (на примере оппозиции «Мужчина/Женщина») // Фразеология в контексте культуры. — М., 1999.
- Мамардашвили М. К. Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно... // Театр. — 1989. — № 3.
- Мамардашвили М. К. Наука и культура // Методологические проблемы историко-научных исследований. — М., 1992.
- Мандельштам О. Слово и культура. — М., 1987.
- Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. — Ереван, 1969.
- Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). — М., 1983.

- Марков Б. В. Разум и сердце: История и теория менталитета. — СПб., 1993.
- Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Национально–специфическое в межкультурной коммуникации // Антипов Г. А. и др. Текст как явление культуры. — Новосибирск, 1989.
- Маслова В. А. Экспериментальное изучение национально–культурной специфики внешних и внутренних качеств человека (на материале киргизского языка) // Этнопсихоллингвистика. — М., 1988.
- Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. — М., 1997.
- Маслова В. А. Связь мифа и языка // Фразеология в контексте культуры. — М., 1999.
- Маслоу А. Психология бытия. — М., 1997.
- Матье М.Э. Древнеегипетские мифы. — М.; Л., 1956.
- Метафора в языке и тексте. — М., 1988.
- Мечковская И. Б. Социальная лингвистика. — М., 1996.
- Миллер О. Опыт исторического обозрения русской словесности. — СПб., 1866.–
- 4.1.
- Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. — М., 1993. — Т.1.
- Миролюбив Ю. Русский языческий фольклор. — М., 1995.
- Михайлова Т. А. О понятии «правый» и лингвоментальной эволюции // Вопросы языкознания. — 1993. — № 1.
- Мокиенко В. М. Образы русской речи. — Л., 1986.
- Мурзин Л.Н. О лингвокультурологии, ее содержании и методах // COLLEGIUM. — 1997. — № 1.
- Мыльников А. С. Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы. — СПб., 1996.
- Налимов В. В. В поисках иных смыслов. — М., 1993.
- Некрасова Е.А. Неосуществленный замысел 1920–х гг. создания Symbolariuma (Словаря символов) и его первый выпуск «Точка» // Памятники культуры. Новые открытия. — Л., 1984.
- Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. — М., 1993.
- Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. — М., 1985.
- Овчинников В. В. Ветка сакуры. — М., 1971.
- Ольшанский И. Г. Лингвокультурология: Методологические основания и базовые понятия // Язык и культура. — Вып. 2. — М., 1999.
- Опарина Е. О. Лексика, фразеология, текст: Лингвокультурологические компоненты // Язык и культура. — Вып. 2. — М., 1999.
- Очерки истории языка русской поэзии XX века. — М., 1994.
- О человеческом в человеке. — М., 1991.
- Павлов И. П. Избранные произведения. — М., 1949.
- Парахонский Б. А. Язык культуры и генезис знания: (Ценностно–коммуникативный аспект). — Киев, 1989.
- Петренко О. А. Этнический менталитет и язык фольклора. — Курск, 1996.
- Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях / Под ред. В.А. Звегинцева. — М., 1960. — Ч. 2.
- Пименова М. В. Ментальность: Лингвистический аспект. — Кемерово, 1996.
- Пископфель А. Категория личности в перспективе европейской культурной традиции // Вопросы методологии. — 1997. — № 1, 2.
- Подюков И. А. Народная фразеология в зеркале народной культуры: Учебное пособие. — Пермь, 1991.
- Шаповалова В. И. Язык как деятельность: Опыт интерпретации концепции В.Гумбольдта. — М., 1982.
- Потебня А. А. Эстетика и поэтика. — М., 1976.
- Потебня А. А. Теоретическая поэтика. — М., 1990.

- Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Лекция восьмая // Русская словесность: Антология. — М., 1997.
- Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. — М., 2000.
- Пропп В.Я. Морфология сказки. — Л., 1928.
- Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. — М., 1946.
- Пропп В.Я. Фольклор и действительность. — М., 1976.
- Пропп В.Я. Русский героический эпос. — М., 1958.
- Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль при обучении русскому языку иностранцев. — М., 1996.
- Родина Н. К. Об использовании тендерного анализа в психологических исследованиях // Вопросы психологии. — 1999. — № 2.
- Радченко О. А. Язык как мирозерцание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. — М., 1997. — Т. 1,2.
- Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: Тезисы конференции. — М., 1995.
- Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. — М., 1989.
- Руденко Д. И. Лингвофилософские парадигмы: Границы языка и границы культуры // Философия языка: в границах и вне границ. — Харьков, 1993.
- Русский ассоциативный словарь. Кн. 1, 2. — М., 1994; Кн. 3, 4. — М., 1996.
- Русский космизм. — М., 1993.
- Савельев В. В. Очерки прикладной культурологии: Генезис, концепция, современная практика. — М., 1983. — Ч. 1.
- Сагатовский В. Н. Русская идея: Продолжим ли прерванный путь? — СПб., 1994.
- Савицкий Б.М. Происхождение и развитие русских пословиц. — М., 1992.
- Сакулин П.Н. Филология и культурология. — М., 1990.
- Свясьян К. А. Проблема символа в современной философии. — Ереван, 1980.
- Семантика и прагматика в диалоге культур. — Самара, 1998.
- Сендеровт С. Ревизия юнговской теории архетипа // Логос. — 1994. — №6.
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М., 1993.
- Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. — М., 1983.
- Серио П. В поисках четвертой парадигмы // Философия языка: в границах и вне границ. Вып. 1. — Харьков, 1993.
- Сеченов И. М. Кому и как разрабатывать психологию: Психологические этюды. — СПб., 1873.
- Сиротинина О. Б. Речевой портрет собаки: Иллюзии или реальность // Вопросы стилистики. Вып. 28. — Саратов, 1999.
- Славянский и балканский фольклор. — М., 1986.
- Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В. Н.Телия. — М., 1995.
- Соколов Э. В. Понятие, сущность и основные функции культуры. — М., 1989.
- Соколов Э.Ю. Культурология. — М., 1994.
- Солодуб Ю.П. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистического исследования // ФН НДВШ. — 1990. — № 6.
- Сорокин Ю.А. Речевые маркеры этнических и институциональных портретов и автопортретов // Вопросы языкознания. — 1995. — № 6.
- Сорокин Ю.А. Стереотип, штамп, клише: К проблеме определения понятий // Общение: Теоретические и прагматические проблемы. — М., 1978.
- Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Национально-культурная специфика художественного текста. — М., 1989.
- Сорокин Ю.А. Введение в этнопсихолингвистику. — Ульяновск, 1998.
- Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. — М., 1977.

- Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. — М., 1985.
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. — М., 1997.
- Сукаленко Н. И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. — Киев, 1992.
- Сумцов Н. Ф. Символика славянских обрядов. — М., 1996.
- Супрун А. Е. Лекции по теории речевой деятельности. — Минск, 1996.
- Тайлор Э.Б. Первобытная культура. — М., 1989.
- Тарланов З. К. Этнический язык и этническое видение мира // Язык и этнический менталитет. — Петрозаводск, 1995.
- Телия В. Н. О методологических основаниях лингвокультурологии // XI Международная конференция «Логика, методология, философия науки». — М.; Обнинск, 1995.
- Телия В. Н. Русская фразеология. — М., 1996.
- Тойнби А. Постижение истории. — М., 1996.
- Толстой Н. И. О природе связей бинарных противопоставлений типа правый—левый, мужской—женский // Языки культуры и проблемы переводимости. — М., 1987.
- Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — М., 1995.
- Толстой Н. И. и Толстой С. М. О задачах этнолингвистического изучения Полесья // Полесский этнолингвистический сборник. — М., 1983.
- Топоров В. Н. и др. Исследования в области балто—славянской духовной культуры. — М., 1994.
- Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. — М., 1995.
- Топорова Т. В. Об архетипе «воды» в древнегреческой космогонии // Вопросы языкознания. — 1996. — № 6.
- Тоффлер О. Раса, власть и культура // Новая технократическая волна на Западе. — М., 1986.
- Трубачев О.Н. История славянских терминов родства. — М., 1959.
- Трэнер В. Символ и ритуал. — М., 1983.
- Тульviste П. Культурно—историческое развитие вербального мышления. — Таллинн, 1988.
- Уфимцева Н. В. Структура языкового сознания русских: 70-е — 90-е годы // Этническое и языковое самосознание: Материалы конференции. — М., 1995.
- Федоров А. И. Сибирская диалектная фразеология. — Новосибирск, 1980.
- Фейербах Л. Основные положения философии будущего // Избранные философские произведения. — М., 1955. — С. 203.
- Флоренский П. Столп и утверждение истины. — М., 1914.
- Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. — М., 1989.
- Франк С., Струве П. Очерки философии культуры. Культура и личность // Культура в современном мире: Опыт, проблемы, решения. Информационный сборник. Вып. 1. — М., 1990.
- Фрейд З. Тотем и табу. — М., 1992.
- Фрейденберг О. М. Происхождение эпического сравнения (на материале «Илиады») // Труды юбилейной научной сессии. 1819—1944. — Л., 1946.—С. 111—113.
- Фромм Э. Душа человека. — М., 1992.
- Фромм Э. Бегство от свободы. — М., 1990.
- Фрумкина Р. М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике // Вопросы языкознания. — 1996. — № 2.
- Фрумкина Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Вопросы языкознания. — 1995. — № 2.

Фрумкина Р. М. Лингвистика в поисках эпистемологии // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы: Тезисы Международной конференции. — М., 1995. — Т. 11.

Фрумкина Р. М. Культурологическая семантика в ракурсе эпистемологии // Известия Академии Наук. Сер. «Литература и язык». — Т. 58. — 1999. — № 1.

Фрэзер Дж. Золотая ветвь. — М., 1983.

Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом завете. — М., 1993.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. — СПб., 1994.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. — 1994. — № 1.

Хёйзинга И. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. — М., 1992.

Хроленко А. Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. — Воронеж, 1981.

Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. — М., 1990.

Цивьян Т. В. Движение и путь в балканской модели мира. — М., 1999.

Чавчавадзе Н. З. Культура и ценности. — Тбилиси, 1984.

Черданцева Т. З. Идиоматика и культура (постановка проблемы) // Вопросы языкознания. — 1996. — № 1.

Чешко С. В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. — 1994. — № 6.

Чикалова И. Белорусские женщины между «общественным» и «частным» в годы советской власти // Иной взгляд. — 2000. — Май.

Чмыхов Н. А. Истоки язычества Руси. — Киев, 1990.

Шелестюк Е. В. О лингвистическом исследовании символа // Вопросы языкознания. — 1997. — № 4.

Шпенглер О. Закат Европы. — М., 1993.

Шпет Г. Г. Сочинения. — М., 1989.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. — М., 1974.

Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник Вселенной. — М., 1990.

Этническое и языковое самосознание: Материалы конференции. — М., 1995.

Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. — М., 1987.

Этнолингвистический словарь славянских древностей. — М., 1984.

Юнг К. Г. Психология бессознательного. — М., 1996.

Юнг К. Г. Архетип и символ. — М., 1991.

Яковлева Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. — 1998. — № 3.

Bartminski E. Stereotyp jako przedmiot lingwistyki // Z problemow frazeologii polskiej i slowianskiej. — Wroclaw, 1985.

Bruckner A. Mitologia slowianska i polska. — Warszawa, 1980.

Kassirer E. The philosophy of symbolic forms. Vol. 2. Mythical thought. — New-Haven; London, 1970.

Kassirer E. Philosophie der symbolischen Formen. — Berlin, 1923.

Kroeber A. and Kluckhohn K. The Concept of culture. Papers of the Peabody. — Museum, 1950.

Frye N. Symbol // Encyclopedia of poetry and poetics. — Princeton, 1965.

Heiman J. Natural syntax: Iconicity and erosion. — Camb., 1985.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. — Chicago; L., 1980.

Lindgren L. C. I. On metaphoric communication as the original protolanguage // Studies in language origins. V. 2. — Amsterdam; Philadelphia, 1991.

Lippmann W. Public Opinion. — NY, 1992.

Malinowski B. Myth in primitive psychology. — L., 1926.

Smuts B. The evolutionary origins of patriarchy // Human Nature. — 1995. Tannen D. That's Not 1 meant! How Conversational Style Makes of Breaks Relationship. Ballantine Books. — NY, 1994.

Учебное издание

Маслова Валентина Львраамовна

Лингвокультурология

Учебное пособие

Редактор Р. КЛопина Технический редактор Е. Ф. Коржуева Компьютерная
верстка: И. В. Земскова Корректоры Э. Г. Юрга, М. А. Суворова

Диaposитивы предоставлены издательством.

Подписано в печать 29.04.2001. Формат 60x90/16. Бумага тип. №2. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 13,0. Тираж 30000 экз. (1-й завод 1-7000 экз.). Заказ № 419.

Лицензия ИД № 02025 от 13.06.2000. Издательский центр «Академия».

105043, Москва, ул. 8-я Парковая, 25. Тел./факс (095) 165-4666, 305-2387, 330-
1092.

Отпечатано на Саратовском полиграфическом комбинате. 410004, г.Саратов,
ул.Чернышевского, 59.